

Le des erexa

АРИЕННА БАССО

Le des erexa

Элино́р Ко́ллинз уверена: завоевать лондонский свет суждено лишь ее прелестной младшей сестре. Но к большому удивлению, именно на Элино́р падает выбор самого завидного жениха столицы Себастья́на До́дда, виконта Бентона. Сама того не подозревая, девушка стала орудием давно задуманной мести виконта. Однако и Себастья́н пока не догадывается, что очень скоро его игра воплотится в реальность, а холодный расчет соблазнителя обернется подлинной страстью — пыткой, жгучей, неодолимой...

Чезвик Мэнор, Кент, Англия

Ранняя весна 1819 года

— Пожалуйста, теперь все подойдите сюда.

Низкий и торжественный голос священника нарушил оглушительную кладбищенскую тишину. Стиснув зубы, Себастьян Додд, виконт Бентон, шагнул вперед и слегка помедлил, когда его ослепило яркое солнце. За ним двинулась небольшая группа хорошо одетых людей, пока державшаяся на почтительном расстоянии.

Как все необычно, думал Себастьян, меняя положение, чтобы защитить глаза от солнечных лучей. Погода еще должна быть холодной, влажной и пасмурной, с мокрой землей под ногами, а вместо этого тепло, солнечно, с голубым небом, с густой зеленой травой и обилием весенних полевых цветов.

Стоя один, Себастьян помнил, что рядом находятся и другие люди. Несколько дальних родственников, которых он бы не хотел утруждать приездом сюда, и еще меньшая группа друзей, к которым он чувствовал глубокую благодарность за их присутствие на похоронах его бабушки.

— Графиня Мачдейл была прекрасной женщиной, с сильным характером и милосердной душой. Она была столпом общества, ярким примером замечательной и благовоспитанной женщины, — говорил священник. — Несомненно, эта добродетельная леди будет принята небесами с распростертыми объятиями.

Себастьян не мог сдержать улыбки. Его бабушка всегда была напористой, самоуверенной и весьма раздражительной женщиной, особенно в последние годы своей жизни. Она бы засмеялась, услышав подобные слова, и потом выбрала бы священника за преувеличение. Графиня была не из тех, кому нравится пустая лесть. Даже на ее собственных похоронах.

А что касается ее небесного восхождения, то, если такое место и существует, ей вряд ли гарантирован вход туда. Она вела отнюдь не благочестивую жизнь, сполна использовала привилегии своего положения в обществе и богатство, наслаждалась (как всегда подозревал Себастьян) плотскими удовольствиями. В конце концов она похоронила трех мужей, и все они были моложе ее.

Если какимто Божественным чудом его бабушка всетаки пройдет в небесные врата святого Петра, то уже через несколько минут начнет высказываться по поводу основательного улучшения дел на том свете. И на этом тоже.

— Давайте помолимся, — предложил священник.

Хотя прошло много времени с тех пор, когда Себастьян молился, он без труда произносил знакомые слова, удивляясь власти памяти. В заключение он поднял склоненную голову и первый раз взглянул на глубокую темную яму, вырытую в земле.

И содрогнулся. Невозможно представить его бабушку, упокоившуюся навеки в этой темноте, отрезанную от всего, что она когда-то любила.

По знаку священника четверо сильных могильщиков заняли свои места и начали медленно опускать гроб. «Прощай», — мысленно произнес Себастьян, и волна скорби, поднявшаяся из глубины души, застала его врасплох. Он был не из тех, кто дает волю своим

эмоциям. Жизненные трагедии научили его скрывать истинные чувства.

Смерть графини не стала для Себастьяна неожиданностью. За день до этого бабушка сказала ему, что устала от постоянных недомоганий и подавленности изза утраты активного образа жизни. Она призналась, что готова наконец покинуть этот мир и начать свое завершающее приключение.

Себастьян глубоко вздохнул. Она, может, и была готова к смерти, а вот он был совсем не готов видеть ее мертвой. Всю его взрослую жизнь она докучала ему, пытаясь диктовать, что он должен есть, что носить, на что тратить деньги, с кем общаться. Ей не составляло труда обнаружить его промахи и выразить свое недовольство. Но графиня с материнской самоотверженностью и защищала единственного внука. Ее преданность и любовь к нему не имели себе равных. Себастьяну трудно было примириться с необратимостью ее смерти, и он заставил себя глядеть на гроб, который медленно опускался в могилу.

Он услышал рыдание, потом громкое хлюпанье носом. Вероятно, это бабушкина кузина Сара. Она считала себя тонкой натурой и всегда пользовалась случаем выставить напоказ свою впечатлительность. Наверняка она часто присутствовала на похоронах, ведь кладбище — лучшее место для подобной демонстрации, вяло подумал Себастьян.

Рыдания стали громче. Хотя он считал их притворством, скорбный звук все же задел у него какуюто струну. Он почувствовал растущую в душе тяжесть, сочетание горя с необходимостью подавить его. Себастьяну вдруг захотелось повернуться и уйти, но это было бы непростительной грубостью. А в память о бабушке он должен вести себя с достоинством, соблюдая внешние приличия, как она бы желала и часто жаловалась, что именно этого ему и не хватало.

Он боролся с мятежными эмоциями, когда почувствовал рядом чьето присутствие. Видимо, ктото из окружающих приблизился к нему. Кто же рискнул быть таким смелым?

«Прошу тебя, Господи, пусть это будет не кузина Сара».

Но прежде чем Себастьян успел повернуться и взглянуть на неизвестную особу, женские пальцы легко коснулись его руки, затем он уловил свежий лимонный запах. Эмма.

Славная Эмма. Он знал, что во время службы она постоянно наблюдала за ним, готовая в критический момент, когда он дрогнет, прийти ему на помощь. Игнорируя приличия, Себастьян принял утешение Эммы. Странно, как такая маленькая, изящная рука могла влить в него силу, дав ему понять, что он был не одинок. По крайней мере сейчас.

Рыдания кузины Сары вдруг прекратились, сменившись негодующим вздохом. Очевидно, ее привел в ужас тот факт, что он держит руку незамужней девушки, с которой даже не помолвлен. Эмма тоже слышала этот вздох неодобрения, и, боясь, как бы она не отпрянула, Себастьян сжал ее пальцы. Но Эмма без колебаний ответила на его пожатие. Она была не из тех, кого легко запугать строгими правилами светского общества.

Под руководством священника они произнесли последнюю молитву, и все было кончено. Себастьян, не выпуская руку Эммы, повернулся к группе, стоявшей за ним.

— Благодарю всех за приезд. Хотя, мягко говоря, эта демонстрация почтения и любви удивила бы графиню, те из нас, кто знал и любил ее, понимают, что я имею в виду. — Он умолк, чтобы проглотить ком горя. — Кухарка приготовила большое количество закусок для поминок. Пожалуйста, давайте вернемся в поместье и отведаем это обильное угощение.

Большинство собравшихся покорно направились к экипажам. Семейный участок кладбища, где похоронили графиню, был живописным местом, граничащим с лесами поместья. Себастьяну хотелось бы пройти всего милю до дома пешком, но было немыслимо

предлагать это его старым родственникам.

— Может, поедешь в моей карете, Бентон? Здесь достаточно места.

Подумав, Себастьян покачал головой. Картер Грейсон, маркиз Этвуд, был одним из двоих людей, кому он полностью доверял, кого глубоко уважал и любил. Они вместе учились в Итоне, потом в Оксфорде, завязали дружбу, окрепшую, когда они стали мужчинами.

Женитьба маркиза на Доротее Эллингем не ослабила их давний мужской союз, хотя Себастьян полагал, что друг начинает проявлять нездоровую склонность к приличиям. Увы, брак и респектабельность могут сделать это даже с самым большим любителем удовольствий.

Кроме того, маркиз был зятем Эммы.

— Если не хочешь ехать с Этвудом и леди Доротеей, можешь поехать со мной, — предложил ему Питер Доусон.

Он тоже был его школьным приятелем и вторым человеком, кого Себастьян считал верным другом. Спокойный, разумный и уравновешенный Доусон удерживал друзей от полного безрассудства, однако знал и как повеселиться.

— Мой кучер получил указание вернуться за мной, когда доставит родственников к порогу дома, — ответил Себастьян. — Я подожду его.

— Я, пожалуй, присоединюсь, — вызвалась Эмма.

— Право, Эмма, ты должна ехать с нами, — неодобрительно произнесла леди Доротея. — Я уверена, что виконт хочет несколько минут побыть один.

— Господи, я не подумала об этом, — смутилась девушка.

— Нет, я бы как раз предпочел, чтобы Эмма осталась со мной. Если вы не против, разумеется.

Себастьян смотрел на леди Доротеею, но явно обращался к ее мужу. Этвуд на правах родственника был как бы попечителем Эммы, хотя, если бы леди Доротея возражала, ее младшая сестра подчинилась бы.

Себастьян знал, что она добрая женщина и заботится о нем, что она искренне сочувствует ему по поводу смерти бабушки. Однако его печально известная репутация и скандальное поведение вызывали у нее оправданное нежелание оставить семнадцатилетнюю сестру с таким человеком в столь уединенном месте.

Глубоко вздохнув, леди Доротея повернулась к мужу. Этвуд поморщился, затем пристально взглянул на Себастьяна, не выпускавшего руку Эммы. Тот прижал ее к груди. Этвуд неодобрительно поднял бровь.

— Мы вскоре увидим вас обоих? — спросил он после недолгого молчания.

Это был скорее приказ, чем вопрос. Себастьян кивнул.

После их отъезда наступила тишина. Они с Эммой рука об руку шли по маленькому кладбищу мимо хорошо ухоженных могил его предков.

— Красивое место, — заметила Эмма.

— Да.

Себастьян глядел вдаль, на море голубых полевых цветов, которые резко контрастировали с густой зеленой травой. Странно, бабушка любила все оттенки голубого.

— Поплачь, Себастьян, тебе станет легче. В скорби от твоей утраты никакого стыда нет. Это естественно. Клянусь, я рыдала целую вечность, когда умерли мои родители.

— Ты была пятилетним ребенком.

Эмма сердито фыркнула, и он улыбнулся. Себастьян понял, что она хотела с ним

поспорить, навязать свое мнение, но сердечная доброта не позволяла бросить ему вызов при столь печальных обстоятельствах.

Соблюдая приличия, он положил руку Эммы на сгиб своего локтя.

— Ты знаешь, что я видела графиню накануне смерти?

— Припоминаю, она мне говорила. С твоей стороны было очень любезно подумать о ней. Мало кто потрудился навестить старую больную женщину.

— В дополнение к визиту я коечто принесла. Но похоже, бабушка не сказала тебе об этом.

— Она упомянула только о визите.

— Я знаю, графиня хотела показать это тебе, но скорее всего ей уже не хватило сил. —

Эмма помолчала. — Я привезла для нее твой портрет.

— Ты его закончила?

— Да. Главную часть работы я сделала за несколько недель. Меня беспокоило поспешное выполнение последних штрихов, но я знала, что графиня долго не проживет. Слава Богу, поспешность не повлияла на качество работы. Полагаю, она была очень довольна результатом, — скромно заключила Эмма.

Себастьяна обрадовало, что графиня увидела законченную работу, и в то же время опечалило, что им не удалось вместе оценить портрет, ведь он был идеей бабушки. Ее настолько поразил талант Эммы, что она без колебаний заказала ей портрет своего внука. И не ошиблась. Несмотря на молодость, Эмма не была дилетанткой, которая забавляется рисованием, а серьезной художницей с необыкновенными способностями.

Тратя время на позирование, Себастьян получил в ответ редкий подарок — дружбу с Эммой, представительницей другого пола. Чего не мог раньше представить и что очень ценил.

— А я выгляжу на моем портрете невероятно красивым?

— Себастьян, я художник, а не волшебница.

— Ты нахальный ребенок, — заявил он.

— А ты слишком тщеславный. И к тому же красив. Я изобразила тебя, какой ты есть, хотя графиня считала, что я приукрасила ширину твоих плеч и твердость подбородка.

— Значит, женщины будут потрясены?

— О да. И в устрашающих количествах начнут падать в обморок, глядя на твою неотразимость.

— Возможно, онемеют?

— Лишатся дара слова.

— Увы, многим леди в обществе это совсем нетрудно.

Эмма слегка подняла бровь. Весьма искушенно для столь невинной молодой особы.

— Твое мнение о слабом поле оскорбительно. Не все же мы стадо дурочек.

— Я на пальцах одной руки могу сосчитать женщин, у которых мыслей больше, чем Бог дал гусыне.

Эмма покачала головой:

— А ты когданибудь задумывался, почему в обществе так много глупых и невежественных молодых женщин? Не потому ли, что мужчины специально держат их в неведении, чтобы управлять ими?

— Защищать их.

— Вздор. — Эмма громко вздохнула. — Ты веришь этому не больше, чем я.

Себастьяна восхищала ее манера вскидывать подбородок, когда она возмущается. Эмма была очень привлекательной девушкой и со временем, полностью оформившись, станет неотразимой женщиной. К этому все идет.

— Хотя ты не желаешь этого признавать, мы оба знаем, что в обществе есть женщины, которым требуется мужская защита. Главным образом чтобы спасти их от самих себя. Думаю, в этом сезоне ты уже видела таких. Поверь мне, будут и другие.

— Право, Себастьян, иногда ты бываешь ужасным грубияном. Даже не понимаю, чем ты мог заслужить свою репутацию.

— Усердным трудом на этом поприще.

Он улыбнулся. Сейчас ему нужен отвлекающий разговор. Через несколько минут он встретится с родственниками, позже состоится чтение завещания, а, учитывая бабушкин характер, там наверняка будут сюрпризы.

Они миновали короткий ряд могил и повернули к следующему. Взгляд Себастьяна остановился на высоком мраморном надгробии. Эванджелина Кэтрин Мария Додд, пятая графиня Бентон. Его мать.

Он крепко зажмурился, чтобы не допустить того, что непременно последует. Но картина опять всплыла в памяти. Не менее ужасная, чем в роковой день восемнадцать лет назад.

Себастьян приехал домой на каникулы и был счастлив, что снова в Чезвике, а главное, рядом с матерью. Этот факт он скрывал даже от близких друзей, зная, как безжалостно они станут дразнить его за такую нежную любовь к матери.

Отец Себастьяна умер, когда тот был совсем маленьким, и не оставил у него отчетливых воспоминаний. Тем не менее порой он чувствовал утрату отца, но это быстро проходило благодаря матери.

Она была красивой женщиной, однако вторично замуж не вышла, посвятив себя единственному ребенку и проявляя живой интерес ко всему, что он делал. Она пролила море слез, когда отправила его учиться в Итон. Писала ему каждую неделю и устраивала праздник, когда он приезжал домой на каникулы.

Но в тот его приезд мать выглядела очень изменившейся. Была сдержанной, озабоченной, иногда раздраженной, иногда слезливой без всякого повода. Она едва глядела на сына, не выходила из своих комнат, ела в одиночестве, не решалась удалиться от дома.

Уже не было ни счастливых объятий, ни ласковых прикосновений. Многочисленные попытки Себастьяна вызвать у нее улыбку успеха не принесли. Беспокоясь, что причиной нежелательной перемены были слухи о его далеко не безупречном поведении и весьма посредственных оценках, Себастьян однажды собрал букет полевых цветов, какие мог найти.

Хотя ему потребовался на это целый час, зато результат был впечатляющий. Надеясь, что это поднимет матери настроение и вернет улыбку, которой он так дорожил, Себастьян постучал в дверь ее спальни.

Тишина. Он постучал сильнее — никакого ответа. Ему бы следовало уйти, но характер не позволил так легко сдаться. Толкнув дверь, он вошел в комнату и застыл от ужаса.

Себастьян вздрогнул. На миг он снова почувствовал себя маленьким мальчиком, испуганным, потрясенным своим открытием.

К прочному драпировочному карнизу окон была привязана веревка, с которой свисало неподвижное, безвольное тело женщины. Тело его матери в серебряном вечернем платье.

Себастьян не имел представления, как долго он там стоял. Издал хотя бы звук или

хранил молчание. Он ясно помнил, что потом сидел с бабушкой в гостиной. Она с печалью и страхом без конца повторяла ему, что он никому не должен говорить о случившемся. Никто и никогда не должен узнать о самоубийстве его матери.

— Себастьян?

Голос Эммы вернул его из прошлого в настоящее. Подняв глаза, он встретил ее озабоченный взгляд.

— Я в порядке.

Он кивнул, убеждая себя, что это правда, и отвел взгляд. У Эммы глаз художника, способный увидеть сущность человека, и ему не хотелось, чтобы ее омрачила тьма, заполнившая его душу.

Себастьян пристально смотрел на дорогу. Кажется, там его экипаж? Он буквально потащил Эмму с кладбища в отчаянной попытке сбежать от воспоминаний. Она подняла брови, но молчала, пока оба не сели в карету.

— Ты выглядишь расстроенным, Себастьян. Расскажи мне, тебе станет легче.

Конечно, так соблазнительно облегчить наконец душу. Эмма выслушает его, посочувствует, не осудит. Но ведь он дал слово бабушке. Никто не должен знать правду.

Он много лет пытался выяснить, что толкнуло его мать на столь ужасный шаг. Очевидно, ее страдание было невыносимым. Бабушка пресекала любые разговоры, имеющие отношение к ее смерти, но когда Себастьяну исполнился двадцать один год, он потребовал объяснений.

— Нельзя плохо говорить о мертвых, — упорствовала графиня.

— Господи! Она была моей матерью. Думаю, я имею право знать правду.

— Ее погубил мужчина, — наконец призналась бабушка.

— Мужчина? Какой мужчина?

— Джордж Коллинз, граф Хетфилд. Она познакомилась с ним в начале того года. Он совсем недавно овдовел, Эванджелина проявила сочувствие. Они быстро сблизились.

— Насколько близко?

— Достаточно близко, чтобы она забеременела от него. Эванджелина была дочерью моего мужа, но я любила ее как собственную плоть и кровь. Я была рада, что она пришла ко мне, когда попала в беду, а граф не желал отвечать на ее письма, даже отказался видеть ее. Но увидел меня.

— Ты ездила к нему?

— Да. Он пытался опорочить в моих глазах твою мать, говорил мне всякую гнусную ложь, но я не верила ему. Я потребовала, чтобы он поступил должным образом и женился на ней. Этот бесчестный, мерзкий человек отказался. Я бы занялась им более решительно, но вскоре поняла, что ей будет лучше без него.

— Видимо, нет.

Глаза бабушки наполнились слезами.

— Я даже представить не могла, насколько она страдала, какой опозоренной себя чувствовала. Я предложила ей вместе поехать за границу, чтобы она могла втайне родить ребенка. Я поклялась найти для него хороший дом и любящих родителей. Она могла бы даже навещать их, что давало ей возможность связи с ребенком. Она сказала мне, что подумает над этим, но два дня спустя...

— Она повесилась. — Себастьян помнил, как впервые произнес вслух те слова.

— Я укоряю себя за то, что не сделала большего, чтобы помочь ей, постараться

успокоить, — сказала графиня, тихо всхлипнув.

— Я виню Хетфилда. Он убил мою мать, как если бы собственными руками надел петлю ей на шею. Он должен за это заплатить.

— Нет, Себастьян. — Графиня поднялась с кресла, голос у нее дрожал. — Немедленно выкинь эти мысли из головы. Умоляю, ради меня. Я тоже хочу отмщения, но это будет напрасная победа, если тебя ранят или того хуже. Обещай мне, что оставишь все как есть. Я настаиваю.

— Бабушка...

— Дай мне слово, что будешь избегать графа.

— Обещаю.

Даже много лет спустя Себастьян помнил возникшую в душе пустоту. Он дал слово и, хотя это было трудно и мучительно, держал его. Но теперь бабушка умерла, и данная ей клятва похоронена вместе с нею в холодной черной земле. Возможно, единственным благом от ее смерти станет свобода действий, которая принесет ему покой.

Наконец он выполнит то, чего так страстно желал: отомстит Джорджу Коллинзу, графу Хетфилду.

— Похоже, дождь собирается лить до утра, — заявила Бьянка Коллинз, глядя в окно гостиной. — Думаешь, папа сегодня приедет, Элино́р?

Оторвавшись от шитья, лежавшего на коленях, Элино́р подняла голову и улыбнулась младшей сестре. В свои восемнадцать лет та уже полностью сформировалась и была потрясающе красивой: тонкие черты лица, безупречная кожа, густые длинные волосы цвета осенней листвы, ясные, блестящие глаза, зеленые, как луговой мятлик летом.

Но Элино́р знала, что истинную красоту придают Бьянке мягкость ее характера, сердечная доброта и оптимистический взгляд на жизнь.

— Поступки графа невозможно предсказать. — Элино́р воткнула иголку в тонкий муслин платья, которое шила. — Боюсь, наш знаменитый отец похож на погоду.

— Меня так одолевает любопытство, что последние ночи я едва спала, — призналась Бьянка. — Хотя чувствую, папа собирается нам сказать нечто замечательное.

— Ну ну, — пробормотала Элино́р.

Она тоже страдала бессонницей, ожидая приезда графа. Только в отличие от Бьянки старалась подавить страх. Короткая записка графа, сообщавшая о его скором визите, пришла еще две недели назад и была послана не дочерям, а скорее дворецкому — с приказом все для него приготовить. По мнению Элино́р, ничего хорошего это не сулило, но ей не хватило духу огорчить сестру.

Бьянка жила моментами, когда отец вспоминал о существовании дочерей, изредка появляясь в их жизни. Несколько часов, проведенных с графом, давали Бьянке ощущение, что она оставалась важной частью его жизни.

Но Элино́р смотрела на это подругому. Граф давно бросил их. Его погоня за удовольствиями, путешествия за границу, светская жизнь в Лондоне представляют для него больший интерес, чем двое лишенных матери детей.

Хотя Элино́р вырастили гувернантки, но за первые восемь лет своей жизни она познала и материнскую любовь. А Бьянка вообще осталась без матери, та умерла через несколько дней после ее рождения. Может, этим и объясняется такая безоговорочная любовь сестры к графу: ведь он единственный родитель, какого она знала.

Видимо, Бьянке хватало нечастого интереса, который он демонстрировал, и случайной любви, которую он ей дарил. Но Элино́р хотела невозможного, хотела, чтобы отец любил ее. И каждый раз граф доказывал, что единственный человек, кого он любил, — это он сам.

Элино́р знала, что она не идеальная дочь, которой полагается быть слепо послушной, кроткой и угодливой. Временами она даже позволяла себе осуждать графа за его пренебрежение родительскими обязанностями. Но худшим из всех ее преступлений была неспособность удачно выйти замуж.

Граф неохотно подарил ей один сезон в Лондоне, но она его разочаровала. Не поразила общество, не добыла мужа, не принесла семье ни богатства, ни поместья, ни связей. А теперь, в двадцать шесть лет, она уже слишком стара, и отцу от нее мало пользы.

— Надеюсь, папа задержится тут хотя бы на несколько дней. — Бьянка просияла. — Может, найдет время познакомиться с мистером Смитом. Он говорил мне, и не раз, что почтет за честь знакомство с папой.

Это уж точно, подумала Элино́р. Мистер Смит лишь недавно поселился в их сельской

округе. Его заявление о дальнем родстве со сквайром Уильямсом открыло молодому человеку несколько дверей, и он пользовался этим, стараясь упрочить репутацию состоятельного, культурного джентльмена. Насколько Элино́р могла судить, ни тем, ни другим в значительном количестве мистер Смит не обладал.

— Без особых причин граф не смешивается с местным обществом, — сказала она.

— Я знаю, — вздохнула Бьянка. — И все же мне очень хочется услышать его мнение о мистере Смите, ведь он так похож на папу. Я уверена, они замечательно поладят.

Едва ли сходство с их отцом можно считать замечательным качеством. Элино́р поняла, что это еще одна причина ее неприязни к мистеру Сми́ту, такому же высокомерному, как и граф. А Бьянка, видимо, принимала это за твердость характера.

Кроме того, Элино́р очень сомневалась в искренности чувств мистера Сми́та. Он искал внимания Бьянки лишь потому, что младшая дочь графа стала бы для него самой удачной невестой.

Для сестры она хотела лучшего. Волшебства любви, обещания счастья, уважения мужа, считающего Бьянку подарком судьбы.

Конечно, того же она хотела и для себя, но возможность появилась, а затем исчезла много лет назад. Когда она была слишком молодой и слишком наивной, чтобы понять ее ценность. Когда она безрассудно упустила ее.

Нет, это еще не вся правда. Если б она последовала зову сердца, ей пришлось бы покинуть отцовский дом, оставив беззащитной девятилетнюю Бьянку.

Дочь аристократа и слуга... Разве им место перед алтарем? Но она полюбила Джона Таннера всем сердцем семнадцатилетней девушки, и он безоговорочно ответил на ее любовь. Они знали, что их связь невозможна, и единственный способ быть вместе — это начать другую жизнь там, где никто не знает об их прошлом. Несколько месяцев спустя у них созрел план бегства. Сначала они переберутся в Шотландию, чтобы пожениться, а затем отправятся на побережье, где Джон найдет работу.

Довольно легко было выскользнуть из дома в ночь бегства, но объявить Джону, что она не пойдет с ним, было самым трудным делом. Она хотела его всеми фибрами души и в то же время знала, что должна принять на себя ответственность за сестру, если не желает потом всю жизнь сожалеть о своем выборе.

Элино́р было несвойственно возвращаться в прошлое и думать о том, что могло бы случиться. И все же порой ее интересовало, как бы сложилась ее жизнь, если бы она могла рискнуть и последовать велению сердца.

Элино́р осторожно тянула нитку, стараясь не испортить прекрасную ткань платья, которое переделывала для Бьянки. Когдато оно было свидетелем ее неудачного дебюта в единственном сезоне. Платье давно вышло из моды, но качество материала превосходное, и оно вполне еще пригодно. Даже более чем пригодно, ведь на Бьянке все выглядит восхитительно.

Граф был не слишком щедр, когда это касалось содержания дочерей. По необходимости Элино́р овладела швейным искусством, переделывая для себя и Бьянки устаревшую одежду. Но в последнее время она больше заботилась о том, чтобы ее сестра всюду появлялась в новых модных нарядах.

Обдумывая, не украсить ли вышивкой лиф платья, она услышала внизу шаги, потом низкий, раскатистый голос, приказывающий слуге открыть дверь гостиной. Отец.

Элино́р тяжело сглотнула, надеясь успокоить внезапную боль в груди. Но прежде чем

она успела полностью овладеть собой, дверь распахнулась, и вошел граф Хетфилд — красивый шестидесятилетний мужчина высокого роста, с серебряными волосами и пронзительными темными глазами.

— Папа! Ты приехал! — Бьянка подбежала к нему, чтобы обнять.

Элино́р даже не встала. Граф был не из тех родителей, кому нравятся проявления чувств, хотя он еще терпел объятия Бьянки. Что же касается старшей дочери, то Элино́р не помнила случая, когда отец снисходил до того, чтобы хоть немного приобнять ее.

— Осторожней, девушка, ты помнешь мой сюртук.

Черствое замечание не смутило Бьянку, она засмеялась и только крепче обняла графа. На миг Элино́р позавидовала наивности сестры. Ее обиды еще впереди.

— Я уверена, что даже морщинки не обнаружишь на вашей идеальной внешности, милорд, — заметила Элино́р. — Ваш камердинер никогда этого не допустит.

Граф откинул голову и, взглянув на нее, озадаченно нахмурился. Он что, забыт, кто она такая? Элино́р заставила себя встретить его взгляд.

— Мне необходимо выпить, — заявил граф. — Дороги из Лондона были ужасными.

— Папа, я сейчас принесу.

Бьянка подбежала к буфету и смущенно замерла, глядя на хрустальные графины и бокалы различной формы.

— Бренди. — Элино́р указала на самый высокий графин. — И возьми коньячный бокал.

— Удивлен, что ты помнишь, — заметил граф, взбалтывая янтарную жидкость в бокале, который подала ему Бьянка.

— У меня отличная память.

Элино́р редко пила спиртное, только иногда стакан вина за обедом. Но сейчас ей не мешало бы выпить для храбрости.

— Память — самая неприятная черта, — сказал граф, садясь. — Особенно у женщин твоего возраста, Элино́р.

— Ты ведь проделал весь этот путь не только для того, чтобы выпить, — процедила Элино́р, взбешенная его оскорбительными словами. — Тебе наверняка что-то потребовалось?

— Я приехал забрать Бьянку в Лондон. Самое время представить ее обществу.

— В Лондон? Правда? — Бьянка задохнулась от восторга.

— Сезон уже начался, — возразила Элино́р.

— Не имеет значения. Понастоящему важные балы и приемы еще впереди.

— Но для подготовки требуется время. Бьянке нужны туалеты, обучение манерам, этикету, танцам.

— Ей требуется лишь одежда для поездки в Лондон, — отмахнулся граф. — А гардероб мы пополним там. Что касается остального, полагаю, ты научила ее надлежащему поведению. Или ты хочешь сказать, что все эти годы пренебрегала ею?

— Я сделала все, что могла, передав ей мои скромные познания. Но мой светский опыт, если помнишь, весьма ограничен.

Граф бросил на нее косой взгляд, как будто не нуждался в подобном напоминании.

— К счастью, Бьянка обладает красотой и умом, — сказал он. — Уверен, ее ждет потрясающий успех.

Что все это значит? Элино́р похолодела от страха. Если отец действительно хотел ввести Бьянку в общество, то почему так долго ждал, не ставя сестер в известность? Ведь даже при самых благоприятных обстоятельствах провинциальной Бьянке трудно будет

добиться успеха в блистательном лондонском свете.

— Конечно, Бьянка очарует всех, — осторожно произнесла Элино́р. — Но если бы она имела достаточно времени для подготовки, успех был бы ей гарантирован. Почему не представить ее в следующем сезоне?

— И потерять отличный урожай богатых холостяков этого года? Нет, я уже все решил. Она поедет сейчас.

Теперь причина его поспешности стала ей ясна. Граф хотел, нет, ему требовалось найти мужа для младшей дочери. И как можно скорее. А это значит, что финансовое положение у него хуже, чем обычно.

Для Элино́р не было секретом, что поместье заложено, что граф задолжал всем — от слуг до торговцев. Правда, он каким-то непонятным образом ухитрялся добывать средства, чтобы отчасти расплатиться с наиболее агрессивными кредиторами, но семья все равно пребывала в безвыходном положении. Видимо, что-то произошло. Но если бы Элино́р и выяснила, зачем графу так срочно понадобились деньги, это не изменило бы его планов.

Он собирается выдать Бьянку за того, кто принесет ему наибольшую выгоду. И разумеется, не позволит, чтобы такая мелочь — вроде чувств дочери к ее будущему мужу — повлияла на его решение.

Но Бьянка счастливо улыбалась, не сознавая, какую судьбу готовит ей отец.

— Мы едем в Лондон! Разве ты не рада, Элино́р? Прошло уже столько лет с тех пор, как ты была в обществе.

— При чем здесь Элино́р? — Граф пренебрежительно взглянул на старшую дочь. — Бьянка, я приехал забрать в Лондон тебя, а не твою сестру.

— Почему она не поедет с нами? — расстроилась Бьянка.

— Она там не нужна.

Элино́р закусила губу, пытаясь выглядеть спокойной. Граф не спорил с дочерьми. Он приказывал, они повиновались. Однако с соответствующим подходом его можно было уговорить.

— Конечно, Элино́р должна поехать, — дрожащим голосом сказала Бьянка. — Я пропаду без нее. Пожалуйста, папа!

Граф опять перевел неодобрительный взгляд на старшую дочь, и Элино́р вскинула голову. Ради неопытной Бьянки ей очень хотелось поехать в Лондон. Опекать ее там. Что станет с ее любимой сестрой, если она не сможет о ней позаботиться? Какого мужа граф выберет для младшей дочери? Элино́р не доверяла ни его рассудительности, ни его побуждениям.

— Если ты меня возьмешь, я могу служить ей компаньонкой, — спокойно произнесла она.

— Пожалуйста, скажи «да», папа, — умоляла Бьянка, опускаясь на колени перед его креслом.

Хотя ей было тягостно видеть унижение сестры, Элино́р молчала. Наконец граф поднял бровь и равнодушно заявил:

— Если ты этого хочешь, Бьянка, твоя сестра может поехать с нами. При условии, что она будет полезной.

Питер Доусон с изящной легкостью перетасовал колоду и умело сдал карты. Сидя напротив друга, Себастьян приказал себе выглядеть расслабленным и спокойным. Ведь

джентльмены просто играли в карты, и если бы он казался озабоченным или возбужденным, это могло вызвать подозрения.

В отличие от переполненного, душного бального зала герцога Уоррена игровая комната была раем для джентльменов, которым требовался отдых после танцев и бесед. Из пятерых игроков Себастьяна интересовал только один — граф Хетфилд.

Похоронив бабушку, он через несколько дней вернулся в Лондон и обнаружил, что графа там нет. Две недели он провел в беспокойном ожидании, пока не узнал хорошие новости: четыре дня назад граф наконец приехал. Рассчитывая, что тот должен появиться в обществе, Себастьян посетил уже три суаре и с некоторым удивлением встретил его на балу у герцога.

— Карты, джентльмены? — спросил Доусон.

Сэр Чарлз отказался, лорд Фарбер взял одну, граф сразу две и затянулся сигарой. Он выглядел моложе, чем предполагал Себастьян, и далеко не таким дурным с виду. Он поклялся бабушке избегать встречи с Хетфилдом и держал слово, опасаясь, что потеряет самообладание.

Но теперь Себастьян, к своему удивлению, безучастно смотрел на человека, который довел его мать до самоубийства и навсегда изменил его жизнь. Может, потому, что план его мести был настолько простым?

Себастьян выбрал честный способ — дуэль с графом. Хотя общество не одобряло поединков, для всех джентльменов они служили средством защитить свою честь и добиться справедливости.

Разумеется, он мог обвинить Хетфилда в безвременной кончине матери, на то у него имелись основания, но тогда пришлось бы открыть тяжелую правду. А, как ни поразительно, бабушке все же удалось сохранить в тайне самоубийство, и он не хотел пятнать скандалом память своей матери. Пусть в обществе считают, что дуэль произошла по какойто иной причине. Например, изза обвинения в мошенничестве при карточной игре.

Поставить честь Хетфилда под сомнение очень легко. Когда графу особенно повезет с выигрышем, Себастьян обвинит его в мошенничестве и потребует удовлетворения, вынудив к дуэли. На шпагах или пистолетах, все равно — Себастьян был превосходным фехтовальщиком и отличным стрелком.

— Бентон? — Привычным жестом Доусон протянул ему колоду. — Ты берешь?

Взглянув на свои карты, Себастьян покачал головой и бросил монету в центр стола. Чтобы выиграть в двадцать одно, необходимо точно помнить вышедшие карты и обладать способностью рассчитывать следующий ход противника, что блестяще умел делать Себастьян.

Он внимательно наблюдал за графом. Это был самый искусный, опытный и решительный из всех игроков, сидевших за столом. Кроме Себастьяна, который умышленно отбрасывал выигрышные карты.

По сигналу Доусона все открыли карты.

— Двадцать одно, — сказал он. — Выиграл лорд Хетфилд.

— Проклятие, сегодня госпожа Удача определенно улыбается вам, граф, — проворчал лорд Фабер. — Вы берете подряд уже третью взятку.

— Может, вам лучше переключиться на игру в кости, милорд? — с улыбкой спросил граф.

— Ха! В кости играют молодые глупцы, — возразил лорд Фабер. — Не имеет смысла

тратить деньги впустую.

Игра возобновилась. Стопка выигранных Хетфилдом монет была уже вдвое больше, чем у любого из его противников. Доусон, как обычно, шутил при сдаче карт и пытался сохранить дружеский настрой игры. Сэр Чарлз продолжал напиваться, пока лорд Фабер удваивал ставки, ловя свою удачу.

Себастьян отставил подальше стакан виски, не желая себя искушать. Для осуществления своего плана он должен быть трезвым, с ясным умом. Обвинения выпившего человека никогда всерьез не принимаются.

— Итак, Хетфилд, — сказал Доусон.

Граф открыл пятерку и шестерку, третья карта была повернута лицом вниз. Он медлил. Себастьян восхищался его внешним спокойствием, поскольку знал, что третья карта приносила выигрыш. Глубоко вздохнув, он улыбнулся графу, тот вернул ему улыбку и бросил еще монету. Великолепно.

— Опять двадцать одно? — горько произнес лорд Фабер, когда все карты были открыты. — Сегодня вам действительно чертовски везет, Хетфилд.

Наконецто! Досада лорда Фабера прорвалась очень вовремя.

— Странно, последний раз я насчитал в колоде четыре короля, — с намеком на обвинение произнес Себастьян. — Как вам удалось разыграть пятого, лорд Хетфилд?

— Пятого? — невнятно повторил сэр Чарлз. — Вы уверены?

— Совершенно, — подтвердил Себастьян, ибо сам проделал маневр с картой.

— Это же абсурд! — закричал граф.

— Нет, подождите. Думаю, Бентон может оказаться прав, — заявил сэр Чарлз. — Я уверен, что раньше тоже видел короля пик в игре.

— Черт возьми, Чарлз, вы слишком пьяны, чтобы вообще что-либо заметить! — воскликнул Хетфилд.

— Ерунда!

Себастьян продолжал улыбаться. Заявление сэра Чарлза было бы намного результативнее, если бы он тут же не осушил свой бокал. И все же один игрок на его стороне. Осталось еще двое.

— Вы заметили что-либо неладное, милорд? — Себастьян повернулся к джентльмену слева.

Лорд Фабер нервно кашлянул.

— Теперь, когда вы упомянули об этом, я припоминаю, что видел короля пик на первой сдаче.

— Я и не сомневаюсь в этом.

— На что вы намекаете, Бентон? — резко спросил граф.

— Ни на что. Я лишь устанавливаю факт. Невозможно, чтобы вы разыграли эту карту законно.

Послышалось движение, затем приглушенное жужжание голосов, которое с невероятной скоростью распространилось по комнате. Отлично. Пусть все говорят. От обвинения в мошенничестве не так легко отделаться даже среди закоренелых игроков.

Потом наступила тишина, все сосредоточили внимание на разворачивающейся драме. Себастьян приветствовал этот интерес. Чем больше людей увидят ссору, тем Хетфилду будет труднее уклониться от поединка.

— Конечно, для истинного джентльмена есть только один способ уладить дело.

Назовите вашего секунданта, Хетфилд.

— Что? — Граф неуклюже вскочил, опрокинув стул.

— Полагаю, я выразился предельно ясно. Вы собираетесь защищать себя или нет?

На лице графа что-то промелькнуло. Страх? Узнавание? Он понял, что перед ним сын Эванджелины, женщины, которую он так жестоко унижил много лет назад? Женщины, которая покончила с собой из-за его недостойного поведения?

На щеках графа появились два красных пятна, но когда он заговорил, голос у него был спокойным.

— Конечно, вы ошиблись, лорд Бентон. И я отказываюсь удостоивать ответом ваше нелепое подозрение.

— Да, вы совершенно правы, милорд. — Доусон нервно оттянул пальцем узел галстука. — Я уверен, что здесь был всего один король пик. Это недоразумение, которое всем лучше забыть. Никто ведь не пострадал, правда, Бентон?

Себастьян развернулся к другу, готовый схватить его за горло и трясти, пока тот не замолчит.

— Это касается только меня и графа, Доусон, — процедил он.

Но друг не успокоился. Он уперся кончиками пальцев ему в грудь, как бы удерживая его от броска на графа, и прошептал:

— Бентон, оставь это. Я сомневаюсь, что граф мошенничал, но если даже так, какое это имеет значение? Ставки были не слишком высоки. Только Фабер потерял значительную сумму. Но если ты бросишь это дело, он последует твоему примеру. Черт возьми, если ты будешь настаивать, все может дурно кончиться.

Себастьян мрачно взглянул на друга. Он сделал ошибку, позволив Доусону играть. Тот был слишком честен, а, желая иметь за спиной такого союзника, он умолчал, что с самого начала намеревался вызвать графа на дуэль. Он знал, что Доусон будет против такого ужасного поступка, но все же рассчитывал на его поддержку, если что-нибудь случится. Да, честность бывает дьявольски неудобной! Но Себастьян никому не позволит встать на его пути к мести.

— Или ты со мной, или не вмешивайся.

Доусон с удивлением и обидой покачал головой.

— Если бы я тебя не знал, Бентон, то решил бы, что ты провоцируешь Хетфилда на дуэль.

Себастьян проигнорировал его справедливое утверждение, наблюдая за лордом Фабером и сэром Чарлзом. Оба неуверенно оглядели комнату.

— Возможно, будет лучше оставить это дело, — предложил сэр Чарлз.

— Полагаю, это должен решить Хетфилд, — ответил Себастьян. — Ведь задета его честь.

Все ожидающе посмотрели в сторону графа. Несмотря на панику, тот не потерял самообладания, хотя Себастьян увидел на его лице капли пота. Теперь Хетфилду уже невозможно отказаться. Под сомнение поставлена не только его честность, но и доброе имя. Он должен принять вызов, чтобы защитить их.

— Я продолжаю настаивать, что никакого мошенничества не было, — вмешался Доусон. — Если что-то не в порядке с картами, значит, это моя ошибка. Ведь карты сдавал я.

— Но вы остались в проигрыше, — заявил лорд Фабер. — Если, конечно, вы с Хетфилдом не действовали сообща.

— Не будьте идиотом. — Себастьян презрительно усмехнулся. — Доусон самый честный и уважаемый джентльмен, каких я знаю. Он никогда бы не стал мошенничать.

Ответ был инстинктивным. Себастьян даже не сознавал, что говорит, пока не увидел на лице графа облегчение. Проклятие!

— Благодарю за доверие, Бентон. — Тем не менее Доусон озадаченно хмурился, словно пытался разгадать запутанную головоломку.

— Тогда мы все согласны, что обвинение не имеет оснований, — сказал лорд Фабер.

— Вопрос закрыт, — бросил Хетфилд и направился к двери.

Себастьян глядел вслед уходящему графу, зная, что бессилён его остановить. Как это случилось? Ведь он был так близок к цели, совсем рядом. Все шло согласно плану. Да, пока Доусон не сунул нос, куда не следовало. Это все равно что поймать на удочку рыбу, дюйм за дюймом подтягивать к себе бьющуюся на леске добычу, а та вдруг срывается с крючка и благополучно уплывает.

Себастьян услышал облегченный вздох Доусона и едва не потерял самообладание. Первобытная часть рассудка призывала его хорошенько набить другу физиономию. Если он не мог пустить кровь графу, которой так жаждал, он пустит ее тому, кто встал на его пути.

Боясь поддаться гневу, Себастьян резко повернулся и, оттолкнув стоявшего в дверях щеголя, практически выбежал из комнаты. Если бы не вмешательство миротворца Доусона, утром он бы смотрел на графа поверх скрещенных шпаг или взведенных пистолетов. А к полудню граф был бы опозорен, ранен и в любом случае боролся бы за свою жизнь.

Быстро миновав коридор, Себастьян прошел через позолоченную арку и тихо выругался, когда осознал, что стоит в бальном зале герцога среди разодетых гостей.

Похоже, никто не отклонил приглашение на этот прием. Что и неудивительно. Герцог состоял в родстве с самыми влиятельным и богатыми семьями Англии, поэтому все более или менее именитые члены общества сочли за благо присутствовать на сегодняшнем празднестве.

Первоначальная надежда Себастьяна, что веселье улучшит ему настроение и отвлечет от безрадостных мыслей, быстро исчезла. Внутри у него все дрожало от разочарования и ярости. Французские двери были рядом, и, взяв у проходившего мимо слуги бокал шампанского, Себастьян вышел в сад, где одним глотком выпил содержимое.

Но это не принесло успокоения. Он должен скрыться в какомнибудь уединенном месте, чтобы избавиться там от обжигающей ярости, которая грозила его поглотить. Или напиться до бесчувствия.

Отмщение воздаст Господь. Это повторяла ему бабушка, когда заставила дать слово отказаться от планов мести. Была ли она права? Должен ли он подставить вторую щеку и забыть?

Он столько лет таил в себе жажду отмщения. Сможет ли он снова похоронить ее так глубоко, чтобы она больше не жгла его? Мама, зачем ты сделала это? Действительно ли твое горе было столь невыносимым? Разве ты не понимала, как я любил тебя, как нуждался в тебе, какие страдания принесет мне твоя смерть?

Проклятие! Он плачет, как ребенок. Себастьян раздраженно вытер дрожащей рукой слезы. Хотя он был в саду, ему не хватало воздуха, и он торопливо пошел вдоль стены, ища выход.

Не обнаружив ничего похожего, Себастьян внимательно изучил каменную стену, которая, вероятно, окружала весь сад. Высота не меньше десяти футов да еще украшена декоративными железными пиками наверху. Слишком высоко, чтобы забраться наверх в плотно облегающем вечернем костюме, а если бы он даже какимто образом и сумел это сделать, наверняка все закончилось бы непоправимым ущербом для его костюма. Или для его мужской потенции.

Чем не идеальное завершение бедственной ночи? Пройти через бальный зал герцога в разорванных штанах и с голым задом для всеобщего обозрения?

Сделав несколько шагов, Себастьян повернулся и швырнул в стену пустой бокал от шампанского. Звон стекла принес ему мимолетное удовлетворение, однако не решил проблему выхода.

Он снова взглянул на камни стены, прикидывая, не рискнуть ли ему. Но здравый смысл победил. Нужно вернуться в дом, пройти через бальный зал и сбежать отсюда.

Слуги герцога зажгли в саду факелы, на высоких деревьях горели фонари. Они мерцали, словно звезды, создавая романтическое настроение. До Себастьяна долетали обрывки приглушенных разговоров, пока он шел по дорожкам, к счастью, не помешав ни одному из романтических свиданий.

У дверей зала его тут же перехватили леди Агата и вдовствующая графиня Эшленд. Если бы не их дружба с его бабушкой, Себастьян предложил бы дамам идти своей дорогой. Тем не

менее, даже пребывая в дурном настроении, он понял, что не может быть таким грубым.

— Я вижу, милорд, вы сегодня не танцуете, — заметила леди Агата. — Уверена, что это изза того, что вы в трауре по вашей недавно умершей бабушке. Такой прочувствованный и уважительный поступок. Она бы гордилась вами.

— Конечно. — Вдовствующая графиня согласно кивнула. — Но больше всего, как я помню, ей хотелось увидеть вас женатым на достойной леди. Вы бы уж тогда наилучшим образом почтили память бабушки, выполнив ее желание. Вам надо искать общества подходящих дебютанток, которые здесь присутствуют.

Леди Агата мгновенно ухватила за это предложение.

— Мы с графиней будем рады помочь вам.

— О да. Мы знаем всех девушек из лучших семей.

— Разумеется. Попомните мои слова, за две недели мы найдем вам невесту. Скажите, лорд Бентон, вы предпочитаете леди с темными или светлыми волосами?

Себастьяну вдруг непреодолимо захотелось слегка придушить морщинистую шею леди Агаты. Но это бы не помешало графине продолжить разговор. Может, ему столкнуть их лбами?

— Очень великодушное предложение, дорогие леди, — ответил Себастьян. — Обычно мужчины хотят иметь женщину только для удовольствия и развлечений. Я непременно обращусь к вам, когда почувствую свою неспособность решить задачу самостоятельно. Или когда у меня не хватит денег расплатиться за удовольствие.

Черт, он зашел слишком далеко. Себастьян заставил себя улыбнуться, чтобы создалось впечатление, что он шутит. Однако его скандальные, неприличные замечания дали желаемый результат: леди Агата и вдовствующая графиня онемели.

Себастьян быстро поклонился и сбежал. Он пробирался сквозь толпу к выходу, не останавливаясь для беседы, хотя несколько человек пытались вовлечь его в разговор. К нему приблизилась небольшая группа улыбающихся леди, но выражение его лица отпугнуло их. Тем не менее, когда они проходили мимо, одна из дам раскрыла веер и поднесла его к губам, чтобы скрыть язвительное замечание по его адресу. Серьезное замечание, судя по ее сдвинутым бровям. Но он скорее всего его заслужил.

Себастьян продолжал пробираться сквозь толпу, и его настроение слегка поднялось, когда он увидел наконец арочный проход, ведущий из бального зала. Но толпа почемуто не уменьшалась, и его почти вплотную прижали к двум болтающим дамам, одной в яркозеленом платье, а другой — в бледногубом.

— Кто эта рыжеволосая вон там, у пальмы? — спросило Зеленое платье. Я никогда ее раньше не видела.

Поднеся к глазам лорнет, Голубое платье изучающе посмотрело в ту сторону.

— О, я уже встречала ее. Это дочь графа Хетфилда. Прямо из деревни, судя по одежде.

Себастьян так резко повернул голову, что почувствовал боль в шее.

— Какое ужасное платье! У нее что, нет собственного зеркала? Право, от графа Хетфилда следовало ожидать большего. Как он мог представить ее обществу в таком непрезентабельном виде? — Зеленое платье вздрогнуло и провело рукой по шелковой юбке, словно желая убедиться, что на нейто уж самый модный туалет.

— У нее красивое лицо. Хотя не понимаю, о чем думал граф, привезя дочь в Лондон, когда сезон уже начался? — спросило Голубое платье. — Все лучшие портнихи давно заняты гардеробом своих клиенток. Моя горничная сказала, что мадам Клодетт почти удвоила цену

за каждый предмет одежды, когда граф потребовал, чтобы все было готово как можно скорее.

— И он расплатился?

— Видимо, нет. Судя по платью его дочери.

Послышался ехидный смешок, затем неодобрительное щелканье языком. Две старые карги! Себастьян мог бы пожалеть девушку, но ее связь с графом делала это невозможным. Она ведь дочь его врага.

— А кто эта немодно одетая женщина рядом с ней? — спросило Голубое платье. — Хотя она немного стара, но выглядит слишком молодой для компаньонки.

Себастьян не знал, что у графа есть дочь. Сердце у него колотилось, пока он пробирался через танцевальный зал, чтобы лучше рассмотреть ее. Просто из любопытства, заверил он себя. Его взгляд был устремлен к пальме.

О Господи! У нее красивое лицо? От вида девушки, стоявшей в мягком свете канделябров, у Себастьяна захватило дух. Волосы янтарным каскадом локонов ниспадали к обнаженной шее, кожа цвета густых сливок, черты лица пропорциональны и безупречны. У нее был тип классической женской красоты, не подвластной времени, которую воспевали поэты всех эпох, которая толкала даже разумных мужчин на опрометчивые поступки.

Она казалась свежей, невинной и слегка возбужденной. Себастьян мог определить это по тому, как она постоянно оглядывалась, каждую минуту поворачивалась к стоящей рядом женщине и что-то говорила ей. Ответы заставляли ее улыбаться. Интересно.

Себастьян был удивлен, что девушка не окружена молодыми щеголями, которые добивались бы ее внимания. Модно одетая или нет, она была одной из самых привлекательных женщин среди всех присутствующих.

Тут подошел граф Хетфилд, и настроение у Себастьяна испортилось. Молодая красавица обернулась и с улыбкой нежно похлопала графа по руке. Он наклонился, что-то шепнул ей на ухо, и она улыбнулась еще шире.

Туман застлал Себастьяну глаза. Перед ним был граф, получающий удовольствие от родительской любви, а его матери навсегда отказано в этой радости. Внезапно ему пришла в голову нехорошая мысль: эта красивая, простодушная, целомудренная девушка может быть средством достижения его цели. Пусть граф не хотел защитить свою честь изза пары карт, но почти наверняка он рискнет всем, чтобы спасти от бесчестия свою дочь.

Себастьян почувствовал угрызения совести, но только на миг. Если это единственный путь добиться возмездия, значит, так и будет.

Несмотря на любовный опыт, ставший почти легендарным, Себастьян гордился, что всегда вел себя как джентльмен. Многочисленные любовницы, которых он содержал, не могли пожаловаться на отсутствие денег или недостойное обращение с ними. Связи он имел только с опытными светскими дамами, которые полностью отдавали себе отчет в своих действиях. Они знали, что Себастьян не женится на них, а часто и сами уже были замужем.

Нескольким вдовам, желающим стать его виконтессой, он достаточно ясно изложил свой план остаться холостяком — по крайней мере до сорока лет. Даже постоянные требования бабушки выбрать наконец жену не изменили его точку зрения.

Он никогда не давал обещаний, которые не собирался выполнять. И уж конечно, не соблазнил и не бросил потом невинную девушку. Но все когда-то случается в первый раз.

Причиной многих дуэлей была защита или восстановление чести дочери. Особенно юной, невинной девушки. Себастьян поморщился.

Соблазнить дочь Хетфилда не так легко, поскольку это надо сделать втайне от графа. А после сегодняшнего инцидента за карточным столом тот, естественно, будет относиться к нему с подозрением. Но если он сумеет обесчестить девушку в глазах общества, графу не останется иного выхода, как встать на защиту семейной чести.

Себастьян опять взглянул на свою прелестную жертву, и ему стало нехорошо при мысли о том, что ей придется вынести. Осуждение многих, неумолимые слухи, распространяемые сплетниками, злословие, которое будет постоянно досаждать ей. Но хорошенькие женщины, рассудил он, всегда умели это вынести и достичь своих целей. В конце концов, несмотря на ее запятнанную репутацию, найдется человек, который женится на ней и будет счастлив иметь такую красивую жену.

По крайней мере она выйдет из этого живой, в отличие от его матери.

...Хетфилд снова громко засмеялся в ответ на сказанное дочерью. Себастьян тоже усмехнулся. Бабушка ошибалась. Возмездие не для Господа, это дело самого человека. И он успокоится, лишь покарав человека, который причинил ему столько горя.

Теперь у него есть способ, как это сделать.

Элино́р обратила внимание на пристальный взгляд мужчины, когда в третий раз заиграли вальс. Он шел по периметру зала, глядя в их сторону. Это был не просто вежливый интерес, а внимательный, слегка тревоживший ее осмотр.

Конечно, его внимание предназначалось не ей, а Бьянке. Кто замечает луну на фоне яркого солнца? Разумеется, интерес красивого мужчины можно только приветствовать, но пока ни один из джентльменов, спешивших представиться, не произвел на Элино́р благоприятного впечатления.

Многие были староваты, коекто даже в возрасте их отца. Двое приветствовали сестру похотливой улыбкой, третий — с нескрываемым вожделением, пока слишком долго удерживал руку Бьянки. Такого бы не случилось, будь рядом граф, чтобы поддержать и защитить младшую дочь. Но после приезда тот вскоре бросил их, на минуту вернулся проверить, все ли в порядке, и так же быстро ушел на перекур.

Что бы делала ее красивая неопытная сестра тут без нее? Она бы оказалась ягненком, брошенным на потребу волкам.

Элино́р видела, что сестра очень волнуется. Не столько за себя, призналась Бьянка, когда они вошли в бальный зал. Она беспокоилась, как бы не огорчить или не рассердить их отца, не допустить невольную оплошность или не оказаться неуклюжей.

И это при том, что граф практически не заботился о них. Элино́р вздохнула, пытаясь сдержать гнев и не расстроить Бьянку, потом оглядела бальный зал, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Красивый джентльмен все еще не сводил глаз с Бьянки.

Это был взгляд охотника, идущего по следу.

Элино́р почувствовала тревогу и встала перед сестрой, загородив ее. Какойто миг они смотрели друг на друга, и внезапный прилив жара удивил Элино́р. Странная реакция. Хотя неизвестный джентльмен весьма привлекателен, он здесь не единственный красавец, есть и другие мужчины, получше его. Она неодобрительно сдвинула брови, но незнакомец уже оглядывал бальный зал. Может, искал партнершу для следующего танца?

Его заслонила группа смеющихся гостей, и он пропал из поля ее зрения. Качая головой по поводу своей глупости, Элино́р повернулась к сестре.

— Ты голодна? Скоро последний танец. Если мне память не изменяет, столы в

обеденной комнате уже накрыты. Давай пойдём сейчас, чтобы избежать толкучки.

— Да, ты говорила, что на таких событиях отличная еда, но, боюсь, я не смогу проглотить ни кусочка.

— Понимаю.

Элино́р успокаивающе похлопала сестру по руке и краем глаза увидела, что красивый незнакомец направляется к ним. И не один. На его руку опиралась матрона в черном, которая смущенно хмурилась, вынужденная делать два шага на каждый шаг спутника. Элино́р решила, что это родственница. Иначе какая бы женщина потерпела такое не слишком вежливое обращение?

Элино́р раскрыла веер и рассеянно помахивала им перед лицом, надеясь, что Бьянка не заметила приближение этой странной парочки. Сестра и так уже комок нервов. Внимание красивого джентльмена могло привести ее к срыву.

— Леди, простите мое вмешательство, но виконт настоятельно требует, чтобы я представила его.

Элино́р видела, что дама пытается отдышаться, но задержка явно не устраивала джентльмена, он шагнул вперед и поклонился.

— Я Бентон, — произнес он, не сводя глаз с Бьянки.

— Какая дерзость, лорд Бентон! — воскликнула матрона. — Где ваши хорошие манеры? Всю дорогу тащили меня сюда с такой скоростью, будто мы убегаем от пожара. Думаю, вы могли бы позволить мне самой сделать представления. Должным образом.

— Примите мои извинения, леди Агата.

Матрона шумно вздохнула. Это не удивило Элино́р, но потом она заметила, что лорд Бентон крепко сжимает руку леди Агаты, препятствуя ее бегству. И старая дама оказалась на высоте положения.

— Теперь, леди, мне хотелось бы представить Себастьяна Додда, виконта Бентона. А эти очаровательные создания — дочери графа Хетфилда. Леди Элино́р и леди Бьянка.

Обе сделали реверанс, виконт поклонился. Элино́р обнаружила, что пристально изучает его лицо. У него очень привлекательные губы. Интересно, что бы она почувствовала, если бы они коснулись ее губ.

— Леди Элино́р?

Смущенно моргнув, она пришла в себя. Что с ней происходит? Виконта явно интересу́ет Бьянка, как же иначе?.. К тому же столь неприличные мысли о незнакомом человеке просто смешны и абсолютно не в ее характере.

— Вы хотели о чемто спросить, сэ́р?

— Леди Агата и я интересуемся, почему до сих пор мы вас не видели в Лондоне.

— Обычно мы с сестрой живем в нашем поместье и только недавно приехали.

— Как удачно. Ваше присутствие добавит изящества, которого здесь так не хватало, и послужит успеху сезона, — возвышенно сказал он.

— Едва ли столица испытывает недостаток в красивых женщинах, милорд, — ответила на его цветистый комплимент Элино́р.

— Красивых, возможно. Однако не таких восхитительных, как вы обе. — Он говорил ей, но было ясно, что все это предназначалось Бьянке. — Полагаю, многие джентльмены обидятся на графа за отсрочку вашего приезда в Лондон.

— У меня есть подозрение, что граф из тех мужчин, кто прячет самое ценное подальше от чужих глаз, — объяснила леди Агата с высокомерной усмешкой.

Бьянка скромно опустила голову. Элинор вяло улыбнулась, зная, что слабую женскую улыбку обычно принимают за согласие. Но о каких ценностях говорит эта дама? Они бы ужаснулись, если бы знали, как граф обращается с дочерьми.

«Так скажи им!» Но как бы Элинор ни хотелось развеять миф об их отце, это бы обидело и привело в замешательство ее сестру. Не говоря уже о том, что правда об истинном характере графа вызвала бы в обществе скандал.

— Теперь, когда мы представлены должным образом, — сказал лорд Бентон, — я имею честь пригласить вас на танец. Леди Бьянка?

Та взглянула на предложенную виконтом руку, затем на сестру. Элинор с беспокойством и подозрением глядела на виконта. Легкие морщины в уголках глаз сказали ей, что он стар для юной Бьянки, а самонадеянность его чувственной улыбки свидетельствовала об искушенности, недоступной пониманию ее молодой и наивной сестры.

Но глаза сестры умоляли ее о согласии. Элинор обещала себе проявлять бдительность, хотя и не чрезмерную, в отношении мужчин, которые ухаживали за сестрой. И она разрешающе кивнула.

Бьянка расцвела от улыбки.

— Милорд, я буду рада танцевать с вами.

Элинор и леди Агата молча смотрели вслед уходящей паре.

— Что вы можете сказать мне о виконте? — наконец спросила Элинор.

Матрона понимающе кивнула.

— Очень красив, не так ли? И более чем очарователен, когда в настроении.

— Холост?

— Конечно. Я бы не стала представлять женатого мужчину. — Леди Агата вскинула подбородок и обиженно фыркнула. — У него древний, известный титул. Додды были роялистами, воевавшими на стороне короля Карла, и получили награду, когда тот взошел на трон. По материнской линии он может проследить свою родословную до Вильгельма Завоевателя, хотя есть слухи, что в его родне была примесь валлийской крови.

Тон леди Агаты подразумевал нежелательность подобного союза, но Элинор посчитала это несущественным.

— Я не хочу знать его родословную, леди Агата. Меня интересует его характер. Он хороший человек?

— Он хорош во многих отношениях. Великолепный наездник, меткий стрелок, модно одевается, как вы уже заметили. Поигрывает в карты, хотя и не слишком азартно. Его близкий друг маркиз Этвуд в прошлом году женился и доволен семейной жизнью.

Элинор не могла представить, чтобы лорд Бентон сделал то же самое. Но чего в жизни не бывает.

— Значит, вы полагаете, что лорд Бентон намерен следовать примеру друга и жениться?

Леди Агата переступила с ноги на ногу.

— Не стану утверждать, что Бентон ищет невесту в этом сезоне. Но мужчина его возраста должен задумываться о семье и наследниках. Я знаю, это было главным желанием его бабушки. А лучший способ почтить память недавно умершей графини, это жениться на подходящей леди.

Весьма ловкий, хотя и уклончивый ответ. Интересно, что леди Агата пытается скрыть? Поскольку в ее распоряжении было не так много времени, Элинор перешла к сути дела.

— Скажите, вы бы одобрили интерес своей внучки к виконту?

Леди Агата пришла в ужас:

— Боже мой, Эмили такая молодая, скромная девочка. Уверена, Бентон даже не посмотрит в ее сторону.

— Бьянка так же молода и наивна, — резко произнесла Элино́р. — Благодарю вас за искренний ответ, леди Агата.

— Господи, леди Элино́р, боюсь, вы неправильно истолковали мои слова, — начала матрона, но тут вернулись Бьянка с виконтом.

Оба улыбались, явно довольные проведенным временем. Элино́р с любопытством ждала, что сделает виконт дальше. Было бы чрезвычайной наглостью, если б он пригласил Бьянку второй раз. У нее вдруг мелькнула сумасбродная мысль, не предложит ли он следующий танец ей. Элино́р сжала веер, почувствовав замешательство от подобной глупости.

— День у меня обычно занят верховой прогулкой в Гайдпарке, — сказал виконт. — Если мы встретимся, надеюсь, вы уделите мне больше минуты своего восхитительного общества, леди Бьянка.

Та бросила смущенный взгляд на Элино́р, явно не зная, как ответить. Хотя они пробыли в Лондоне уже несколько дней, отсутствие у Бьянки модных туалетов фактически сделало их заключенными в арендованном доме. Они даже на этот бал приехали только по настоянию графа.

— Не знаю точно, какие планы у меня будут на завтра, — наконец ответила Бьянка.

— Просто скажите, что не обойдете стороной Гайдпарк.

Покраснев, она едва заметно кивнула, и виконт улыбнулся.

— Буду с нетерпением ждать, когда увижу вас снова, леди Бьянка. И вас также, леди Элино́р, — поспешно добавил он, кинув утешительный взгляд в ее сторону.

Элино́р закусила губу. Она не нуждалась в его жалости.

После ухода леди Агаты и виконта она тут же спросила:

— Как вы потанцевали?

— Замечательно, — с восторгом ответила сестра. — Лорд Бентон превосходный танцор. А когда я случайно пропустила шаг, он извинился и сказал, что это его вина. Настоящий джентльмен.

Бьянка еще шире улыбнулась, отчего на щеках у нее появились очаровательные ямочки.

— Тебе понравился виконт? — с тревогой спросила Элино́р.

— Очень.

— Ты не думаешь, что он староват для тебя?

— Да нет. Он всего на несколько лет старше тебя. Полагаю, ты заметила, что все джентльмены, которые со мной танцевали, были одного возраста с папой. — Бьянка поморщилась. — Или старше.

— Да, пожалуй, ты права.

Элино́р велела себе успокоиться. По ее мнению, возраст и репутация виконта делали его неподходящим для Бьянки, но пока она не собиралась ничего говорить.

Ее сестра уже познакомилась сегодня с несколькими привлекательными джентльменами. А когда ее гардероб будет полностью готов и они выйдут в свет, там много интересных мужчин, подходящих для ее сестры. Знакомство с молодыми джентльменами отвлечет внимание сестры от виконта, решила Элино́р.

Она знала, что на графа рассчитывать не придется, тот не защитит Бьянку, эта забота

ляжет на нее. Это для Бьянки шанс сделать хорошую партию, и она приложит все усилия, чтобы сестра нашла счастье, которого заслуживает.

А найти счастье с распутником вроде лорда Бентона — невозможно. В этом Элинор была уверена.

На следующий день в Гайдпарке было особенно многолюдно. Себастьян хмуро глядел на море открытых колясок, всадников и пешеходов, заполнивших все дорожки. Теплая солнечная погода вывела их на прогулку, и никто, похоже, не спешил.

Он тихо выругался. Если даже леди Бьянка в парке, на ее поиск могут уйти часы. Слава Богу, он на лошади, и ему хотя бы не приходится бродить здесь пешком.

Но уже после нескольких минут прогулки Себастьян вспомнил, почему так редко приезжал сюда в этот час. Тут было настоящее столпотворение. Он предпочел бы навестить Бьянку дома, если бы не риск встретиться с графом. А это могло положить конец отношениям прежде, чем они даже начались, лишив его возможности отомстить.

Нет, для успеха его плана ухаживание нужно вести умно и расчетливо. Он будет встречаться с леди Бьянкой открыто, в публичных местах и на светских приемах, явно интересуясь только ею и никем больше. Таким образом, когда будет нанесен удар по ее репутации, это станет для графа полной неожиданностью.

— Должно быть, меня ослепляет солнце, Доротея. Мираж какойто. Потому что я вижу лорда Бентона, клянусь тебе, — раздался неподалеку веселый женский голос.

— Бентона? Невозможно. Виконт никогда не ездит верхом в парке.

— Леди. — Себастьян прикоснулся хлыстом к полям шляпы, с улыбкой приветствуя трех женщин. — Редкое удовольствие видеть сразу трех сестер Эллингем.

Они тут же окружили его лошадь. Из всех троих он лучше всего знал младшую, Эмму. Средняя сестра, Доротея, была женой его друга маркиза Этвуда, и за последний год он часто бывал в ее обществе. Со старшей сестрой, Гвендолин, он познакомился недавно, считал ее уравновешенной женщиной с хорошей интуицией и острым умом.

Сейчас она с большим интересом взирала на него, и Себастьян даже поежился, чувствуя себя неловко под ее внимательным взглядом. Хотя Гвендолин не обладала восхитительной красотой Доротеи, она тоже была красивой женщиной. И несомненно, обладала другими, более выдающимися качествами, раз вышла замуж за Джейсона Баррингтона. Такая женщина достойна восхищения. Она сумела приручить одного из самых отъявленных распутников в свете. Вернее, теперь уже с приставкой «экс».

— Бентон, вы должны сказать нам, что здесь делаете, — начала расследование Доротея.

— Полагаю, это очевидно, леди Доротея. Я тренирую свою лошадь и заодно дышу свежим воздухом.

— Фи, милорд, нас не так легко обмануть. Здесь настолько тесно, что ваша лошадь едва движется, — заметила Гвендолин.

— Явно чтото затевается, — согласилась Эмма. — Иначе зачем бы тут оказался Бентон, такой безупречно одетый, такой красивый, такой решительный и мужественный. Значит, у него какаято цель.

Взглянув на девушку, Себастьян поднял брови.

— Ты меня обижаешь, Эмма. Тебе ведь известно, что это мое естественное состояние.

— Красивый, решительный и мужественный?

— Не забудь, безупречный, — прибавила Доротея.

— И это тоже. Плюс, сидя так высоко и грациозно в седле, можно выгодно показывать свои мускулистые ноги, — заявила Эмма и повернулась к сестрам. — Вы согласны?

Те с улыбкой кивнули.

— Может, я и сижу над вами, леди, но хорошо слышу каждое ваше слово, — ответил Себастьян.

Они засмеялись. Их добродушное поддразнивание выглядело вполне естественно, поскольку сам Бентон, поддерживая правила игры, всегда пользовался случаем ответить им тем же. Покорно вздохнув, он спрыгнул с лошади, взял в руку поводья, и они все вместе начали прогулку. Лошадь спокойно шла за ними, однако идти по дорожке вчетвером было нелегко. Шумная ватага мальчишек обогнала их, чуть не сбив леди Доротей с ног, и Себастьян инстинктивно обхватил ее за талию.

— Боже! Доротея, ты не пострадала? — с беспокойством спросила Гвендолин.

— Нет, — дрожащим голосом ответила ей сестра. — Благодаря мгновенной реакции Бентона.

— Всегда готов принять в объятия падающую красавицу, — пошутил Себастьян. — Хотя нам лучше бы найти менее оживленную тропу. Этвуд снимет с меня голову, если с вами что-нибудь случится, особенно в столь деликатном положении.

— Вы не должны говорить об этом публично.

Себастьян улыбнулся:

— Почему же? Ваш муж постоянно рассказывает о своем грядущем отцовстве всем друзьям. Как будто ждет, что мы удостоим его громом аплодисментов или бросим ему шиллинг за то, что он такой ловкий малый.

— Картера радуют эти новости. — Доротея наклонила голову и очаровательно покраснела.

— Да, Этвуд в восторге, — заявил Себастьян, беря ее под руку. — Хотя его отец даже в большем восхищении. Я никогда в жизни не видел герцога таким оживленным. Клянусь, он сделает все, чтобы доставить вам удовольствие, перевернет небо и землю, если вы только намекнете, что это вас порадует. Советую напрямь воображение и попросить у него что-нибудь этакое. Личный остров, например. Или собственную страну. Он вполне может себе это позволить.

— Зачем ей собственная страна? — хихикнула Эмма.

— Какая глупость, милорд, — со смехом произнесла Доротея. — Полагаю, вы пытаетесь отвлечь нас, чтобы избежать ответа на вопрос относительно причины вашего появления в парке. Я не могу придумать никакого объяснения. Кроме...

— Только не говорите мне, что некая леди ожидает здесь встречи с вами, — сказала Гвендолин, изумленно глядя на него.

— Виконт Бентон должен встретиться с женщиной? Не могу поверить. — Эмма прижала руку ко лбу и театрально вздохнула.

— Боюсь, ваши аналитические способности пострадали от солнца, — усмехнулся Себастьян.

Тем не менее он был встревожен, что они так близко подобрались к истине. Ему не хотелось преждевременно афишировать свой интерес к дочери графа. Чтобы избежать любопытных взглядов, он повернул голову направо, ища малолюдную дорожку. На перекрестке он увидел то, что искал, и повел всех в том направлении.

Величественные дубы создавали желанную тень, гуляющих здесь было значительно меньше, поэтому Себастьян тут же заметил двух женщин, шедших навстречу.

Хотя они были еще далеко, он узнал дочерей графа. Леди Бьянка крутила над головой

розовый кружевной зонтик от солнца, который соответствовал ее платью для прогулок. Видимо, уже прибыл ее модный гардероб.

Увы, туалеты леди Элинор скорее всего явно еще не были готовы. Ее тяжелое красноватокоричневое платье больше подходило для холодной погоды и сельской местности, резко контрастируя с легким весенним нарядом Бьянки. Должно быть, ей не очень приятно всегда находиться в тени своей младшей и более красивой сестры.

Хотя он предпочел бы не иметь свидетелей, но ведь ради надежды встретить Бьянку он и приехал сегодня в парк. Он махнул ей рукой, державшей поводья. Леди Бьянка восторженно помахала в ответ, зато леди Элинор на миг замерла. Он даже не предполагал, какое сильное впечатление произвел на эту женщину. Сильное, но, разумеется, отрицательное впечатление, судя по ее поджатым губам.

Проклятие! Очевидно, его репутация идет впереди него. В чем Себастьян убедился когда они встретились на тропинке.

Леди Элинор приветствовала его без малейшего намека на улыбку, хотя немного смягчилась, когда он представлял ее сестрам Эллингем. Но, оставаясь вежливой, она продолжала смотреть на него так, словно он последний человек на земле, которого ей хотелось бы видеть.

Странное ощущение быть униженным некрасивой женщиной, рискующей остаться старой девой. Себастьян поспешил напомнить себе, что это не имеет никакого значения. У него другая цель.

— Прогуляетесь со мной, леди Бьянка?

Игнорируя удивленные взгляды сестер Эллингем и явное неодобрение леди Элинор, он предложил девушке руку, и та с застенчивой улыбкой приняла ее. Хотя они прошли вперед, Себастьян тщательно держался на почтительном расстоянии, ведя лошадь слева по траве, чтобы перед идущими сзади женщинами не маячил конский зад.

— Прекрасный день, не так ли? — спросил он.

— Да, замечательный. Мне говорили, что в Лондоне часто идет дождь, но все время, пока мы здесь, погода очень хорошая.

— Вам нравятся лондонские развлечения?

— Мы редко бываем в городе, хотя здесь восхитительно.

— А светская жизнь? Какой вечер, бал или прием вам особенно запомнился?

— Все были одинаково приятными.

Себастьян с улыбкой ждал продолжения, но леди Бьянка лишь робко улыбнулась в ответ. Неужели это все? Не слишкомто разговорчивая молодая леди.

Несколько минут они шли молча, тема погоды и дебюта в свете была исчерпана. Хотя болтливые женщины порой забавляли Себастьяна, но все же чаще досаждали ему, он по крайней мере умел с ними общаться. С молчаливыми было намного сложнее.

— Вы любите верховую еду? — спросил он, выбрав тему, которую обычно обожают провинциальные девушки.

— Конечно. — Она вопросительно посмотрела на него. — А вы, милорд? Вы хороший наездник?

Слава Богу. Себастьян начал рассказывать, как мальчишкой учился верховой езде, и приукрашивал рассказ юмором, который женщины всегда считали неотразимым. Смеясь, леди Бьянка инстинктивно сжимала его руку.

Виконт был доволен.

— Ваше платье восхитительно, — мурлыкал он. — Этот оттенок розового очень вам к лицу.

— Благодарю, милорд.

Себастьян повернул голову, чтобы посмотреть на нее, и встретил ее взгляд, полный искреннего восхищения. Победа.

Добытая, пожалуй, слишком легко. Несколько льстивых слов, знойный взгляд, соблазнительный поцелуй, и девушка последует за ним куда угодно. Ее без труда можно вести по дороге к гибели, к его дуэли. И его мести.

Беседа продолжалась. Вскоре Себастьян понял, что младшая дочь графа вовсе не легкомысленная, невежественная провинциалка, которая нуждается в столичной позолоте, как он решил после их вчерашнего танца на балу. Перед ним просто милая, неиспорченная, совершенно бесхитростная девушка. Он даже почувствовал нечто вроде угрызений совести. Леди Бьянка так молода. Всякое физическое желание близости с ней показалось ему нелепым, почти извращенным.

Когда они остановились, чтобы поздороваться с его знакомым, остальные женщины воспользовались случаем и присоединились к ним. Себастьян их представил. Уолтер Броммер был весьма привлекательным джентльменом, вежливым, остроумным, какие обычно имеют успех в женском обществе, а кроме того — утонченным кавалером. Не прошло и минуты, как все дамы улыбались его преувеличенным комплиментам.

Себастьян глядел на круг женщин, продолжая изучать леди Бьянку. Смущала ее очевидная невинность. Он никогда не понимал влечения к неопытной женщине, даже мысль о поцелуе заставляла его чувствовать себя худшим из распутников. Но ему придется хотя бы поцеловать ее, чтобы вызвать скандал. Как же иначе?

— Милорд, вы не уделите мне пару минут?

Он посмотрел на руку, касающуюся его сюртука, затем на леди Элинор. Ее лицо не выражало никаких эмоций, но Себастьян почувствовал тревогу и насторожился. Увы, отказать ей — значит проявить очевидную невоспитанность. Они удалились от шумной группы.

— Наслаждаетесь хорошей погодой, леди Элинор? Гуляете в парке, дышите свежим воздухом? Или общество интересует вас больше, чем трава и деревья?

Никаких эмоций. Видимо, леди Элинор не из тех женщин, кто ценит пустые разговоры.

— Меня интересуют вы, милорд. Точнее, мне бы хотелось знать, почему опытный человек ваших лет и репутации так внимателен к моей сестре.

— Разве это не очевидно?

— Не для меня.

Себастьян нахмурился.

— Боюсь, вы оказываете сестре плохую услугу этими расспросами, — сказал он с чуть большим пылом, чем намеревался. — Леди Бьянка необыкновенная, замечательная девушка. Мужчина был бы слепым дураком, если б упустил шанс завоевать ее сердце.

Она безучастно взглянула на него.

— Вы пытаетесь уверить меня, что искренне привязались к моей сестре после единственного танца?

Себастьян очаровательно улыбнулся, но отвел глаза.

— Вы забываете мою недавнюю прогулку с ней. А это уже две встречи.

— Уверена, многие найдут ваше остроумие восхитительным, милорд. Не могу сказать

этого о себе.

Итак, она поставила его на место. Себастьян знал, что обман был неотъемлемой частью его плана, но все же надеялся по возможности избегать прямой лжи.

— Кто может помешать сердцу человека сделать выбор?

— Но как может сердце выбрать то, чего не знает?

Упорный взгляд леди Элинон вызывал у него желание повернуться и уйти. Не было способа ответить на ее вопрос, не выставив себя влюбленным глупцом.

— Людей всегда поражали тайны сердца, — неопределенно пожал он плечами. — Боюсь, я не в состоянии это объяснить.

— Все так внезапно, так неожиданно. Я хочу для Бьянки только лучшего и сделаю все, что в моих силах, чтобы она была счастлива.

Конечно, преданность леди Элинон достойна похвалы, а вот ее упорство вызывало тревогу, оно могло стать большим препятствием к осуществлению его мести.

— Простите, леди Элинон, но как вы можете знать, что сделает леди Бьянку счастливой?

— Я знаю, что сделает ее несчастной, лорд Бентон. Известный повеса, чуждый приличий, верности, не заслуживает доверия.

— И какое отношение все это имеет ко мне? — спросил он.

Леди Элинон покраснела, но взгляда не отвела.

— Судя по тому, что я слышала, это ваша сущность, милорд.

Ее оскорбительные слова, должны были вызвать его гнев, однако Себастьяна восхитила женщина, имевшая смелость противостоять ему.

— Да, моя репутация не безупречна, и вряд ли я живу как монах. Но я не такой негодяй, каким вы хотите меня изобразить. Часто говорят, что у распутника нет шанса на исправление, пока любовь и руководство добродетельной женщины не удержат его от падения в бесчестье. Вы отказываете мне в этом шансе?

— Исправление мужчины — труднейшая задача для любой женщины, а тем более для молодой, впечатлительной леди.

— Но эти усилия окупятся, поверьте.

— Надеюсь, вы простите меня, если я останусь при своем мнении на этот счет. В конце концов можно спасти далеко не каждого мужчину.

— Да в этом и нет необходимости. — Себастьян почувствовал, что готов улыбнуться.

— Вы надо мной смеетесь, милорд? — с подозрением спросила она.

— Напротив, леди Элинон. Я аплодирую вашей честности. Эта черта отсутствует у большинства женщин.

Он заметил в ее лице намек на улыбку. Хотя это не сделало ее красивой, но смягчило выражение лица и показало ему, что она, как ни удивительно, была привлекательной женщиной.

Высокая, с женственными формами, которые он всегда предпочитал. Черты лица обыкновенные, но приятные, волосы темнокаштановые, глаза карие с длинными густыми ресницами. Женщинам ее типа больше всего идут переливающиеся цвета драгоценных камней глубоких оттенков. К сожалению, она выбирает одежду какихто скучных цветов — серую или практично коричневую. Интересно почему.

— Если ваши намерения серьезны, лорд Бентон, тогда я ожидаю, что вы посетите нас, как и полагается, с визитом, а не станете искать встреч гдето на стороне.

Себастьян бросил на нее удивленный взгляд.

— Полагаю, вы не сомневаетесь в моих намерениях?

— Я вас не знаю, милорд, но я знаю сестру. Она милая и добрая молодая леди, которая до сих пор вела уединенную жизнь. Хотя Бьянка умна, она пока не способна понять, когда мужчина пытается ее использовать. В конце концов, всем известно ваше отвращение к браку. Страх женитьбы? — поправилась Элинор.

— Моя репутация не столь впечатляющая, по большей части это дань моим увлечениям юности. Полагаю, это делает любого джентльмена более интересной, привлекательной добычей.

— Для кого? Для впечатлительной юной девушки, которая не понимает важности репутации?

Черт. Плохо уже сомнение в его мотивах, но ее упорный поиск истины намного хуже.

— Поэтому вы не замужем? — спросил он, надеясь отвлечь ее сменой темы. — У ваших поклонников были проблемы с репутацией?

— Нет. Мой избранник был человек благородный, правда, не по рождению. Он понимал трудность выбора, который мне предстояло сделать.

Только сила воли не позволила Себастьяну выказать удивление. Он задавал свои вопросы, желая вывести ее из равновесия, и не мог даже представить, что в прошлом у нее были серьезные отношения. Как интересно. Нельзя ли это использовать в своих целях?

— А что произошло?

Леди Элинор искоса взглянула на него, и он ждал ее неудовольствия по поводу столь бестактного любопытства. Она лишь пожала плечами.

— Общественная и финансовая пропасть между нами была слишком существенной, чтобы преодолеть ее без особых проблем. Печально, что я не могла себе этого позволить.

— А тот человек? Вы им восхищались?

— Да. — Глаза у нее затуманились — И любила.

— Вы не думаете, что и леди Бьянка может полюбить меня?

Леди Элинор тут же пришла в себя.

— Я не знаю. Но постараюсь найти ей честного, заслуживающего доверия, надежного человека. Верного и предсказуемого.

— Скучного.

— Простите?

Себастьян чуть не засмеялся.

— Все, о чем вы сказали, подразумевает скучного человека.

— Ошибаетесь. Постоянство и респектабельность — отнюдь не скучные качества. Разве что с точки зрения ловеласа.

Он вздохнул:

— Значит, вы хотите найти для леди Бьянки такого идеального мужчину. А как насчет ее собственных желаний? Ведь они тоже должны быть приняты во внимание?

Другие сочли бы пронзительный взгляд Себастьяна пугающим, но леди Элинор спокойно выдержала его.

— Ответственность за благополучие сестры я приняла на себя с тех пор, как она была ребенком. Это естественный, защитный инстинкт, предусмотренный самой природой.

Да, леди Элинор наверняка станет для него головной болью. К своему удивлению, он даже начал ее уважать. Даже немного любить. Значит, она не только верная старшая сестра,

но, похоже, и заместитель родителей. Ответственная миссия.

— Не знаю, что еще сказать ради успокоения вашей души, — наконец произнес Себастьян.

— Не трудитесь, — мрачно ответила леди Элино́р. — Конечно, не моя обязанность устраивать жизнь Бьянки, тем не менее я чувствую необходимость ее защитить.

— Понимаю. Вы решили оберегать ее от несчастья. То есть от меня.

— У Бьянки очень скромное приданое. Если ваши ожидания связаны с ним, боюсь, вы будете разочарованы.

Теперь, кроме беспринципного распутника, леди Элино́р считала его и охотником за приданым. Конечно, она старается избавиться от него.

— Мои поместья на удивление процветают. Говорю «на удивление», чтобы похвалить за это нанятого мною честного, опытного управляющего. Не говоря уже о том, что у меня куча денег, чтобы их прожигать.

И я еще очень далек от обнищания. Это успокаивает вашу душу, леди Элино́р?

Прежде чем она успела ответить, их прервали.

— Наша карета приближается, — громко сообщила Гвендолин. — Время дневных визитов.

Слава Богу, подумал Себастьян. Его беседа с леди Элино́р пошла в стольких направлениях, что у него закружилась голова. Более того, ее вмешательство отвлекло его от преследования леди Бьянки. А что еще хуже, своим усердием она затруднит ему компрометировать ее простодушную сестру.

— Подвезти когонибудь? — спросила Доротея. — Мистер Броммер? Леди?

Броммер отказался. Леди Элино́р тоже, объяснив, что их карета уже на месте. После обычного прощания с каждым из присутствующих она подошла к сестре и встала рядом, готовая к ее самоотверженной защите.

Игнорируя предупреждение, Себастьян отвел леди Бьянку в сторону и бесстыдно взял за руку.

— У меня был очень приятный день, — сказал он. — Надеюсь скоро увидеть вас снова.

— Я тоже, милорд, — искренне улыбнулась девушка.

Леди Элино́р обдала его ледяным взглядом. Черт, она к тому же и подозрительная.

Когда дочери графа ушли, Себастьян проводил сестер Эллингем к их карете. Он ждал безжалостных вопросов и поддразнивания, но те были странно молчаливыми. Решив, что женщины просто устали, он поцеловал каждой руку, помог сесть в карету и помахал им вслед.

Себастьян медленно ехал сквозь толпы гуляющих к выходу из парка, но теперь это не раздражало его. Обдумывая разговоры с дочерьми графа Хетфилда, он пришел к заключению, что должен соблюдать крайнюю осторожность с леди Элино́р. А в целом это был очень познавательный и любопытный день.

Всю обратную дорогу Бьянка возбужденно болтала. Ее восторг был настолько велик, что она даже не заметила, когда Элино́р перестала участвовать в разговоре. Не желая омрачать радость сестры растущей неприязнью к виконту, Элино́р держала свое мнение при себе.

Едва они вошли в дом, Бьянка сразу побежала наверх, объяснив, что боится испачкать новое платье и должна его сменить.

— Пока вы отсутствовали, прибыла почта, — сообщил дворецкий Гаррисон. — Я оставил ее на столе, как вы распорядились.

— Благодарю. — Элино́р радушно, но без улыбки кивнула.

Она не любила этого чопорного шестидесятилетнего человека, явно гордившегося своим превосходством. Она где-то слышала, что лондонская прислуга обычно чувствует себя выше своих провинциальных двойников, и Гаррисон подтверждал это мнение.

Элино́р пошла к столу с почтой, и сердце у нее упало, когда она увидела жалкую стопку приглашений. Граф мало заботился о том, чтобы достойно представить Бьянку в свете, и вот результат его пренебрежения. Будь у нее хоть полшанса, сестра имела бы громадный успех, но, увы, Элино́р беспокоилась, что такого шанса так и не представится.

В гостиной пахло воском и лимоном, приятное отличие от запахов, которые они терпели в день их приезда. Дом, снятый для них графом, был жалким и запущенным. Обстановка давно вышла из моды, в столовой не хватало нескольких стульев, ковры местами протерлись, обивка кресел выцвела и была в пятнах.

Элино́р не так бы переживала, если бы не грязь. Казалось, на всем здесь лежал толстый слой пыли. Целую неделю ворчавшие слуги терли, мыли, чистили, полировали, наводя в доме порядок по стандартам Элино́р.

Зато сейчас в гостиной можно было сидеть, не чихая от пыли, чувствовать тепло камина, не вдыхая едкого дыма, и смотреть на мир сквозь чистые оконные стекла. Элино́р как раз это и делала, когда с некоторым удивлением заметила, что проезжающая мимо карета остановилась перед их дверью.

Гости? Уже поздно, хотя еще приличное время для дневных визитов. Но графа нет дома. Кто мог к ним заехать?

Элино́р получила ответы, когда дворецкий проводил в гостиную сестер, которых виконт представил им сегодня днем.

— Простите нашу смелость, леди Элино́р, — сказала миссис Гвендолин Баррингтон, протягивая руку для приветствия. — Мы едва имели возможность общения с вами и вашей сестрой в Гайдпарке и очень разочарованы, что не могли узнать вас получше.

— Да, вы были слишком заняты виконтом Бентоном, чтобы обращать внимание на других, — вставила мисс Эмма.

— Эмма! — одернула ее миссис Гвендолин. — Сейчас не время для твоего юмора. После столь короткого знакомства леди Элино́р подумает, что ты ужасно груба.

Элино́р посмотрела на младшую из сестер, ожидая увидеть ее смущение, и была удивлена, когда заметила враждебность, мелькнувшую в глазах девушки.

— Не будем отрицать, что Бентон действительно привлекает к себе внимание, — с натянутой улыбкой сказала леди Доротея. — За исключением тех случаев, когда рядом находится мой муж.

— Нет, Доротея, обычно это мой Джейсон очаровывает всех леди, — поддразнила ее миссис Баррингтон.

Обе засмеялись, и напряжение чуть спало. Предложив гостям сесть, Элино́р обдумывала, не подать ли чай, но сомневалась, что кухарка к этому готова. Ведь сестры Элли́нгтон были единственными, кто приехал к ним с визитом, пока они с Бьянкой находились в Лондоне.

Решив, что разумнее ограничиться прохладительными напитками, Элино́р велела дворецкому позвать ее сестру. Улыбающаяся Бьянка вошла в гостиную, и вскоре они занялись обсуждением предстоящих событий сезона.

Элино́р почти не участвовала в беседе, желая, чтобы сестра взяла инициативу на себя. Вначале Бьянка немного смущалась, но благодаря дружескому и непринужденному поведению гостей прекрасно справилась с трудной задачей.

К своему удивлению, Элино́р узнала, что леди только недавно приехали в Лондон, и была потрясена, услышав, что они выросли в провинции. И даже не имели связей в высшем обществе, будучи внучками баронета. Но миссис Баррингтон удалось выйти замуж в семью графа, а леди Доротея, уже маркиза, в свое время станет герцогиней Гейнсборо.

Элино́р украдкой изучала двух старших сестер, ведущих оживленную беседу. Эти провинциальные девушки не только заняли высокое положение в свете, но и выглядели счастливыми, что намного важнее. Благодаря их связям Эмма выберет себе любого джентльмена, когда решит выйти замуж. А ее милая Бьянка не имеет такой возможности, с завистью подумала Элино́р.

Дружба с этими женщинами была бы полезной, но вряд ли Бьянка подружится с Эммой. Хотя младшая из сестер больше не допускала грубых выходок, однако не выказывала ни малейшего дружелюбия, сидела молча, с ханжеским выражением на красивом лице.

Элино́р понятия не имела, что они могли сделать, чтобы обидеть девушку. Может, она завидовала красоте Бьянки? Или ей не нравилось что-то другое?

Невзирая на причину, капризное поведение в обществе неприлично. Это выглядело тем более странным, что обе старшие сестры явно хотели понравиться.

Часы пробили час, и гости встали.

— Благодарю вас за милый прием, — сказала леди Доротея, натягивая перчатки. — Я знаю, приглашение запоздало, но в четверг вечером мы с мужем устраиваем небольшой обед. Просто семья и близкие друзья. Если вы случайно не заняты, мы бы хотели, чтоб вы присоединились к нам.

— Я пока не знаю, есть ли у моего отца какие-либо планы на вечер четверга, — ответила Элино́р.

— Боже, простите мою рассеянность, — пробормотала леди Доротея. — Конечно, граф тоже включен в приглашение.

Элино́р улыбнулась. Леди Доротея просто не знала, что включением графа отнюдь не подсластила свое приглашение.

— О, обещайте, что приедете, — настаивала миссис Баррингтон. — В конце концов, провинциальным девушкам следует держаться вместе.

— Я проверю наш календарь визитов и дам вам знать, — кивнула Элино́р.

После их отъезда сестры остались в гостиной на случай, если появятся другие визитеры.

— Ты ведь примешь ее приглашение, да? — спросила Бьянка. — Мне бы очень хотелось поехать на обед к леди Доротее.

— Неужели? Я не предполагала, что она тебе настолько понравилась. Или это миссис Баррингтон?

— С твоей стороны не слишкомто любезно дразнить меня, — засмеялась Бьянка. — Ты думаешь, виконт Бентон там будет?

Элинор усмехнулась:

— Думаю, это возможно. Он говорил о близкой дружбе с этой семьей.

— Ты не поверишь, но я хочу поехать туда даже при его отсутствии. — Бьянка задумчиво тербила конец атласной ленты. — Но я бы, конечно, предпочла, чтоб виконт приехал.

Элинор снова почувствовала тревогу. Изза Бентона ей и не хотелось принимать это приглашение.

— Возможно, у графа уже есть для тебя планы на четверг, — ответила она, опасаясь, не будет ли это намного хуже.

Лицо у Бьянки вытянулось.

— Ничего. Если мы не сможем поехать, я уверена, что снова увижу лорда Бентона где-нибудь еще.

Элинор только руками развела. Похоже, не вызывающий доверия виконт с его сомнительными намерениями сделает этот приезд в Лондон более суровым испытанием, чем она предполагала.

Занятия повседневными мелочами всегда помогали Себастьяну избежать настоящих трудностей. Но с тех пор как целью его жизни стала месть графу, все изменилось.

Утро с портным или сапожником, день с лошадьми в конюшнях Теттерсола или боксирование в салоне Джексона, начало вечера, проведенное в клубе с друзьями или за карточной игрой, — все это перестало быть легким и удобным способом времяпрепровождения. Идея мести не покидала его с раннего утра, и он боялся, что скоро лишится сна.

Очень странно, что ясная цель в жизни вызывала у него беспокойство и отвращение. Честно говоря, Себастьян никогда еще не чувствовал себя таким неуверенным. Что он затеял?

В конце концов он решил нарушить заведенный порядок и отправиться с утра в Мейфэр, где теперь жил маркиз Этвуд. Правда, не с визитом к другу, а чтобы увидеть Эмму. Она всегда действовала на него успокаивающе, в чем он сейчас нуждался больше всего.

Игнорируя привередливые замечания камердинера, Себастьян тщательно оделся, хорошо позавтракал и велел привести свою лошадь. Хотя день был ненастным, он ехал спокойной рысью. Его настроение улучшалось с каждым кварталом, пока Себастьян не повернул на улицу, где проживал его друг Этвуд и не увидел знакомый дом. Внутри у него вдруг что-то сжалось.

Величественный белокаменный особняк с особыми ставнями яркосинего цвета принадлежал его бабушке. Это была самая значительная часть ее скромного имущества, завещанного ему, ее единственному внуку. Но, вернувшись в Лондон, он не переехал сюда. В его памяти это был еще дом бабушки, место, где он всегда был желанным гостем и всегда чувствовал себя защищенным. Удивительно сознавать, как он скучал по этим визитам. Как скучал по ней.

Проезжая мимо дома, он слегка придержал коня. Особняк, похоже, был в прекрасном

состоянии. Декоративные кусты аккуратно подстрижены, окна сверкают чистотой, входная лестница недавно вымыта. Только отсутствие латунного молотка на двери указывает, что семья здесь не живет.

Отвернувшись, Себастьян пришпорил лошадь.

— Доброе утро, Хокинс, — сказал он, когда дворецкий Этвуда открыл дверь.

— Лорд Бентон. — Дворецкий вежливо поклонился, однако не шагнул в сторону, чтобы впустить его. — Сожалею, но маркиза нет дома.

Себастьян поднял бровь. Так обычно отвечали посетителям, когда семья не хотела, чтобы их тревожили. Но ведь он не простой визитер и никогда не получал такого ответа, если хозяев действительно не было дома.

Он взглянул сквозь открытую дверь на часы в мраморном холле. Только одиннадцать. Для Этвуда слишком рано кудато уходить. И еще не время для посетителей.

— Лорд Этвуд в самом деле отлучился?

— Маркиза нет дома, — повторил дворецкий.

Себастьян озадаченно нахмурился, пристально глядя на стойкого слугу.

— Но Этвуд никогда так рано не уходит, — вслух размышлял он и вдруг насмешливо улыбнулся. — Вы ничего не перепутали, Хокинс?

Глаза дворецкого расширились от ужаса, подтверждая его догадку. Значит, Этвуд еще в постели, и более чем вероятно, его жена рядом с ним. Или под ним.

— Маркиз...

— Да, да, его нет дома, — прервал Себастьян. — Не важно. Я здесь, чтобы увидеть мисс Эмму.

— Она рисует, — со вздохом облегчения сообщил дворецкий. Затем пропустил его в холл, тайком сделал знак, и появился слуга. — Покажи лорду Бентону дорогу в студию мисс Эммы.

Хотя Себастьян знал, где Эмма рисует, поскольку бывал там сотню раз, но возражать не стал, решив, что уже достаточно смутил несчастного Хокинса.

Эмма приветствовала его, не отрываясь от работы. Она сидела лицом к двери, перед мольбертом, на котором был укреплен большой холст. Себастьян почувствовал разочарование, что не видит холста с того места, где стоял, а ему очень хотелось узнать, чем она с такой страстью занята.

— Очевидно, я тебе мешаю, но хотел бы остаться. Разрешишь?

— Можешь посидеть тихо минут десять?

— Постараюсь.

Она кивнула, и он устроился в одном из двух мягких кресел, составлявших всю обстановку этой комнаты. Закрыв глаза, Себастьян отдался приятным воспоминаниям о часах, которые провел в студии, когда позировал для своего портрета, заказанного бабушкой Эмме за несколько месяцев до смерти. Портрета, который он еще не видел.

Услышав тяжелый вздох, Себастьян открыл глаза. Эмма медленно опустила кисть, внимательно посмотрела на картину, затем сняла ее с мольберта и осторожно поставила лицом к стене.

Интересно. Обычно она всегда делилась с ним впечатлениями о работе. Что особенного в этой картине, чтобы так скрытничать?

— Закончила? Могу я посмотреть?

— Нет! — Покраснев, она встала между ним и картиной. — Это ответ на оба вопроса.

— Черт возьми, Эмма, с каких пор ты стала настолько темпераментной? — обиженно спросил он.

— Будь это так, — с вызовом ответила девушка, — я бы обиделась на твою брань и выгнала тебя из моей студии.

— Понял.

Слегка удовлетворенный, он спросил ее об остальных членах семьи. Они мило поболтали, затем перешли к общим друзьям и знакомым, обсудили светские новости.

— Ты придешь на завтрашний обед? Я помогала Доротее переписывать списки и заметила рядом с твоим именем вопрос.

Себастьян нахмурился. Конечно, обед в кругу близких друзей очень соблазнителен, но ему надо охотиться на леди Бьянку.

— Не знаю, смогу ли. Тут бал у Уилфордов и прием у леди Джорджинии.

— И ты, вместо того чтобы провести вечер с нами, предпочитаешь слушать, как племянницы леди Джорджинии терзают на скрипках концерт Баха? — содрогнулась Эмма.

— Может, они не будут играть на скрипках, — мечтательно произнес он.

— В таком случае они выберут пение. — Эмма улыбнулась, а Себастьян застонал. — Хотя насчет обеда жаль. По тебе будут скучать, но я передам леди Бьянке твой сердечный привет.

— Леди Бьянке? С каких пор она входит в круг близких друзей твоей сестры?

Эмма пожала плечами.

— Думаю, она пока не заслужила такой чести. Помоему, Доротeya просто жалеет ее и леди Элинора. Они, кажется, не произвели впечатления в обществе, и Доротeya проявила доброту, отправив им приглашение.

— Они приедут?

— Конечно.

— Со своим отцом, графом?

— Нет. Я не помню, чтобы видела его имя в списке.

— Значит, племянницы леди Джорджинии могут терзать других несчастных, — улыбнулся Себастьян. — А я присоединюсь к вам.

— Изза леди Бьянки?

— Изза нее. И других тоже.

— Ты меня удивляешь, Себастьян.

— Тебя удивляет мой интерес к женщине? Полагаю, я должен почувствовать себя оскорбленным.

— Конечно, я знаю о твоих романах. Ты что, принимаешь меня за дурочку? — возмутилась Эмма. — Просто я думала, что ты предпочитаешь более опытных женщин.

— Может, настало время для перемен.

— И ты выбрал леди Бьянку? Если не считать ее красивое лицо, она всегона всего пустоголовое создание, не способное на глубокие чувства.

— Довольно грубо. Если б я так же поспешно делал заключения, когда встретил тебя, мы бы могли не стать друзьями.

— Я не похожа на леди Бьянку.

— Я этого и не говорил.

— В парке ты уделял ей слишком много внимания. Что делает ее такой особенной?

— Просто она другая, — уклончиво ответил Себастьян.

— Ты собираешься на ней жениться?

Боже! Пусть Эмма сама говорит об этом, он не намерен посвящать ее в свои планы. Оба молчали.

— Что это за страшные тайны, Себастьян? Или ты не способен дать честный ответ?

— Ни то, ни другое, — спокойно произнес он. — Давай сменим тему. Над чем ты сейчас работаешь? Полагаю, это нечто особенное?

Эмма бросила на него долгий пронизывающий взгляд, потом ответила:

— Это пейзаж. Мой учитель настаивает, чтобы я расширяла свой кругозор, не ограничивалась одним сюжетом.

— Разумный совет.

— Я портретист, Себастьян. Деревья и трава не вдохновляют меня. — Она вздохнула. — Я сделала наброски близнецов Гвендолин, но они еще слишком малы, чтобы высидеть для настоящего портрета.

— Тогда найди когонибудь другого.

— Я обещала Этвуду не принимать заказы от посторонних. Лишь твоя бабушка сумела уговорить его, чтоб он позволил мне рисовать тебя.

— Я пока не видел законченного портрета.

— Имей терпение.

Явная обида в ее голосе тронула Себастьяна.

— Прости. Я все еще...

— Я понимаю. Это болезненное напоминание о твоей бабушке.

Он чувствовал благодарность за ее моральную поддержку, удивительное качество для такой молодой девушки.

— Почему бы тебе не нарисовать герцога?

— Он слишком много ворчит, чтобы посидеть молча. Боюсь, я нарисую его с открытым ртом, и этот портрет не внушит мне любви к зятю.

Себастьян засмеялся:

— Этвуд лучше нас с тобой знает, каким сварливым может быть его отец. Не беспокойся. Я помогу тебе найти когонибудь. — Он встал и подошел к ней. — Я сам поговорю с Этвудом, если не возражаешь.

— Ты очень добр ко мне, Себастьян.

— Это потому, что я тобой восхищаюсь, Эмма, — с улыбкой сказал он.

Положив руку ей на спину, он успокаивающе растирал ее медленным круговым движением. Эмма глубоко вздохнула, и он усилил нажим, чтобы снять ее напряжение, совершенно не заметив искры желания, промелькнувшей в ее глазах.

К четвергу погода испортилась. Стоя у окна спальни, Элинор глядела на дождь и с беспокойством думала о том, что это сулит одни неприятности. Граф может остаться дома, а он всегда находил способ заставить ее чувствовать себя лишней. Присутствие Бьянки немного скрашивало обстановку, но в последнее время Элинор едва сдерживалась, когда видела графа и сестру вместе.

Тот относился к младшей дочери с унижительной снисходительностью, а Бьянка позволяла это и даже стремилась угодить отцу.

Его поведение оставалось загадкой. Элинор была уверена, что граф привез Бьянку в Лондон с целью найти ей богатого мужа, но, кроме модного гардероба, практически не

сделал ничего, чтобы способствовать успеху дочери в свете. Граф не сопровождал их на многочисленные светские приемы, где мог представить Бьянку джентльменам по своему выбору. Конечно, Элино́р предпочитала, чтобы отец не вмешивался в их жизнь, но его пренебрежение своими обязанностями беспокоило ее.

За последнюю неделю она часто замечала оценивающий взгляд, каким он смотрел на Бьянку, словно прикидывал ее стоимость.

Элино́р беспокоилась, что граф мог уже кого-то выбрать Бьянке в мужа. Возможно, уже заключил брачную сделку с этим человеком и только ждал удобного момента, чтобы представить его дочери. Или просто объявить о свадьбе, не считаясь с мнением Бьянки. Разумеется, движущей силой были деньги. Элино́р знала, что ее отец играл, как и большинство джентльменов, но до приезда в Лондон даже не могла представить, сколько времени он проводит за игорным столом. И не было никаких сомнений, что граф проигрывал не меньше, чем выигрывал.

Подружившись с их управляющим, Элино́р располагала точными сведениями о ежегодном доходе с поместья и о том, что в последние несколько лет он постоянно уменьшается. Но граф и не думал ограничивать свои расходы.

Он любил дорогие вина, модную одежду, превосходных лошадей и, похоже, не отказывал себе ни в чем, ибо все можно было приобрести в кредит. Однако терпение кредиторов тоже не безгранично. Элино́р очень беспокоило, что платить за излишества отца придется Бьянке. Что ее будущее, ее счастье будут принесены в жертву, чтобы сохранить ему образ жизни, какого, по его мнению, он заслуживал.

Вздыхнув, Элино́р попыталась отбросить беспокойные мысли. Она приехала в Лондон, чтобы защитить Бьянку от планов их отца, и сделает все, что в ее силах.

Выше голову, приказала она себе, направляясь в гостиную. Она села в потертое, но удобное кресло перед камином и взяла шитье. Ей всегда легче думалось за работой, к тому же куча вещей, требующих починки, не уменьшалась.

Элино́р знала, что граф будет раздражен, если увидит ее за таким «недостойным» занятием. Чинят слуги, леди вышивают.

— Ты здесь! — воскликнула Бьянка, вбегая в комнату. — Я ищу тебя по всему дому. Только что доставили последние из моих туалетов, и я не могу решить, в чем сегодня идти на обед у леди Этвуд.

— Да, серьезная проблема — иметь слишком много платьев для выбора.

— Не смейся, Элино́р. Я правда в затруднении.

— О, мы не можем этого допустить, не так ли?

подавив улыбку, Элино́р с готовностью отложила шитье и пошла за Бьянкой в ее спальню. Обычно скромная комната сестры разительно изменилась, почти ломаясь от избытка всего, что могло понадобиться модной леди, — от бальных туфель до шляп. Но Бьянка сразу направилась к кровати, где были заботливо разложены многочисленные наряды.

— Как тебе это? — Она взяла бледнозеленое атласное платье с квадратным вырезом, расшитое золотыми нитями.

— Очень милое, приятное на ощупь, — сказала Элино́р, глядя мягкий шелк. — Наденешь его?

— А стоит ли? Конечно, платье очень красивое, но я думаю, что буду выглядеть в нем слишком юной. Как насчет вот этого?

Бьянка взяла следующее платье, сходного покроя, но с круглым вырезом и меньшим количеством вышивки.

— Тоже красивое. Хотя мне больше нравится зеленое. Оно подчеркивает цвет твоих глаз.

— Ты уверена? — Бьянка закусила нижнюю губу.

— Да. Ты будешь в нем восхитительной. И кстати. Почему ты сегодня так озабочена своей внешностью? — спросила Элино́р, боясь, что знает ответ. — Леди Доротея говорила, что собирается устроить всего лишь скромный обед для семьи и близких друзей.

— Ты сама знаешь почему. — Бьянка отвела взгляд.

— Виконт Бентон?

Сестра восторженно кивнула.

— Я могу встретить его снова. Он уже выбрал меня. На балу герцога Уоррена, а затем в парке. Я трепещу, думая о том, что может произойти в следующий раз.

Элино́р тоже много думала о том, к чему могут привести эти встречи, и никогда не видела счастливого конца.

— Бьянка, дорогая, не питай больших надежд. Для мужчин вроде Бентона флирт такой же естественный процесс, как дыхание.

— Я знаю сплетни о его репутации, поэтому твердо решила, что не должна принимать всерьез его особое внимание ко мне.

— Рада это слышать.

— Но виконт такой очаровательный. Когда я рядом с ним, дыхание у меня ускоряется, ладони становятся влажными, сердце трепещет. Клянусь, даже бурчит в желудке. Что бы это значило, как ты думаешь?

— Может, несварение?

Бьянка застонала:

— Я серьезно, Элино́р.

— В чемто я тебя понимаю.

— Правда? В виконте есть что-то неотразимое, что-то более глубокое, чем просто красивое лицо и обаятельная улыбка.

Элино́р закусила нижнюю губу. Все намного хуже. Сильное влечение Бьянки к виконту наверняка ни к чему хорошему не приведет.

— Вполне естественно, что женщине нравится такой импозантный мужчина.

— Да? Но что он видит во мне?

Очередную победу? Элино́р хотелось сказать ей жестокую правду, но какие у нее доказательства? Только беспокойство по поводу намерений виконта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты красивая девушка с нежным, добрым сердцем и легким характером.

— Едва ли виконт смог разглядеть мой характер. Боюсь, он думает, что у меня большое приданое, — скептически заметила Бьянка. — Хотя папа не говорил, я знаю, что с деньгами у нас плохо.

— Не совсем так, мы еще держимся.

— Перестань, Элино́р. Ты стараешься на всем сэкономить. Дома ты обманываешь торговцев, уговаривая каждого принять только часть платы, хотя мне известно, что счета никогда полностью не оплачиваются.

Сердце у Элино́р сжалось. А она думала, что весьма умело скрывает правду от сестры.

— Я не знаю, каково в действительно наше материальное положение. Возможно, граф просто экономит, заботясь о нас.

— Хотелось бы так думать. Сейчас, когда мы в Лондоне, он более щедр. Ко мне, во всяком случае. — Бьянка изучающе посмотрела на сестру. — Элино́р, я чувствую себя ужасно. Папа чрезмерно потратился на мой гардероб, а для тебя пожалел даже шиллинг.

Элино́р с трудом сохранила бесстрастное выражение лица.

— В этом сезоне ты выходишь в свет, а не я. Мне новых платьев не требуется.

— У тебя сто лет не было нового платья. Отец вполне мог бы позаботиться о тебе. Я собиралась поговорить с ним...

— Нет! Обещай, что оставишь эту тему.

Бьянка непослушно улыбнулась:

— Ты не дала мне закончить. Я намеревалась посоветоваться с ним, а затем подумала, что буду делать, если он мне откажет. Я боялась, что последует ужасный скандал, и просто заказала у мадам Клодетт несколько платьев твоего размера.

— Бьянка! — потрясенно воскликнула Элино́р. Обман был не в характере младшей сестры.

Та с победным видом достала темно-голубое шелковое платье и гордо протянула его Элино́р, которая сморгнула подступившие слезы. Платье было восхитительное, простое, без строгости, очень элегантное, с глубоким вырезом, того покроя, что должен подчеркивать достоинства ее фигуры. Вместо вышивки его украшала верхняя юбка из легкого белого тюля, собранная под грудью и отделанная темно-голубой лентой, придававшей наряду изысканность.

— Я выбрала его по эскизу, но, кажется, не ошиблась, — с тревожной улыбкой сказала Бьянка. — Тебе нравится?

— Очень. Я бы и сама не могла сделать лучший выбор.

— Тогда решено. Я надену зеленое, а ты голубое. У меня есть для тебя подходящие туфли, Анна уложит нам волосы. Она творит чудеса щипцами для завивки.

Возбуждение сестры было почти заразительным, но Элино́р призвала себя к здравомыслию.

— Я согласна надеть это новое платье только при условии, что ты обещаешь мне быть осторожной с лордом Бентоном.

Бьянка нахмурилась, очевидно, ведя с собой внутреннюю борьбу, и наконец сказала:

— Хорошо. Я постараюсь быть разумной.

Это был не совсем тот ответ, какого хотела Элино́р, но пока он ее удовлетворил. Нельзя сразу много требовать с ребенка.

Снаружи дом Этвудов выглядел довольно скромным классическим особняком. Но, переступив порог, посетители входили в большой холл с чернобелым мраморным полом, широкой лестницей и куполообразным потолком, который украшала фреска, изображающая небесный свод.

Элинор почувствовала, как дрожит рука Бьянки. То ли от холодной дождливой погоды, то ли от изысканной роскоши обстановки или же от волнения перед встречей с лордом Бентоном. Может, от всего сразу.

Их провели в золотую гостиную, но Элинор не успела оценить ее великолепие. К ним уже направился лорд Бентон, красивый, безупречный и решительный.

Тут, опередив виконта, подошла леди Доротея в сопровождении высокого, красивого джентльмена.

— Очень рада видеть вас обеих, — сказала она. — Ночью лил сильный дождь, и я боялась, что не все гости смогут приехать.

— Слава Богу, лучшие из них уже благополучно прибыли, — вмешался лорд Бентон, озорно сверкнув белозубой улыбкой. — Добрый вечер, леди Бьянка. Леди Элинор.

Он поклонился и взял Бьянку за руку. С тревогой заметив, как сестра даже слегка нагнулась к нему, Элинор громко кашлянула. Бьянка вздрогнула и поспешила высвободить руку.

— Не приставай к моим гостям, Бентон, — усмехнулся джентльмен, — или я выгоню тебя на кухню, будешь обедать со слугами.

— Дорогой, только не это, — улыбнулась леди Доротея. — Служанки упадут в обморок прямо в свои тарелки, увидя за столом Бентона. Лучше выгони его под дождь за дурное поведение.

— Да он вполне может обедать в собачьей будке, — предложил джентльмен и озадаченно нахмурился. — Плотник ведь уже построил собачью будку, не так ли, дорогая?

— Конечно, хотя со смущением должна признать, что Ланселот туда и лапой не ступил. И с еще большим смущением признаю непростительную оплошность, что не представила тебя нашим гостям. Леди Элинор, леди Бьянка, рада представить своего мужа Картера Грейсона, маркиза Этвуда.

Обе сделали реверанс, маркиз поклонился. Он явно обладал врожденной аристократической манерой всевластия, которая выглядела бы чересчур снобистской, если бы не его очаровательная улыбка. На Элинор он произвел хорошее впечатление.

В отличие от герцога Гейнсборо, которому их представили вслед за маркизом. Холодный, высокомерный, самодовольный, он действительно был устрашающей личностью. Когда Элинор сделала реверанс, герцог взглянул на нее с откровенным любопытством:

— Так вы старшая дочь Хетфилда? — Она кивнула. — Я знал вашу мать. Очаровательная, красивая женщина. Помню, была очень грациозной в танцевальном зале. Вы не слишком похожи.

Элинор закусила губу, чтобы не выдать свое возмущение.

— Красоту нашей матери унаследовала моя сестра, — процедила она сквозь зубы.

— Аледи Элинор унаследовала ее грацию и очарование, — добавил мужской голос.

Она повернулась, не зная, кто стоял настолько близко, чтобы слышать оскорбительное

замечание герцога. Она думала, это маркиз Этвуд, но увидела лорда Бентона.

— Старик проверяет вашу храбрость, — прошептал виконт. — Насколько я знаю, герцог не кусается.

— Я не боюсь, милорд, — прошипела в ответ Элино́р. — Мне приходилось осаживать и коекого похуже, чем бесчувственный герцог. Полагаю, он будет страшно разочарован, если я не задрожу и не упаду ниц.

— На сей счет не сомневайтесь.

— Тогда мне доставит огромное удовольствие разочаровать его. — Элино́р улыбнулась, пока герцог отвернулся, чтобы поговорить с другим гостем. — Хотя не понимаю, чем я вызвала у него особый интерес.

— Герцог оберегает свою невестку, — пояснил Бентон. — Он хочет знать все о людях, которые становятся ее друзьями.

«Становятся ее друзьями», — с неожиданной грустью подумала Элино́р. Если б даже она и подружилась с леди Доротеей, вряд ли они снова увидятся после окончания сезона.

Проглотив внезапный приступ жалости к себе, Элино́р обратила внимание на разговоры вокруг нее. Эмма присоединилась к их кругу, и они с герцогом оживленно беседовали.

— Я совсем не разочарован, что он сегодня не мог приехать. Лорд Салливан фигляр, — ворчал герцог. — Думает, он знаток всего на свете и получает огромное удовольствие, извергая свои нелепые заключения.

— Независимо от того, спрашивают его или нет, — пробормотал виконт, и Элино́р опустила голову, чтобы скрыть улыбку.

— Лорд Салливан, может, и скучный человек, ваша светлость, — заявила Эмма. — Но по крайней мере он воздерживается от обсуждения своих болезней — темы, которая так занимает большинство пожилых людей.

Герцог взглянул на девушку, подняв седые брови.

— Вам лучше не включать меня в эту категорию, юная леди, а то я буду вынужден дать вам затрещину.

— Я сказала «пожилые люди», ваша светлость, — с дерзкой улыбкой ответила Эмма. — К вам это не может относиться.

— Ха! — Герцог одобрительно улыбнулся и повернулся к сыну. — Картер, тебе нужно получше следить за этой леди. А то она может завлечь какого-нибудь несчастного парня для веселой травли.

— Я слишком хорошо это знаю, отец. Но в конце концов ее поймает какой-нибудь добродушный мужчина, и тогда она станет его проблемой.

— Картер! — укоризненно произнесла леди Доротея. — Мне не нравится, когда ты называешь мою сестру проблемой.

— Леди Доротея, вы же знаете, что Этвуд шутит, — вмешался Бентон. — На самом деле каждый мужчина, у кого есть хоть капля здравого смысла, понимает, что лишь таких жен и стоит иметь.

— Бентон заговорил на матримониальную тему? — Герцог недоверчиво поднял брови.

Виконт засмеялся:

— Я говорил о женах других мужчин, ваша светлость. А не о собственной.

— Я до посинения объяснял ему радости семейной жизни, отец. Но Бентон, на свою беду, не желает ничего признавать. — Этвуд с симпатией взглянул на друга.

— Тем не менее это чертовски дурная манера — пугать старого человека вроде меня,

Бентон. Тебе известно, что мое сердце может отказать в любую минуту.

— Конечно, вы шутите, ваша светлость, — вкрадчиво заметила Элино́р. — Я думаю, ваше сердце может выдержать многое.

Возникла небольшая пауза. Затем герцог с раздраженным видом обратил свое внимание на Элино́р.

— Вы, похоже, удивлены, что у меня есть сердце.

— Нет, конечно. А если б мне даже и пришла в голову столь необычная мысль, я бы не позволила себе высказать ее вслух. Особенно когда рядом есть люди, которые могут услышать такое нелестное замечание.

Это был умный отпор, и Элино́р им гордилась. Она сделала герцогу выговор за его недавнюю бестактность в искусной, но совершенно очевидной форме.

— Бентон, — сказал герцог, не сводя с нее глаз, — если ты все-таки решишь найти себе невесту, то поступишь мудро, посмотрев в эту сторону.

Элино́р покраснела. Она и лорд Бентон? Герцог, конечно, шутил. Да, по возрасту она ближе к виконту, чем сестра, но какой мужчина заинтересуется ею, когда есть Бьянка?

Только вот собирается ли Бентон искать жену? Судя по шуткам и мнению тех, кто хорошо его знал, это маловероятно.

Появился лакей с серебряным подносом, уставленным бокалами. Разговор смолк, все занялись выбором напитков. Элино́р взяла себе миндальный ликер и хотела предложить Бьянке лимонад, когда заметила, что сестра уходит с лордом Бентоном. Да, она уже не могла руководить каждым ее поступком. Но не перестанет следить за виконтом.

Уединившись в конце свободной кушетки, Элино́р медленно пила ликер и наблюдала за удаляющейся парой. Судя по улыбкам Бьянки, ее румянцу и опущенным глазам, виконт бесстыдно флиртовал, но даже он не мог выйти за рамки приличия у всех на виду.

Немного погодя Элино́р обнаружила, что оказалась здесь не единственным наблюдателем. Эмма тоже внимательно следила за ними.

— Они замечательная пара, моя сестра и виконт. Вы не находите? — попыталась улыбнуться Элино́р.

На миг девушка замерла, потом наклонилась к ней.

— Бентон не так хорош, как выглядит. Не позволяйте сестре обманываться его чисто внешними качествами.

— Странно, я думала, он вам нравится.

— Конечно. Бентон необыкновенно забавный. Но я не слепа к его недостаткам. И я не такая наивная. Он красивый, титулованный, опытный мужчина, известный соблазнитель женщин, поклявшийся не жениться до сорока лет.

— Тогда почему вы поддерживаете с ним отношения? — спросила Элино́р, удивленная непонятной откровенностью Эммы. Обычно близкие друзья стараются защитить репутацию товарища. — И почему ваша семья радушно принимает виконта, если он такой беспринципный распутник?

Эмма пожала плечами.

— Мой зять, лорд Бентон, а также мистер Доусон подружились еще в школе. Маркиз никогда бы не опустился так низко, чтобы покинуть своих друзей, какой бы запятнанной ни была их репутация. Хотя он запретил мне оставаться наедине с Бентоном.

— Очень разумный совет для всякой молодой девушки. Надеюсь, вы его приняли?

— Я знаю, как полагается вести себя в обществе. Но можно ли сказать то же самое о

вашей сестре, я не уверена.

Элино́р уже хотела поставить на место невоспитанную сестру хозяйки, когда заметила сжатые кулаки Эммы. Неужели это изза Бентона?

Видимо, да. Но как бы там ни было, пренебрежение нельзя оставить без ответа. Элино́р похлопала девушку по руке.

— Значит, вас должно радовать, что Бьянка — моя забота, а не ваша, не так ли?

Эмма бросила на нее долгий, скептический взгляд. Затем ее поведение изменилось, лицо почти засияло, будто подсвеченное изнутри. Элино́р повернула голову. К ним шел лорд Бентон. Один. Бьянка осталась на другом конце гостиной, беседуя с маркизом и двумя молодыми женщинами.

Теперь многое прояснилось: Эмма влюблена в виконта. На миг она даже посочувствовала девушке. Если лорд Бентон и любил ее, то как младшую сестру, а не как свою будущую виконтессу. Хотя, кто знает. Он был другом ее зятя и в конце концов мог жениться на ней, ведь мужчины бывают очень практичны, выбирая себе невесту.

Элино́р размышляла над возможными перспективами Бьянки, когда дворецкий маркиза дал знак, что обед подан. Гости без всяких церемоний направились в столовую, оказавшуюся великолепным помещением, способным вместить сорок приглашенных. Такое количество гостей Элино́р не сочла бы «интимным» званым обедом, правда, она мало вращалась в светском обществе и никогда на подобном мероприятии не присутствовала.

Но во время обеда ее напряжение постепенно спало. Питер Доусон, сидевший слева от нее, оказался интересным собеседником, и вскоре она уже смеялась над его рассказами о мальчишеских проделках вместе с лордом Этвудом и лордом Бентоном. Продолжая следить за Бьянкой, она позволила себе расслабиться, насладиться вкусной едой и остроумной беседой.

Удивительно, как бокал вина помог ей успокоить нервы. Элино́р снова взглянула на Бьянку, которая весело разговаривала с двумя леди, затем с облегчением убедилась, что виконт сидит на противоположной стороне, за несколько стульев от ее сестры.

— Еще вина, леди Элино́р? — Мистер Доусон улыбался ей, пока слуга ждал ее ответа.

— Возможно, полбокала, — сказала она, решив, что это не повредит.

Раз Бьянка с виконтом сейчас под контролем, было бы глупо не воспользоваться редкой возможностью доставить удовольствие себе.

Еще до подачи десерта Себастьян пришел к неожиданному заключению, что хорошо проводит время. Званые обеды Этвудов всегда были восхитительными, и сегодняшний тоже не стал исключением. Еда вкусная, если не считать некоторый избыток специй в телячьем фрикасе; беседа оживленная, если игнорировать колкости герцога; общество приятное, несмотря на леди Элино́р с ее подозрительными взглядами.

Хотя он сидел не рядом с Бьянкой, но достаточно близко для флирта. Застенчивые улыбки и теплые взгляды были признаками ее интереса. Судьба благоволила к нему и после обеда, когда джентльмены, насладившись портвейном и сигарами, присоединились к дамам. За это время погода значительно улучшилась, проливной дождь сменился легкой весенней изморосью, а затем приятной дымкой.

Несколько гостей уже прогуливались в саду. Он подошел к леди Бьянке, которая встретила его появление восторженной улыбкой, и, взяв ее под руку, ловко увлек на уединенную дорожку. Как агнца на заклятие. Проклятие, насколько легче иметь дело с

женщиной.

Они медленно шли мимо симметричных клумб в ту часть сада, где кусты росли гуще, как попало. В саду горели факелы, чтобы гости, вышедшие на прогулку, могли свободно ориентироваться.

Бьянка непрерывно болтала, что выдавало ее нервозность. А Себастьян лишь мурлыкал в ответ, занятый поиском удобного места для поцелуя.

И что дальше? Обнаружить себя? Кого может шокировать человек его репутации, целующий женщину? Инцидент запятнает репутацию Бьянки, но это скорее всего не погубит ее.

Нет, ему требовалось нечто большее, чтобы добиться своей цели. Что наверняка приведет к скандалу в доме его лучшего друга. А этого он не допустит ни в коем случае. Он просто заманит ее, соблазнит единственным поцелуем с обещанием большего. Завоюет ее доверие, умело посеет семена и приведет к опрометчивой несдержанности, которая заставит графа защитить честь дочери.

Они подошли к каменной скамье в маленькой нише. Запах недавнего дождя и весенних цветов наполнял воздух, придавая обстановке налет тайны и романтики.

— Позвольте мне.

Себастьян достал из кармана носовой платок и галантно вытер скамью. Хихикнув, Бьянка изящно села, затем откинула головку и посмотрела на него. Он поставил ногу рядом с ней на скамью и взял ее руку.

— Вы прекрасны в лунном свете. — Он поцеловал внутреннюю сторону ее запястья.

Глаза у нее сверкнули.

— То же самое я могу сказать о вас, милорд. Хотя думаю, мужчины предпочитают, чтобы их называли неотразимыми рыцарями.

Себастьян осторожно положил ее руку себе на колено и разжал пальцы. Она выглядела слегка озадаченной, тем не менее руку с его колена не убрала. Это говорило красноречивее всяких слов о ее чувствах, но вместо удовольствия он испытывал лишь угрызения совести.

— Здесь очень влажно, — сказал он. — Вы не замерзли?

Бьянка покачала головой, и ее пальцы сжали его колено. Он глядел ей в глаза, чувствовал ее дрожь.

«Поцелуй ее, — требовал внутренний голос, — чего ты медлишь? Она не будет сопротивляться, потому что жаждет твоих объятий». Но Себастьян, как ни странно, активности не проявил.

Он соблазняет женщин с тех пор, как впервые побрился, и все же, несмотря на весь опыт и репутацию, он был не из тех, кому нравится играть чувствами женщин, особенно таких молодых и невинных, как Бьянка.

Да, она красива, но он ее не хочет. Возможно, причиной был ее возраст, целомудрие или даже родство с бесчестным графом Хетфилдом. Не важно, результат очевиден.

Себастьян вдруг отстранился и какое-то время смотрел в темноту сада. Его захлестнул поток эмоций. Гнев, досада, разочарование. Он придумал идеальный план мести, а теперь вынужден от него отказаться. Лучше б он вообще не начинал эту интригу, раз не способен ее завершить.

— Мы должны вернуться в дом, пока не заметили нашего отсутствия, — решительно произнес Себастьян.

— Уже?

— Нам в высшей степени неприлично оставаться здесь так долго без присмотра. Думаю, леди Элино́р уже обеспокоена вашим исчезновением.

Бьянка густо покраснела, что было видно даже при лунном свете.

— Мы здесь не так долго.

— Вполне достаточно, чтобы это не осталось незамеченным.

Себастьян выпрямился и чопорно протянул ей руку. Она взглянула на нее, затем отвела взгляд и продолжала сидеть.

— Вы идете, леди Бьянка? Или предпочитаете дышать ночным воздухом в одиночестве?

Заметив странное выражение на ее лице, он подумал, не собирается ли она вспылить. И почти хотел этого. Тогда и он мог бы дать волю собственному разочарованию. Но в следующую секунду Бьянка молча поднялась со скамьи. Единственным знаком ее досады был отказ принять его руку.

Так же молча он ухватил ее за локоть и повел к дому — настолько быстро, что практически тащил за собой. На террасе он вдруг услышал тяжелый вздох Бьянки, а потом увидел в дверях ее сестру.

— Леди Элино́р! Господи, вы меня испугали!

— Простите, что мое появление так встревожило вас, милорд.

Себастьян заставил себя улыбнуться:

— Я не встревожен, мэм, просто испуган.

— Меня беспокоило, что могло случиться с Бьянкой.

— Я гуляла в саду с виконтом, Элино́р, — ответила та, снова покраснев. — Но холодная сырость заставила нас вернуться.

— Леди Доротея начала подавать чай. Думаю, чашка горячего чая согреет тебя...

Не дослушав, Бьянка приподняла юбки и бросилась в дом. Себастьян ожидал, что ее сестра направится следом, однако леди Элино́р осталась на террасе. Чтобы окончательно не испортить себе настроение, он удалился в другой конец террасы и закурил сигару. Лучше быть грубым, чем невоспитанным. Кольца серого табачного дыма успокоили ему нервы, как и плеск воды в фонтане. Это был образец уродства, изваянный молодым романтическим скульптором, которого пожалела леди Доротея. Маркиз поклялся немедленно взять кувалду, если жена еще раз проявит интерес к столь же «мастеровитому» художнику. Себастьян полагал, что это был бы разумный шаг.

— С вашего позволения, милорд, я присоединюсь к... — Леди Элино́р умолкла, глядя куда-то в сторону.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— Там... В фонтане...

— Ах да. — Себастьян озадаченно сдвинул брови, а потом вдруг засмеялся. — Похоже, ваш сосед по столу, мистер Доусон, решил немного освежиться. Но вы, надеюсь, не ожидаете, что я сейчас начну раздеваться и прыгать в фонтан его спасать? Он неплохо плавает.

— Честно говоря, я никогда не знаю, чего от вас ожидать, лорд Бентон.

— Вы меня обижаете, леди Элино́р. Наверное, вы не очень внимательно слушали то, что про меня рассказывали. Я прыгал в разные фонтаны, но всегда был при этом изрядно пьян.

— То есть вы считаете, что это в порядке вещей?

Себастьян пожал плечами.

— Конечно, подобные поступки... несколько экстравагантны. — Он выпустил

очередной клуб дыма, но продолжения лекции не последовало. Неожиданно он услышал женский смех.

— Уверена, зрелище было впечатляющим. Мистер Доусон рассказывал, что однажды вы нырнули в воду прямо в сюртуке, который затем плавал на поверхности вполне самостоятельно. Затем выплыли, сплевывая воду, после чего пошли ко дну, — со всей решимостью сказала она и засмеялась.

Как ни странно, сложное чувство, возникающее у него каждый раз, когда он собирался поцеловать Бьянку, вдруг исчезло. Он почемуто уже не мог заставить себя флиртовать с невинной девушкой ради мести графу Хетфилду.

Но леди Элино́р — совсем другое дело.

Лорд Бентон смотрел на нее с таким выражением, словно хотел заключить в объятия. Невероятно! Должно быть, это игра лунного света или какое-то искажение от дыма его сигары.

А может, он был оскорблен ее смехом? Но ведь она смеялась только над его выходками. Ничего предосудительного в этом нет. Его мужская гордость не пострадала.

Бентон продолжал молча смотреть на нее, и Элино́р почувствовала неловкость. Решив, что лучше оставить виконта наедине с его странным настроением, она извинилась и пошла в гостиную.

Бьянка сидела там в одиночестве, даже не притронувшись к чашке с чаем.

— Ты слегка побледнела. — Элино́р пощупала ей лоб. — Хорошо себя чувствуешь?

— Да. — Бьянка отвела взгляд. — Просто устала.

— Может, уедем?

— Немного погодя. Не хочется быть первыми, если ты не возражаешь.

— Разумеется, нет. — Элино́р с беспокойством накрыла ладонью руку сестры. — Ты получила удовольствие от своей прогулки с лордом Бентоном?

— Да, все было прекрасно. Только немного холодно, как я уже сказала.

— Ты имеешь в виду погоду или виконта? — пошутила Элино́р, но ее улыбка быстро исчезла. — С тобой все в порядке?

— Да. — Взяв серебряную ложечку, Бьянка начала мешать чай.

Элино́р остановила ее руку. Сестра отвечала односложно и пила чай без молока и сахара, поэтому не было смысла вообще мешать его, тем более десять раз.

— Что у вас произошло?

— Ничего! Я думала, он собирался поцеловать меня. Честно говоря, надеялась. А он не стал. Мне даже показалось, что он сердился на меня. Не знаю почему.

Бьянка пожала плечами, словно стараясь поскорее выбросить из головы воспоминания об этом эпизоде. Но Элино́р видела, что сестра расстроена.

— Мне жаль.

— Нет, я даже рада, что так случилось. Ты была права, но я по глупости не сразу поняла. Виконт действительно не подходит мне. Впервых, по возрасту. Кроме того, он явно преследует какие-то собственные цели. Лучше понять это сейчас, заранее. В дальнейшем я уже не буду такой легкомысленной, когда встречу хорошего джентльмена.

Элино́р одобрительно кивнула. Тем не менее, глядя на печальное лицо сестры, она чувствовала себя виноватой и беспокоилась, что ее неосторожное вмешательство стало истинной причиной отказа виконта от ухаживания за Бьянкой.

Спускаясь по лестнице, Элино́р торопливо натягивала перчатки. Они совершенно недопустимо опаздывали к леди Эшфилд на прием в саду. И все изза того, что утром она занималась делами. Вот и не хватило времени на сборы.

Граф не позаботился нанять личного секретаря, переложив эти обязанности на старшую дочь. К тому же Элино́р беспокоила растущая вражда кухарки с экономкой. Конфликт требовалось уладить немедленно и с большим тактом, поскольку обе были неплохими работницами.

— Ты все-таки надела это? — спросила Бьянка. — Я думала, мы договорились, что ты будешь носить одно из моих новых платьев. Повесила лавандовый муслин в твой шкаф два дня назад.

— У меня не было времени сделать необходимые изменения, — ответила Элино́р.

— Но ведь ты могла найти что-нибудь другое? Право, Элино́р, иногда мне кажется, что ты нарочно хочешь выглядеть старше.

— Тебе стыдно появляться со мной на людях?

— Разумеется, нет. Как ты можешь даже подумать такое?

Элино́р смущенно опустила голову. Вряд ли ее сестра виновата в том, что она снова надела это серое скучное платье, больше подходящее для гувернантки или старой девы. Не хватает лишь кружевного чепца с рюшами.

— Спасибо за подарок. Обещаю сразу надеть твоё платье, как только подгоню его по своей фигуре.

Лицо Бьянки просветлело.

— Тогда надень хотя бы одну из моих новых шляп. Пожалуйста!

Не желая огорчать сестру, Элино́р кивнула. Бьянка тут же сбегала наверх и быстро вернулась, держа в руке нечто легкое, пенистое, воздушное.

Элино́р встала перед зеркалом, поменяла шляпы и почувствовала, что краснеет, глядя на это причудливое творение — девическое, легкомысленное. Она казалась себе обманщицей, поскольку сама то не была ни юной, ни легкомысленной.

— Отец сказал, что может заглянуть на этот прием, — сообщила Бьянка, когда сели в экипаж. — Там будут люди, с которыми он хотел нас познакомить.

Элино́р окаменела. С ее стороны было наивностью рассчитывать, что граф оставит их в покое. Ведь он привез Бьянку в Лондон, чтобы найти ей богатого мужа, следовательно, рано или поздно должен приступить к выполнению своей задачи.

Хотя она никогда не ждала от графа ничего хорошего, но в обществе всегда найдется по крайней мере дюжина богатых джентльменов. Кого-то из них ее сестра осчастливит как мужа. А поскольку графа интересуют лишь деньги, он согласится. Во всяком случае, Элино́р на это надеялась.

За час, который понадобился им, чтобы добраться до места назначения, Элино́р успела овладеть собой.

Поприветствовав хозяев, они присоединились к толпе гостей. День был великолепным, с ярким солнцем и голубым небом, поэтому все отлично проводили время на террасе и газонах, отдавая дань разнообразным закускам. Парк у Эшфилдов был просто

восхитительным. Цветущие растения всех видов и размеров украшали ландшафт, а другие участки могли гордиться высокими фруктовыми деревьями в цвету. Воздух был насыщен таким сильным ароматом, что Элино́р даже подумала, не укусит ли ее пчела.

— О, смотри, там отец. — Бьянка радостно помахала ему.

Элино́р не могла сдержать тяжелый вздох, когда граф, наступив на цветы и раздавив несколько изящных бутонов, направился прямо к ним. Элегантн́ый, в темнозеленом сюртуке, желтых брюках и блестящих высоких сапогах, он выглядел как молодой денди, если не обращать внимания на морщины, веером расходившиеся из уголков глаз.

— Вы опоздали, — проворчал он.

— Совсем немного, — с улыбкой ответила Бьянка.

— Это моя вина, — добавила Элино́р. — Было несколько неотложных дел, я старалась как могла.

— Тогда и осталась бы дома. — Граф поджал губы. — Ты что, не посмотрелась в зеркало перед отъездом, Элино́р? Ты выглядишь как пугало в этой шляпе, — с раздражением заявил он и, взяв Бьянку за руку, властно увел ее.

— Очень любезно с вашей стороны, сэ́р, — пробормотала Элино́р и упрямо последовала за ними.

Граф остановился перед группой, собравшейся под сводом ив, и низко поклонился.

— Леди, джентльмены, я хочу познакомить вас с моей дочерью Бьянкой. Дорогая, позволь мне представить: леди Одри, миссис Хартгроув, ее сын, мистер Джаспер Хартгроув, виконт Огден, сэ́р Люсьен Уитни, мисс Эверли.

Бьянка сделала изящный реверанс. Последовал хор приветствий, каждый подтвердил свое представление, и начался беспредметный светский разговор. Элино́р стояла позади сестры, решая, что привлечет меньше внимания — остаться или уйти.

Она уже собралась незаметно ускользнуть, когда леди Одри вдруг умолкла на середине фразы, глядя на Элино́р.

— А вы?..

Все тут же повернулись. Граф бросил в ее сторону недовольный взгляд.

— О, это моя старшая дочь. Элино́р.

— Леди Элино́р, — подчеркнула она, уязвленная его публичной демонстрацией презрения к ней. — Я очень рада познакомиться со всеми вами. Должна сказать, что ваша шляпа совершенно очаровательна, леди Одри. Где вы ее приобрели?

Леди Одри, переводившая удивленный взгляд с Элино́р на графа, мгновенно пришла в себя. Она рассказала о своей модистке на Бондстрит, затем упомянула портниху. Элино́р улыбалась и притворялась заинтересованной, хотя душа ее кипела от возмущения.

К счастью, граф не стал задерживаться и повел миссис Хартгроув к столу с напитками, когда та сказала, что у нее пересохло в горле. Сэ́р Люсьен тоже извинился, и его место занял лорд Уэверли. На этот раз леди Одри представила Элино́р по всем правилам светского этикета.

Последовали улыбки, смех, разговоры. Элино́р с радостью увидела, что Бьянка расслабилась и довольна. Но когда группа решила перейти на солнце, она воспользовалась случаем, чтобы незаметно уйти. Хотя она поклялась не показывать этого, недавний инцидент с графом вывел ее из равновесия. Ей нужно успокоиться, а для этого требовалось уединение.

Заметив великолепную беседку среди розовых кустов, Элино́р направилась туда.

Пьянящее благоухание, знакомый аромат роз вернули ей желанный покой.

Однако уединение оказалось недолгим. Вскоре она услышала приближающиеся шаги, оглянулась и увидела виконта Бентона, шагавшего по тропе к ней.

— Леди Элино́р! Рад видеть вас. — Он поцеловал ей запястье, какимто образом найдя маленький участок кожи, не прикрытый перчаткой. — Я уже боялся, что вы можете не появиться.

Скромная женщина покраснела бы и застенчиво улыбнулась, но леди Элино́р удивленно открыла рот.

— Вы ждали меня? Не ошибаетесь?

— Кого же еще?

Действительно, кого же еще? Элино́р не могла поверить в его искренность.

— Почему вы так хотели меня видеть, милорд? Вы сердитесь, что я стала препятствием между вами и моей сестрой?

— Я выгляжу сердитым, леди Элино́р?

Нет. Он выглядел божественно. Темносиние брюки вызывающе обтягивали мускулистые бедра, такого же цвета куртка подчеркивала ширину плеч. На другом мужчине этот костюм выглядел бы простым, мрачным, почти суровым, но лорд Бентон обладал безупречным чувством стиля, и ему это шло.

— Вы могли обидеться на меня, — продолжала Элино́р, убежденная, что любой мужчина был бы расстроен, потеряв такую красивую девушку, как Бьянка.

— Жаль вас разочаровывать, мэ́м, но ваши возражения никоим образом не повлияли на мои поступки. Если я поставил своей целью добиться, чего хочу, меня уже ничто не остановит.

Элино́р не сомневалась, что он говорил правду, и, судя по его взгляду, он хотел в данный момент именно ее.

Конечно, это абсурд. Она тут же отбросила столь возмутительное предположение. Она просто неправильно поняла виконта.

— Если не я, тогда что же вызвало столь внезапную перемену в вашем отношении к моей сестре? До сих пор вы настойчиво преследовали Бьянку.

— Да, сначала.

— А потом?

— Я обратил внимание на вас. Вы же видите, что я значительно старше вашей сестры. Кстати, вы сами напомнили мне об этом.

— Да, я могла упомянуть о разнице в возрасте, — согласилась Элино́р.

— Вы говорили обо мне так, словно я уже дряхлый старик и стою одной ногой в могиле.

— Ничего подобного не припомню. Вы сильно преувеличиваете.

— Вы это подразумевали, но я джентльмен и потому не стану называть леди лгуньей. Тем не менее разница в возрасте была только одним из препятствий. Я быстро понял, что Бьянка милая, еще наивная девочка. А я предпочитаю женщин. — Он улыбнулся ей. — Полагаю, ваша сестра не пострадала от наших встреч?

Элино́р нахмурилась:

— Вы уверены? Может, после времени, проведенного с вами, Бьянка погублена для других мужчин?

— Погублена? Никто из нас так не думает, леди Элино́р.

Она укоризненно смотрела на него.

— Что означает этот взгляд? Теперь вы хотите сказать, что одобряете мой роман с вашей сестрой? Право, леди Элино́р, неудивительно, что женщины слывут непостоянными, если даже вы, наиболее разумная из них, ведете себя так нелогично.

Разумная? Он только что назвал ее разумной?

— Конечно, я считаю, что вы с моей сестрой не подходите друг другу.

— Значит, мы пришли к соглашению. — Лорд Бентон озорно улыбнулся. — Может, прогуляемся среди деревьев? Тропа хорошо видна, в некоторых местах есть приятная тень.

Его поведение ставило Элино́р в тупик. Сейчас она могла бы поклясться, что он с ней флиртует. А это полная нелепость. Как и предложенная им прогулка. Но ведь она все равно идет по этой тропе, так зачем отказываться от его общества?

Элино́р осторожно положила руку на его локоть.

— Вы знаете эту часть поместья? — спросила она.

— Нет, — весело заявил он. — Но я почемуто уверен, что мы не заблудимся. Не бойтесь, леди Элино́р, я не собью вас с пути.

Он засмеялся, словно это была остроумная шутка. Может, виконт не вполне трезв? Но Элино́р не чувствовала от него запаха спиртного. Приказав себе не обращать внимания на его странное поведение, она решила наслаждаться природой.

Вскоре деревья сменились более частым лесом, тропинка пошла вверх и с каждым шагом становилась все круче. Виконт заботливо держал ее за руку. Они поднимались молча, слышалось только их дыхание. Ее дыхание, потому что ни крутизна холма, ни быстрота подъема не были для виконта проблемой.

— Смотрите, озеро, — сказал он, когда они добрались до вершины. — Точнее, большой пруд. Может, исследуем?

— Хорошо. — При спуске она крепче сжала его руку, боясь упасть.

— Сегодня вы удивительно покладисты, леди Элино́р. Мне это нравится.

Она хотела упрекнуть его за поддразнивание, но слова не шли. Что с ней такое? Похоже, лорду Бентону достаточно одного взгляда, и она уже теряет разум. Пресекая это странное настроение, Элино́р сосредоточилась на тропе.

Наконец они спустились на ровное место. Она знала, что уже нет необходимости держаться за его руку, но ей почемуто не хотелось отпускать ее. Словно почувствовав это, виконт прижал ее локоть к себе, и рука Элино́р практически оказалась в западне.

Она сделала вид, что ничего не заметила.

С одной стороны пруда росли величественные старые деревья, ветви которых почти касались воды. Ландшафт был усеян точками полевых цветов, и у Элино́р возникло искушение сорвать несколько штук. Она улыбнулась, представив себе ужас отца, если она вернется к обществу с букетом в руке, — поступок, свидетельствующий о простодушии, недостойный леди.

Когда они подошли к воде, Элино́р увидела мальчика лет пяти, который носился вдоль противоположного берега, пока женщина, похоже, няня, стояла поблизости.

— Я не знала, что у Эшфилдов такие маленькие дети, — сказала Элино́р.

— Детей у них куча, насколько я помню. Старший почти одного возраста со мной. Этот, должно быть, самый младший.

— А может, это внук?

Прежде чем виконт успел ответить, послышался детский крик. Они увидели, что няня оттаскивает своего питомца от края воды.

— Бедный мальчуган потерял свою лодку. — Элино́р показала на миниатюрный парусник, бесцельно плавающий в центре пруда.

— Да, — согласился виконт. — И, судя по крикам, это его любимая игрушка.

Горестные рыдания стали громче, когда они подошли поближе, а потом вдруг смолкли.

— Простите за этот шум. — Женщина сделала реверанс. — Лодка Александра отвязалась и уплыла. Я говорила ему, что сегодня нельзя приносить ее сюда.

— Ты видишь, что случается, когда мы отказываемся слушать женщин, мой юный друг? — спросил у малыша лорд Бентон.

— Да, сэ́р. — Ребенок шмыгал носом, пытаясь успокоиться.

Виконт посмотрел на воду.

— Боюсь, в такую безветренную погоду корабль останется там, где сейчас.

— Я знаю.

Глаза мальчика опять наполнились слезами. Он вытер нос рукавом куртки и удрученно повесил голову. Хотя Элино́р согласилась, что ребенок должен слушать няню, огорчение мальчика тронуло ее.

— Выше голову, Александр, — скомандовал виконт, хлопая его по плечу. — Давай подумаем, как спасти твое судно.

— Вы полагаете, это возможно?

— Да. Это же очень хороший корабль. Мы не можем просто бросить его. — Виконт снял куртку и передал ее Элино́р.

— Что вы делаете? — с тревогой спросила она.

— Это, конечно, не фонтан, но вы помните, что у меня страсть к воде.

— Надеюсь, вы не планируете снимать еще что-нибудь, кроме вашей куртки, милорд?

Лорд Бентон только шире улыбнулся, продолжая раздеваться. Снял вышитый жилет, ослабил галстук, закатал рукава белой полотняной рубашки. Элино́р смотрела на его обнаженные по локоть руки, поросшие темными мягкими волосами.

— Боже, солнце такое жаркое, — сказала она, энергично обмахиваясь веером.

— Может, вам лучше посидеть в тени, миледи, — предложила няня. — У вас покраснело лицо.

Элино́р еще энергичнее заработала веером, надеясь, что виконт не слышал ее замечания. Видимо, нет, поскольку он уже стоял у воды и серьезно обсуждал план своих действий с Александром.

Закончив разговор, лорд Бентон осторожно шагнул в воду. Элино́р содрогнулась, когда его превосходно начищенные черные сапоги по щиколотку утонули в грязи. Он поморщился, но продолжал идти вперед, пока вода не поднялась до колен. Элино́р видела, как его тело качается взад-вперед, и на миг ей показалось, что он сейчас непременно упадет.

Но вскоре она сообразила, что виконт старается прочно ставить ноги на дно, потому и не снял сапоги. Наконец он нашел опору и продолжил движение, обеими руками создавая маленькие волны.

Несколько минут спустя эти волны достигли корабля. Игрушка начала весело подпрыгивать, а еще через минуту медленно двинулась к берегу.

— Получилось! — закричал Александр и помчался вдоль берега, чтобы перехватить свой корабль.

— Спокойно, парень, — отозвался лорд Бентон, столь же возбужденный, как и ребенок. — Имей терпение, дождись, пока судно подплывет к тебе. Если ты свалишься в

воду, няня рассердится на нас обоих.

Мальчик хихикнул, но подчинился команде. Потребовалось еще некоторое время, чтобы кораблик оказался в пределах досягаемости и его можно было достать из воды. У Элинон даже заболели руки, хотя она просто наблюдала за работой виконта.

— Я достал его! — завопил Александр, поднимая игрушку над головой.

— Отличная работа, Бентон! — донесся с холма голос лорда Этвуда.

Повернувшись, Элинон увидела маркиза и его жену, которые спускались по склону. За ними следовали Бьянка, лорд Уэверли, мистер Доусон и Эмма.

— Разумный мужчина никогда не упустит возможности стать героем, Этвуд, — ответил виконт, когда выбрался из пруда. — Ты сам учил меня этому.

— Не отрицаю. — Смеясь, они похлопали друг друга по спине.

— И тебе даже удалось сохранить большую часть одежды, когда ты пошел в воду, — добавил мистер Доусон. — Bravo!

— Что же тут удивительного? Я могу вести себя цивилизованно, когда обстановка позволяет, — сообщил виконт, приводя в порядок рубашку.

Элинон смущенно подала лорду Бентону жилет и куртку, не сомневаясь, что все гадают, как же это они оказались тут вместе.

— Он спас мой корабль! — воскликнул Александр, пробравшись в середину толпы. — Он поступил благородно!

— Манеры, молодой человек, — укорила его няня, спешившая за ним. — Прошу у всех прощения. Мой питомец иногда выглядит своевольным, особенно когда взволнован.

— Ничего страшного, — ответил виконт, затем наклонился и взъерошил мальчику волосы. — Хотя няня права. Ты забыл, что светские люди должны при знакомстве представляться.

Александр заставил няню гордиться им. Он кланялся леди и пожимал руки джентльменам, когда лорд Бентон называл ему имена присутствующих. Затем он снова поблагодарил виконта, прежде чем няня увела его.

— Какой прелестный мальчик, — задумчиво произнесла леди Доротея.

— Он маленький чертенок, — улыбнулся виконт. — Но я рад, что все обошлось. Он так любит свой кораблик.

— Как же вам удалось достать его из озера, не замочив одежды? — спросил лорд Уэверли.

Виконт приступил к остроумному, преувеличенному отчету о спасении, и вскоре слушатели уже дружно смеялись. Когда они, разделившись на пары, снова побрели к холму, Элинон с радостью увидела, что Бьянка не только оправилась от слепого увлечения лордом Бентоном. Судя по всему, она проявляет интерес к лорду Уэверли, который заботливо помогал ей переступить через корни деревьев, преграждавших лесную тропу. Уэверли был красивым молодым джентльменом, всего на несколько лет старше Бьянки. Конечно, следует навести о нем справки, но, возможно, это хорошая партия для ее сестры.

— Кто бы мог подумать, что наша маленькая увеселительная прогулка в лесу приведет к такому приключению, леди Элинон, — заметил виконт, когда они снова встретились за столом с закусками.

— Признаюсь, я рада, что вы оказались там. Одна я вряд ли сумела бы помочь Александру.

Виконт наклонился, его губы почти касались ее уха.

— Я должен поверить, что вы оставили бы без помощи бедного мальчика?

— Боюсь, я не разделяю вашего пристрастия к воде, милорд.

— Жаль. — Он продемонстрировал ей одну из своих ослепительных улыбок.

Элинор медленно улыбнулась в ответ, не зная, правильно ли судила о нем раньше. Ей было несвойственно давать людям скоропалительную оценку, а ведь, в сущности, виконт не так уж и плох. Он связан искренней дружбой с маркизом Этвудом и мистером Доусоном, в отличие от других аристократов не кичится своим высоким положением в обществе. Не говоря уже о том, что мало кто из мужчин испортил бы превосходные сапоги, чтобы заслужить признательную улыбку ребенка.

Когда лорд Бентон отвернулся для разговора с леди Доротеей, она с возрастающим интересом задумчиво изучала его. Очевидно, у виконта есть нечто большее, чем его располагающая внешность.

Небрежно прислонившись к дереву, Себастьян наблюдал, как леди Элинор садится в экипаж. Вскоре за ней последовала и Бьянка. Он снова был поражен их различием. Элинор вряд ли могла конкурировать с неземной красотой сестры, зато фигура у нее была очень привлекательной, а грация движений — необыкновенно чувственной. Если сбросить с нее эту немодную одежду и смехотворную шляпу, будет ясно, что Элинор из тех женщин, которых он всегда считал желанными.

Он приехал к Эшфилдам с намерением добиться ее внимания и был удовлетворен результатом, хотя знал, что должен соблюдать осторожность. Элинор не простодушная молодая девушка. Она умна и проницательна. А судя по ее изучающим взглядам, она с подозрением относится и к нему, и к его неожиданному вниманию. Правда, он заметил и нечто обнадеживающее. Проблеск интереса, вспышку возбуждения. И он собирался использовать это, чтобы преодолеть ее недоверие. Дальнейшее будет уже детской игрой — привести ее туда, куда он хотел.

Теперь препятствием, которое больше всего заботило Себастьяна, оказалась ее сестра. Элинор начнет полностью избегать его, если это расстроит Бьянку. Он допустил грубую ошибку, выбрав ее своей жертвой. К счастью, Бьянка не пострадала от его кратковременного ухаживания. Ее интерес к лорду Уэверли выглядел искренним.

О непостоянное сердце юной девушки...

А как насчет сердца Элинор? Надо выбросить из головы эту бесполезную мысль. Это не имеет значения. Он собирается вести ее по пути соблазна к гибели, спровоцировать ее отца на дуэль и утолить наконец жажду мести.

Обдумывая следующий шаг, Себастьян вернулся к столу. Он заслужил бокал бренди. Награду за день хорошей работы.

На следующее утро, когда Элинор занималась вышиванием, а Бьянка читала, им доставили цветы. Оранжерейные розы, лилии на длинных стеблях, букетики фиалок и бледножелтых нарциссов. Пока слуги разыскивали вазы, сестры рассматривали щедрый цветочный подарок.

— Фиалки от мистера Хартгроува. Нарциссы от сэра Уитни. Виконт Огден прислал лилии. Правда они прелестны, Элинор? О, смотри, а эти великолепные розы от лорда Уэверли.

— Красные розы от лорда Уэверли. Что бы это значило? — Элинор подняла брови, поддразнивая сестру. — И ты совсем не выглядишь удивленной?

— Нет, я удивлена. Ох! Шип такой острый. — Бьянка слизала с пальца капельку крови. — Вчера лорд Уэверли был очень заботливым и очаровательным, но я получила хороший урок с виконтом Бентоном. Пусть джентльмен сначала убедит меня в подлинности своего интереса, прежде чем я отвечу ему взаимностью.

— Наконецто присланы цветы, — сказал с порога граф. — Не понимаю, Бьянка, почему холостым джентльменам понадобилось столько времени, чтобы тебя заметить.

Элинор удивленно повернулась к двери. Граф никогда не вставал так рано, интересно, многое ли услышал он из их разговора?

— Бьянка произвела очень благоприятное впечатление на нескольких джентльменов, — сказала она.

— Вижу. Гостиная сейчас похожа на оранжерею. Прекрасно, девочка!

Он бесцеремонно взял у нее карточки. Хотя при чтении лицо графа оставалось бесстрастным, Элинор показалось, что он искал какое-то определенное имя.

Не выдавая своих истинных чувств, он уже повернулся к двери, когда в гостиную вошел слуга с огромным букетом из трех дюжин белых роз. Граф вытащил карточку и нахмурился.

— Как ни странно, этот букет для Элинор. — Он молча передал ей запечатанное послание и вышел.

— Боже мой, Элинор, открой скорее, — умоляла Бьянка, сгорая от любопытства.

Элинор дрожащими пальцами сломала печать и вслух прочла:

— «С благодарностью за безрассудно смелый день. Ваш самый горячий поклонник».

Она перевернула карточку, но подписи не было.

— Дай посмотреть. — Бьянка нетерпеливо схватила послание. — Текст, без сомнения, джентльмен писал сам. Почерк отчетливый и уверенный.

— Единственный, с кем я вчера провела значительную часть дня, был виконт Бентон...

— Ты думаешь, цветы прислал он?

— Не могу только представить, зачем он это сделал.

— Возможно, он тобой восхищается, — предположила Бьянка. — Хоть он и повеса, но совсем не дурак.

Сестра недоверчиво фыркнула:

— Больше похоже на шутку.

— Перестань, Элинор. Мне больно слышать, как ты себя недооцениваешь. Ты очень привлекательная и грациозная, преданная и остроумная. Джентльмен был бы счастлив завоевать твою любовь.

Элино́р смотре́ла на карточку. Почерк говорил о силе и решительности писавшего. Что вполне соответствовало характеру лорда Бентона. Тогда почему он не поставил свое имя? Она взглянула на сестру.

— Повторяю, это маловероятно, но все же должна спросить. Тебя расстроит, если цветы от виконта Бентона?

— Нисколько, — ответила Бьянка, взяв ее за руки. — Нет причин думать о нем плохо изза меня. Но как хорошая и верная сестра я считаю своим долгом предупредить тебя. Он проказник. И непостоянный в придачу.

Бьянка улыбнулась, и недавнее Элино́р беспокойство исчезло. Если виконт по какимто неизвестным соображениям проявляет к ней интерес, она вольна это выяснить. Если хочет. Но хочет ли? Элино́р не знала.

Едва цветы были расставлены, начали поступать приглашения. Слабый ручеек, который омрачал их первую неделю в Лондоне, превратился в приливную волну. Печать одобрения леди Доротеи открыла для них множество дверей, и Элино́р была очень признательна ей за поддержку.

Тут были обычные балы, званые вечера, приглашения в театр, на концерты, обеды и пикники.

— Боже, нам понадобится целая неделя только для того, чтобы распечатать все конверты, — с удовлетворением сказала Элино́р.

— Здесь не меньше трех приглашений на сегодняшний вечер, — ответила Бьянка. — Как нам решить, куда пойти?

— Нас уже пригласила в театр леди Доротея. Ее свекор любезно предложил свою ложу. Будет очень невежливо отказаться.

— Я думала, что театр завтра вечером. У меня все в голове перемешалось. — Бьянка понюхала красные розы, и по ее мечтательному выражению Элино́р поняла, где витают мысли сестры.

— Это премьера комедии «Сон в летнюю ночь». Общество будет в полном составе. Я уверена, мы встретим много знакомых.

— Тебе незачем уговаривать меня, Элино́р. Я сама этого жду.

— Как и я, — подтвердила Элино́р, глядя на вазу, в которой стояли белые розы. — Пьесы Шекспира очень увлекательные.

Элино́р только раз была в театре «Друри-Лейн» во время ее почти забытого лондонского сезона. Ее тогда включили в список приглашенных чуть ли не в последний момент, скорее для того, чтобы уравнять число мужчин и женщин. Начало было приятным, но минут через десять она заметила потрясающее сходство актера, играющего Гамлета, с ее бывшей любовью, Джоном Таннером.

Сразу нахлынули мучительные воспоминания о том, что она потеряла. Элино́р даже позволила себе уронить несколько слез, поскольку в трагедии Шекспира тоже было много горестных моментов. Но ее реакция не осталась незамеченной, и она попала в разряд несдержанных женщин, а это считалось в обществе неприемлемым.

Войдя сегодня вечером в театр, Элино́р приказала себе забыть тот досадный инцидент. Появление их большой шумной компании вызвало некоторую сенсацию, и пока они выбирали кресла в ложе герцога, Элино́р слышала растущий гул голосов.

Она выбрала место в глубине ложи, предоставив Бьянке сесть впереди, чтобы сестра

могла видеть зрительный зал и чтобы оттуда видели ее, особенно некий джентльмен в партере.

Герцог сидел между Эммой справа и Бьянкой слева, оставив пустое кресло рядом с каждой из них. Позади сели Этвуды и миссис Гвендолин с мужем. Элинор охотно заняла место в третьем ряду.

Тем не менее вид из ложи был превосходный, и она медленно обводила взглядом партер и ярусы. Элита общества присутствовала в полном составе, легко различимая по шелкам, атласам и сверкающим драгоценностям. Многих Элинор узнавала. Она скорее почувствовала, чем увидела, что кто-то сел рядом с ней.

— Простите за опоздание. На улицах невозможно проехать. Я пропустил что-нибудь интересное?

— Лорд Бентон! — воскликнула она.

— Что-то не так?

— Нет. Я просто удивлена. Не знала, что вы тоже будете в театре.

— Прошу прощения. Мне следовало послать вам записку, чтоб вы подготовились?

— Да, было бы с вашей стороны учтиво предупредить меня.

Он засмеялся. Несколько голов повернулись в их сторону. Элинор попыталась улыбнуться, чтобы скрыть румянец, но, видимо, сделала его только заметнее.

Подмигнув ей, виконт обратил свое внимание на сидящих в ложе: поздоровался с джентльменами, одарил каждую леди очаровательной улыбкой.

— Герцог сегодня в хорошем настроении. Сидит меж двух юных красавиц, будто шип среди роз.

— Думаю, правильнее сказать «как роза среди шипов», — поправила Элинор.

— Я знаю, но вряд ли это подходит его светлости. Он все-таки больше шип, чем роза.

Она искоса взглянула на него.

— Странно, что вы упомянули розы, милорд. Сегодня утром я получила великолепный букет роз.

— Ничего удивительного. — Виконт стал просматривать театральную программу.

— Цветы очень красивые, и я хотела бы поблагодарить того, кто их прислал. Но в сопроводительной карточке была только загадочная подпись «Ваш самый горячий поклонник».

Он поднял голову.

— Вы стараетесь возбудить мою ревность, леди Элинор? Обычная женская уловка, которая редко себя оправдывает. Какого цвета были розы?

— Белые.

— Если не ошибаюсь, белые розы часто ассоциируются со свадьбой.

— Простите меня за глупую ошибку, — сказала Элинор. — Конечно, цветы не могли прийти от вас.

Наклонившись, он тихо спросил:

— Вы уверены?

Ответом на ее суровый взгляд была его озорная улыбка. К счастью для нее, свет погас, занавес взвился и спектакль начался.

Элинор старательно глядела на сцену, но, увы, проникновенные слова Шекспира скользили по поверхности ее внимания. Она чувствовала странное беспокойство, даже смятение и вскоре поняла, что ее тревожит пристальный взгляд лорда Бентона. Разумеется,

он вел какуюто игру с ней. Игру, которая интриговала ее, расстраивала, возбуждала и в то же время заводила в тупик. Игру по непонятным ей правилам, что делало ее последствия еще более опасными.

Казалось, первый акт длится целую вечность. Наконец снова зажегся свет, зрители начали покидать свои места, и Элинор облегченно вздохнула.

— Вам нравится пьеса? — спросил виконт. — Помоему, Лисандр был превосходен, а вот актер, играющий Пака, слишком стар для этой роли.

— Все довольно необычно, — неопределенно ответила Элинор, понятия не имея о том, что происходило на сцене.

Она тут же отвернулась, чтобы поговорить с леди Доротеей и с благодарностью принять любезное предложение лорда Этвуда принести ей стакан лимонада. Потом с некоторым опозданием подумала, что лучше бы ей присоединиться к ним. Словно почувствовав ее желание бежать от него, лорд Бентон придвинул свое кресло.

— Теперь, когда горит свет, мы должны осмотреть зрителей и рассказать друг другу последние сплетни.

Элинор искоса взглянула на него.

— Почему всех так интересует, чем занимаются другие?

— Может, потому, что их собственная жизнь лишена интереса и значения? — печально вздохнул он. — Вас же это не оскорбит, не так ли?

— Я буду слушать, милорд. Но не повторю ни единого слова. Никому.

— Добродетельная сплетница. Видимо, ваше замечание должно поставить меня на место?

Она высокомерно подняла бровь, но виконт уже с улыбкой глядел в другую сторону и не заметил ее реакции.

— Жаль, что у вас нет пары театральных биноклей, чтобы заглянуть в ложи, — сказала Элинор. — Одному Богу известно, что вы можете там увидеть.

— Биноклями пользуются одни любители подглядывать в замочную скважину и вдовы с плохим зрением. — Он положил ее ладонь себе на рукав, что позволило ему наклониться ближе. — Это искусство, которому вы обязаны научиться, и научиться быстро. Теперь небрежно окиньте взглядом театр, словно когото ищете. Мельком все рассмотрите, не позволяя себе задержаться на комнибудь в отдельности.

— Так вот чем увлекаются знатные люди, — усмехнулась Элинор. — Неудивительно, что палата лордов напоминает ристалище. Все против всех.

— Знание избранных сплетен всегда дает преимущество. Так что если хотите выжить, то должны овладеть этим искусством. Теперь попробуйте.

Элинор понимала, что он шутит, но приняла вызов. Повернув голову, она быстро оглядела толпу.

— Ну как?

— Сносно. Для первого раза. — Он понизил голос до заговорщического шепота: — Вы заметили ту пару — ярусом ниже прямо под нами, слева?

— Какую пару, милорд? Дайте мне подсказку.

— Леди в желтом, надевшая самый отвратительный из головных уборов, когдалибо созданный человеком.

Элинор слегка повернула голову и с изумлением раскрыла глаза.

— Думаю, я нашла их.

— Они — сенсация этого вечера.

— Потому что леди абсолютно лишена чувства моды?

— Отсутствие у леди вкуса — непростительное прегрешение, но дело не в этом.

Мужчина справа — ее муж. А тот, кто слева — ее любовник.

Когда Элино́р подняла брови, лорд Бентон пожал плечами. Она рискнула взглянуть еще раз, поражаясь смелости женщины, появившейся в обществе с мужем и любовником. Муж вдруг поднял глаза и, поймав взгляд Элино́р, широко улыбнулся.

— О Боже. Я попалась.

— Но и одержали победу. Bravo, леди Элино́р.

Она вдруг развеселилась.

— Не могу поверить, что меня это забавляет.

— Такие забавы помогают одолеть скуку, — печально констатировал он. — Полагаю, я дал более чем обильную пищу для сплетен. И рассчитываю на коекакую милость.

— Ваш напиток, леди Элино́р.

Она с благодарностью приняла у маркиза стакан, вдруг осознав, что у нее пересохло горло. Миссис Баррингтон, потягивающая вино, повернулась, чтобы обменяться впечатлениями о пьесе и актерах. Мужчины спокойно обсуждали политические новости. Сплетнями никто не делился.

Весь следующий акт уже Элино́р не спускала глаз с лорда Бентона. Он смотрел на сцену, хотя она заметила, как его пальцы слегка барабанили по колену.

В последнем антракте виконт пригласил Эмму выйти на свежий воздух. Глядя им вслед, Элино́р старалась подавить разочарование. Было бы очень забавно идти сейчас по коридорам рука об руку с лордом Бентоном. Она тут же отругала себя за глупые мысли. Ее тяготение к виконту было, разумеется, неуместным и безрассудным. По всем слухам, в него безумно влюблены многие женщины. Моложе, красивее, интереснее, чем она. Виконту не требуется очередная победа.

Бьянка сумела преодолеть интерес к нему. Во время антрактов не иссякал поток молодых людей, посещавших их ложу, лорд Уэверли в том числе. Бьянка смеялась и флиртовала с ними при явном поощрении герцога.

Поскольку Элино́р практически не видела пьесу, занятая лордом Бентоном, последний акт не вызвал у нее интереса, и, когда зажегся свет, она облегченно вздохнула. Или это было разочарование? Может, она просто не любит театр?

Герцог заявил, что слишком устал, чтобы присоединиться к ним за поздним ужином, хотя остальные, казалось, жаждали продолжения вечера. На улице снова лил дождь, и возникла небольшая путаница, когда все начали торопливо рассаживаться по каретам.

Слуга помог Элино́р сесть в карету, запряженную четверкой лошадей. Дверца осталась открытой. Уверенная, что Бьянка следует за ней, она смотрела в окно, дожидаясь сестру. Но вошел джентльмен и сел напротив.

Лорд Бентон! На миг она потеряла дар речи.

— Я жду сестру, — наконец произнесла Элино́р, прерывая молчание.

— Я видел, как леди Бьянка села в карету Этвудов, которая перед нами. Думаю, там леди Доротея, Эмма и герцог.

— Разве это не карета маркиза?

— Нет, моя.

— О, простите. — Элино́р хотела подняться с бархатного сиденья, но виконт удержал

ее.

— Нет смысла уходить. Поездка совсем короткая, и мы все направляемся в одно и то же место.

Конечно, было бы полной глупостью уйти, раз он сказал, что ехать недалеко, а дождь полил еще сильнее. Но почему ей кажется, что неразумно оставаться с виконтом наедине?

— Спасибо. Я принимаю ваше любезное предложение, милорд, — немного боязливо ответила Элино́р.

Он кивнул.

— Правда, у меня есть маленькое условие. Я не могу ехать спиной к кучеру, потому что качка делает постыдные вещи с моим желудком. Вы не будете против, если мы поменяемся местами?

— Пожалуйста. Мы бы не хотели, чтобы вы опозорились, — улыбнулась она.

— Вы находите мою слабость забавной, леди Элино́р?

— Ничуть. Я только подумала, как вам должно быть весело при долгом путешествии.

Он поморщился.

— Карета необходима для определенных деловых поездок в Лондоне, обычно я езжу верхом.

— Тогда к чему вам такое роскошное средство передвижения?

— Оно часть наследства моей бабушки.

— Оо... Сочувствую вашей потере. Это было недавно?

— В прошлом месяце. Я очень по ней скучаю.

Боль в голосе виконта тронула Элино́р. Нелегко терять кого любишь. Ей хотелось утешить его, но, увы, слова здесь бесполезны. Когда она встала, позволяя виконту сесть на ее место, карета дернулась, и Элино́р инстинктивно уперлась руками в стенки, чтобы устоять на ногах.

Виконт тут же обхватил ее за талию.

— Вы в порядке?

— Я... да...

Их лица оказались так близко, что Элино́р видела его ресницы. Удивительно длинные, густые, обрамляющие необыкновенные глаза, взгляд которых проникал ей прямо в душу.

Она считала его красивым, сильным мужчиной, воплощением ее опасных грез. Но сейчас Элино́р волновало и притягивало нечто большее, чем физическая красота виконта. Тайное обещание, сонная чувственность его взгляда, намек на безнравственную, понимающую улыбку дали ей понять, что он готов исполнить ее сокровенные мечты.

На миг Элино́р ощутила восхитительную радость, словно все окружающее исчезло, остались на всем свете только они двое. Но это был лишь миг, она тут же пришла в себя, вернувшись к осознанию того, кто она, кто он, и к совершенной нелепости положения.

Виконт — распутник, который делает то, что делают в подобной ситуации мужчины, даже с некрасивой женщиной вроде нее. Резко оттолкнув его, она упала на сиденье.

— Так лучше, милорд?

— Лучше, чем что? — нахмурился он.

— Лучше, чем освободить желудок в карете. Скорее всего на меня.

Элино́р весело улыбнулась, понимая, что выглядит полной дурочкой. Ну и пусть. Даже неловкий разговор был намного предпочтительнее случившегося. Виконт пристально смотрел на нее. Уличные фонари освещали только одну сторону его лица, придавая ему

почти потусторонний вид. Она вздрогнула, не зная почему.

Короткое расстояние до места званого ужина они проехали в молчании. Это дало ей возможность успокоиться и отбросить одолевавшие ее глупые мысли. Лорд Бентон — всего лишь искусный соблазнитель, его чувственные взгляды не имеют никакого значения. По крайней мере для нее.

Вспомнив, как она постоянно советовала Бьянке не терять изза виконта голову, Элинон криво улыбнулась. Сейчас ей тоже не мешало бы принять во внимание этот мудрый совет.

Два дня спустя Элинор стояла у края танцевального зала, оглядывая гостей. Дом Хартгроува был так переполнен, что она с трудом могла определить, кто здесь присутствует. Она заметила весело улыбающуюся Бьянку в обществе сэра Реджинальда Блэка, приятного, на вид доброго молодого человека.

Весь вечер он уделял ее сестре повышенное внимание, к ужасу лорда Уэверли, который ждал поблизости. Элинор напомнила себе, что должна навести справки о нем, а теперь еще и о сэре Реджинальде. Она не может терять бдительность, пока сестра не выйдет замуж за достойного человека.

Но в данный момент она искала взглядом лорда Бентона. После возвращения из театра в его карете Элинор постоянно думала о нем. Вчера, к ее разочарованию, он не появился для игры в карты, а сегодня она еще больше огорчилась, не увидев его на верховой прогулке в Гайдпарке.

Никаких букетов уже не доставляли, следовательно, ее предположение, что белые розы прислал виконт, было ошибочным. Но если не он, тогда кто?

Сегодня Элинор уделила особое внимание своей внешности, дерзнув надеть платье из золотого шелка, которое открывало значительную часть ее груди. Волосы были модно зачесаны наверх, из украшений она выбрала жемчужные серьги и ожерелье, принадлежавшие ее матери.

Втайне Элинор надеялась потанцевать сегодня с виконтом, может, если повезет, даже вальс. Но ее приготовления и ожидание, видимо, напрасны. Осмотрев бальный зал, комнату для игры в карты, буфет и террасу, она пришла к неутешительному выводу. Лорда Бентона нигде не было.

Убедившись, что сестра увлечена танцами, Элинор покинула бальный зал и бесцельно направилась по коридору, свернула, прошла до конца по следующему, опять кудато повернула и вдруг осознала, что уже почти не слышит музыки. Значит, пора возвращаться. Но ее остановил какойто звук, донесшийся из ближайшей комнаты. Дверь была приоткрыта, она с любопытством заглянула внутрь.

Элинор увидела дубовые книжные полки от пола до потолка, забитые томами в кожаных переплетах. Восхищенная такой обширной библиотекой, она вошла, чтобы с ней ознакомиться, и заметила фигуру джентльмена, стоявшего у окна.

— Леди Элинор, это вы?

— О! Добрый вечер, милорд.

— Кажется, вы удивлены, застав меня здесь. Уверяю вас, я в этом доме на законном основании. Приглашен на бал.

Конечно, она удивлена. После стольких поисков! Но в этом она не может ему признаться.

— Рада, что вы освободили меня от необходимости сообщать хозяевам о незваном госте. Тем не менее я действительно удивлена, что вы здесь. Это ведь библиотека. Разве вы не заметили?

Он поднял бровь.

— Вы подразумеваете, что я невежда?

— Нет, хотя едва ли отнесу вас к книголюбам. Честно говоря, мне трудно представить,

какую литературу вы предпочитаете.

— Естественно, безнравственные, скандальные книги с преобладанием неприличных слов, — легкомысленно сообщил виконт. — Хотя меня больше привлекают рисунки.

— Рисунки? — спросила она, проходя в комнату. — Наподобие тех, какие используются в детских сказках?

Лениво прислонившись к стене, он скрестил руки на груди.

— В иллюстрациях, которые предпочитаю я, ничего детского нет.

Элинор нахмурилась, размышляя, что может быть непристойного в иллюстрациях.

— Никогда таких книг не видела.

— Я не удивлен.

Чтобы не продолжать рискованную тему, она сосредоточилась на полках.

— Весьма разнородное собрание. Тут книги по сельскому хозяйству, классика на разных языках, современные популярные романы. Очень впечатляюще.

Он медленно подошел к ней и, подняв голову, изучил полки.

— Французский, латынь, греческий. Вы хотите сказать, что знаете все три языка?

— Да, и немного итальянский. Полагаю, вы считаете меня синим чулком, — ответила Элинор.

— Терпеть не могу этот ярлык. Он унизителен. Я всегда считал умных женщин наиболее интересными. И занимательными.

— Но светское общество полагает, что женщины должны скрывать свои умственные способности.

— К черту общество. Точка зрения умной женщины всегда ценна. Не всегда с ней можно согласиться, тем не менее она полезна. И лишь тупой, неуверенный в себе человек отказывается признавать это.

— Приятно слышать, что мне не требуется скрывать от вас свое мнение.

— А я и понятия не имел, что вы, оказывается, держите язык за зубами, — усмехнулся он. — Я трепещу при мысли, что вы скажете мне теперь, когда мы установили такое искреннее общение.

Элинор покраснела. Иногда она была с ним безжалостно откровенной, если это касалось ее сестры.

— Я постараюсь быть осторожной, милорд.

— Себастьян. Мне бы очень хотелось, чтобы вы называли меня по имени. А я буду называть вас Элинор.

Он стоял неприлично близко, она даже чувствовала слабый запах его приятного одеколona.

— В вас есть что-то необыкновенное, Элинор. Время от времени я ловлю себя на том, что думаю о вас. Почему, как вы полагаете?

Ее согрела мысль, что виконт, оказывается, тоже думал о ней. Согрела, хотя и не убедила. Красивые распутники не выбирают себе некрасивых старых дев вроде нее. И все же он сейчас дышал так же прерывисто, как и она.

Наклонившись, Себастьян обнял ее за талию. По его взгляду Элинор поняла, что он собирается поцеловать ее.

Она уже не юная, неопытная девушка и много раз страстно целовалась с Джоном Таннером. Но сейчас... В объятиях Себастьяна она чувствовала себя дерзкой, почти безнравственной.

И ей это нравилось.

— Теперь я хочу вас поцеловать, Элино́р, — с улыбкой сообщил он.

Несмотря на любопытство, она чуть не отпрянула. Библиотека довольно уединенное место, но все же не настолько, чтобы сюда не забрел кто-нибудь еще, как это сделала она сама. Ее могли застать в компрометирующем положении, а последствия граничили со скандалом и, что намного важнее, стали бы дурным примером для Бьянки.

Но Себастьян действительно собирался поцеловать ее, и она дала себе разрешение насладиться тем, чего не испытывала много лет. Она не сомневалась, что поцелуй будет таким же страстным и требовательным, как его взгляд.

Нет, с самого начала прикосновение его губ было приятным, нежным, обещавшим нечто большее, чем страсть. Он, едва касаясь, обвел языком ее губы, затем скользнул в рот. Потрясенная, она перестала дышать. Хотя они были в комнате, над головой у нее кружились звезды, пока она лънула к его теплоте, впитывая каждое ощущение, каждую ласку.

Его губы скользнули по щеке к горлу, от легких, будто шепот, поцелуев, все мысли растворились, как струйка дыма. Рука легла ей на бедро, и она выгнулась навстречу, давая волю своему желанию, и почувствовала твердую часть его тела, упирающуюся ей в живот.

Это изза нее? Она способна возбудить страстную реакцию в таком искушенном соблазнителе?

Наконец Элино́р заставила себя оторваться от него, подняла голову и встретила его взгляд, говоривший о желании. Оба молчали. Она вдруг почувствовала, что краснеет. Не изза поцелуя, который был восхитительным. Изза неспособности к дальнейшему разговору.

— Мы вели себя неприлично, — прошептала она.

— Это был только поцелуй, Элино́р. И я полагаю, он у вас не первый.

— Да, не первый, но будет и последним, если вы не заявите о честности своих намерений.

Себастьян прижал ее руку к своей груди.

— А почему вы думаете, что они нечестные?

— Мне известно ваше мнение о браке.

— Это не значит, что я вообще не женюсь.

— Кажется, вы собираетесь взять себе жену в сорок лет. Если, конечно, вы уже не скрываете ее в своем загородном поместье.

Он засмеялся. Ей нравилось, как у него собирались морщинки в уголках глаз, каким мальчишеским и беззаботным становилось его лицо.

— Уверяю вас, жены там нет. По крайней мере пока. Хотя это может произойти и до сорока лет, если я найду подходящую женщину.

Элино́р подавила восторг. Он вовсе и не думал о том, на что намекал.

— Ха! Клянусь, букмекерская книга Уайта заполнена ставками на продолжительность вашей холостой жизни.

— Конечно. Признаюсь, я тоже сделал несколько ставок, — насмешливо сообщил он. — Да, пока я не нашел убедительной причины для женитьбы, но это не значит, что такого никогда не произойдет.

— Ради вашего титула и собственности?

— Я не считаю эти причины убедительными. Право, Элино́р, разве для женитьбы не требуется нечто большее?

— Может, еще поцелуй, — беззаботно усмехнулась она.

— Поцелуй — только начало.

— Вы пытаетесь меня соблазнить?

— А вы хотите именно этого?

Тон легкомысленный и дразнящий, но Элино́р ясно уловила в нем нотку решимости. Почему он заинтересован в ней? Она для него просто вызов? Или тут подразумевалось еще что-то? Не важно, ей следует освободиться из его объятий и вернуться на бал, причем как можно скорее, пока ее репутация не погублена окончательно.

— Уверю вас, познание когото в библейском смысле — это явление исключительное, а реальная связь мужчины и женщины включает в себе намного больше.

— Распутник, который ценит женщин за нечто большее, чем ее тело? Вы или подделка, или очень хороший лгун, — заявила Элино́р.

— Или чувственный, опытный любовник, который хочет получить от женщины не просто физическое удовольствие. Вы достаточно самоуверенны, чтобы угадать правду?

— А мне и не требуется угадывать, Себастьян. Ваше поведение характеризует вас как человека, прекрасно знающего игру флирта и соблазнение, но, я подозреваю, вы отказываетесь полностью отдаться ей. Вы отказываетесь рисковать своим сердцем. Все время останавливаетесь на полпути.

— Да, я не знаю любви. Настоящей любви между мужчиной и женщиной. Хотя это не означает, что я не способен учиться.

— Вы тайный романтик.

— Этот факт я буду отрицать до конца.

Его ирония не обманула Элино́р. У нее было ощущение, словно она заглянула ему в душу и на миг увидела тоску, которую он тщательно скрывал. Потом она вдруг поняла.

Виконт был одинок.

Соблазнение дочери графа шло не совсем так, как планировал Себастьян. Романтический свет, мерцающий в камине, позолотил ее фигуру с головы до ног. Хотя он знал, что иллюзию создают блестящие шелковые нити ее золотого платья, он считал это чарующим.

А так не должно быть. Его цель — расчетливое соблазнение, здесь нет места романтическим эмоциям. Чтобы соблазнить женщину с умом Элино́р, требуется большое искусство, одних незатейливых комплиментов и лести тут недостаточно. Он должен завладеть ее мыслями так же, как и ее телом.

Она слишком долго жила в тени сестриной красоты, поэтому не знала собственной ценности и не понимала, что может без труда соблазнить мужчину. В этом и заключается весь парадокс. Бьянка, может, и бриллиант чистой воды, но сексуального влечения он к ней не испытывал. А Элино́р своими возбуждающими поцелуями разожгла в нем такую страсть, что потом, когда все закончилось, он почувствовал себя обездоленным.

Себастьян был опытным любовником и знал, что это вызвано не только отсутствием сексуального облегчения. Их поцелуй сделали его неуправляемым, дрейфующим, как тот парусник, который он спас для мальчика. Поток страсти сбил его с намеченного курса, повел совершенно в ином направлении.

Даже когда Элино́р предпочитала спорить с ним, он считал ее общество возбуждающим и был потрясен, осознав, насколько очарован ею. Ее умными размышлениями, сообразительностью, искренним желанием понять его.

Она — дочь врага, который виновен в смерти его матери, жестко напомнил он себе. Как бы ему это ни претило, он должен воспользоваться ее уязвимостью. Теперь не время для угрызений совести. Пора браться за дело всерьез.

— Вы должны вернуться в бальный зал, пока не заметили ваше отсутствие, — произнес Себастьян с обманчивой небрежностью. — Мы сможем продолжить эту дискуссию завтра. Вы едете на бал к Тонтонам?

— Да.

— Прекрасно. Их библиотека даже более впечатляюща, чем эта, и расположена в другом крыле дома. Встретимся там в одиннадцать часов. Постарайтесь уйти незаметно, с запасом времени, чтобы найти ее. Особняк большой. Если заблудитесь, попросите слугу помочь вам.

Элинор вновь выглядела настороженной, хотя в глазах уже не было ее обычной благоразумной решимости. Вместо этого она тщательно обдумывала его слова.

Пожалуй, следует добавить еще штрих соблазна, подумал Себастьян и поцеловал ее. Было трудно оторваться. Даже мучительно. Целуя Элинор, невозможно было не захотеть большего, не взять больше. Но здесь не место и не время.

— До завтра, Элинор. Одиннадцать часов, в библиотеке. Я буду вас ждать.

Не давая ей времени ответить, Себастьян нежно развернул ее, подтолкнул к выходу и быстро захлопнул дверь, чтобы не поддаваться искушению вернуть свою добычу.

«Я не пойду. Конечно, не пойду. Это неуместно. Позорно. Чрезвычайно глупо».

Эти мысли преследовали ее весь день, становясь все настойчивее, пока она готовилась к балу у Тонтонов.

— Ты изменила вырез, — заметила Бьянка, когда Элинор спустилась по лестнице. — Выглядит довольно смело.

— Думаешь, это слишком вызывающе? — Элинор с беспокойством посмотрелась в зеркало.

Плотно облегающий лиф с более глубоким вырезом, чем у других ее платьев, значительно открывал верхнюю часть груди. Искушенность туалета придавала ей уверенности, повышая самооценку.

— Женщины определенного возраста могут надевать все, что им заблагорассудится, на это никто и внимания не обратит, — нетерпеливо сказал граф. — Самое главное, что Бьянка выглядит красивой и невинной.

— Папа, Элинор тоже выглядит очень привлекательно, — ответила Бьянка, но граф уже вышел.

К несчастью, отец вдруг решил сопровождать их на бал, что испортило Элинор настроение. Правда, она быстро забыта о нем, как только они приехали к Тонтонам.

Ее беспокойный взгляд искал в толпе Себастьяна, пока она дружески болтала с хозяевами, стараясь не потерять нить разговора. Она весь день скучала по нему, особенно во время дневных визитов, когда Бьянку окружала привычная толпа поклонников. Изучая джентльменов, она вдруг подумала, что Себастьян знал большинство из них, и его мнение оказалось бы неоценимым, если бы он был рядом.

Посещение леди, которой джентльмен восхищался, было общепринятым способом ухаживания, и отсутствие виконта иногда вызывало у Элинор беспокойство. Но Себастьян не похож на других джентльменов, поэтому вряд ли стоило удивляться, что он отказывался

вести себя подобным образом.

— Возможно, по какому-либо счастливому обстоятельству вы не заняты в этом танце, леди Элино́р?

Повернувшись, она увидела Питера Доусона.

— Благодарю за любезное приглашение.

Она взяла предложенную им руку, и он повел ее к строящимся рядам. Мистер Доусон оказался великолепным партнером, с ним было приятно и легко танцевать. Элино́р болтала и смеялась, хотя получила бы еще большее удовольствие, если бы не ее озабоченность. Зная, что мистер Доусон — лучший друг виконта, она уже вознамерилась было спросить его о Себастьяне, но все-таки сдержалась.

Когда танец закончился, мистер Доусон проводил ее на место и остался, чтобы продолжить обычную светскую беседу. Но тут, ко всеобщему восторгу, оркестр заиграл первый вальс. Обернувшись в сторону танцевального зала, Элино́р вдруг увидела Себастьяна. Он стоял у французских дверей и разговаривал с лордом Этвудом. Потом он тоже заметил ее и приветствовал такой широкой улыбкой, что у нее подкосились ноги. По крайней мере это удержало Элино́р от желания броситься к нему через весь зал.

— Пунш?

— Что? — Она повернулась к мистеру Доусону.

— Вы очень покраснелись, леди Элино́р. Я подумал, не захотите ли вы стакан пунша, чтобы немного остыть.

— Да, благодарю вас. Это будет восхитительно.

— Добрый вечер, леди Элино́р.

Она чуть не подпрыгнула от неожиданности. Как он мог незаметно для нее пройти такое расстояние?

— Милорд. — Она сделала реверанс.

— Себастьян, — с бесстыдной улыбкой напомнил он.

— Только когда мы наедине, — прошипела Элино́р.

— Позвольте мне сказать, что сегодня вы особенно привлекательны. Синий — это ваш цвет, мэм.

— Благодарю. — Она слегка покраснела, заметив, что он смотрит на ложбинку ее груди.

— Бентон, рад тебя видеть.

Передав Элино́р стакан пунша, мистер Доусон пожал ему руку, и, к ее разочарованию, оба устроились для непринужденной болтовни.

— Леди Элино́р, вы читали какие-нибудь хорошие книги за последние время? — невинно поинтересовался Себастьян. — Я был недавно в библиотеке, и несколько томов привлекли мое внимание.

Она бросила на него предупреждающий взгляд.

— Да, только что я закончила «Айвенго» сэра Вальтера Скотта. Очень увлекательно, хотя одним из моих любимых исторических произведений является «Смерть Артура».

— Сэра Томаса Мэлори? — уточнил Себастьян.

— Вы это знаете?

— Очень хорошо. Вопреки общему заблуждению я не посвящаю все свободные часы пьянству, игре в карты и охоте за женщинами.

— Для меня это новость, — усмехнулся мистер Доусон. — О, ты забыл еще плавание

голым в фонтанах.

Себастьян испепелил друга взглядом. Но оставил его выходку без внимания.

— Конечно, легенды о взлете и падении сильного королевства весьма увлекательны. Но я не могу принять роман, который заканчивается смертью короля, женским монастырем для королевы и монашеством для героя-рыцаря.

— А я, признаться, люблю насилие и кровопролитие, — застенчиво заметил Доусон. — Это волнует, будоражит воображение.

— Да, в книге видишь больше, чем приключение. Артур и его рыцари все время пытаются жить по своим рыцарским законам чести, — сказала Элинон. — Хотя обычно терпят неудачу.

— Смею предположить, что сэра Ланселот Озерный ваш любимый герой, миледи, — улыбнулся Себастьян.

— Он самый уважаемый рыцарь Артура. Он помогает в несчастье дамам и проявляет милость к побежденным в битве.

— Но рыцарем без страха и упрека Ланселота не назовешь. Его верность Джиневре переходит от вежливой любви к прелюбодеянию, что становится причиной его гибели и смерти Артура.

— Джиневра — презренная женщина. Даже непонятно, за что Ланселот мог полюбить ее. — Элинон покачала головой. — Он хотел того, чего не мог иметь, что было вне пределов его досягаемости. Это ли не романтическая натура?

— Думаю, вы верно истолковали образ этого рыцаря. Ты не согласен, Доусон?

— Согласен. А теперь мне пора. Я обещал этот танец мисс Гамильтон и должен ее найти. Прошу меня извинить. Леди Элинон. Бентон.

— К сожалению, у меня тоже есть партнерша, — заявил после ухода друга Себастьян.

Кто? Элинон чуть не спросила его, но вовремя прикусила язык.

— Не смею вас задерживать, милорд.

Он тихо засмеялся, глаза азартно блеснули.

— Себастьян. Одиннадцать часов. Не заставляйте меня ждать слишком долго. Я не слишком терпеливый человек, Элинон.

Он тоже ушел, и она почувствовала укол ревности. Себастьян не пригласил ее на танец. Но затем она увидела, как виконт сопровождает женщину вдвое старше, чем он, и вздохнула с облегчением.

Элинон прогуливалась по краю бального зала, стараясь не глядеть на Себастьяна, а также избегая графа, который вместо игры в карты танцевал с молодыми женщинами.

Стрелки часов словно остановились. Элинон приглядывала за Бьянкой, беседовала с другими гостями, съела несколько закусок, выпила лимонаду, все время говоря себе, что не может оказаться настолько бесстыдной, чтобы пойти на тайную встречу.

Но за десять минут до назначенного срока Элинон уже бродила по лабиринту коридоров, следуя направлениям, ведущим в библиотеку, которые указал ей молодой слуга.

С Джоном Таннером они тоже встречались тайком, но того требовали обстоятельства, и тогда она имела дело с влюбленным юношей. А сегодня ей предстоит встреча с опытным распутником, мастером соблазнения. Один этот факт должен был удержать ее от свидания.

Элинон целую минуту стояла перед дверью. Не хватало еще, чтобы виконт увидел ее такой нетерпеливой, она должна сохранить хотя бы долю самоуважения.

Она заправила выбившийся локон, нервно засмеявшись над своим нелепым сомнением.

Потом сделала глубокий вдох и медленно открыла дверь библиотеки.

Комната была пуста.

Оглядев ее, Элино́р убедилась, что Себастьян не преувеличивал. Такой огромной библиотеки она еще не видела. Ей пришлось откинуть голову, чтобы разглядеть верхние полки. В одном углу комнаты была винтовая лестница из мягкой стали, которая поднималась на семь футов и вела к узкой дорожке из такого же материала. Элино́р поняла, что это единственный способ достать книги с верхних полок.

В других обстоятельствах столь изобретательное решение восхитило бы ее, но, пройдя в комнату и убедившись, что она здесь одна, Элино́р испугалась. Почему он не пришел? Дразнит ее? Смеется над ней?

Чувствуя головокружение, Элино́р с дрожью опустилась в кресло. Что она здесь делает? Внезапно дверь открылась.

— Проклятие! Я опоздал. — Себастьян бросился к ней. — Простите меня. В конце нашего танца леди Агата слегка запыхалась. Нужно было найти стул, чтобы она могла отдохнуть, а потом еще когонибудь, чтоб присмотрели за нею.

— Будьте осторожнее, когда выбираете себе партнерш, — ответила Элино́р, радуясь, что ее голос намного спокойнее, чем она могла предположить.

— Конечно, разумнее ограничивать свой выбор женщинами моложе шестидесяти лет, но ведь они так любят внимание. Боюсь, я бы многих обидел, если бы вдруг перестал их приглашать. — Он с улыбкой протянул ей руку.

После некоторого колебания она приняла ее и в следующий момент оказалась в его крепких объятиях.

— Наконецто, — произнес он.

— Вам нравится бал, Себастьян? — затаив дыхание спросила она.

— Теперь да.

Он завладел ее ртом, и все мысли вылетели у нее из головы. Сегодня она пришла сюда ради этих поцелуев. Ради шанса облегчить свое одиночество. Чтобы отдаться своим страстям, дать волю тайным желаниям. Ее растущее уважение к нему было столь же неожиданным, как и растущее влечение. Или она слишком долго отказывалась от плотской мужской любви?

Элино́р закрыла глаза и подавила стон. У нее возникло порочное желание вмешаться в происходящее, подтолкнуть его к большему. Прервав поцелуй, Себастьян прижался лбом к ее лбу, затем слегка лизнул мочку ее уха, и она вздрогнула от удовольствия.

— О, с вами я чувствую себя такой... ожившей, — прошептала Элино́р, снова найдя его губы.

Себастьян целовал ее с неутомимой страстью и желанием. Она непроизвольно двигала бедрами, даже сквозь барьер их одежды чувствуя его возбуждение.

— Поцелуи никогда не доставляли мне большого удовольствия, — пробормотал он. — До сих пор.

Его губы проложили теплую влажную дорожку от ее горла до плеч. Язык ласкал обнаженное тело, а пальцы старались проникнуть в лиф. Грудь у нее так вздымалась и опускалась, что Элино́р подумала, как бы она не выскочила наружу. Хотя платье оставалось нетронутым, его рука сумела обхватить ее грудь, большой палец коснулся дрожащего соска.

Затем он нежно покатал его двумя пальцами. Элинор застонала.

— Это приятно, дорогая? Вы хотите большего?

— Да, — прошептала она, не веря, что в ней жила такая распутная несдержанность.

Он спустил с нее лиф, и прохладный воздух обласкал ей грудь. Это было неприлично. Безрассудно. Чудесно.

Себастьян целовал ее соски, и она прижималась к нему, ища облегчения, того, что мог дать ей только он, чего она так страстно хотела, к чему стремилась.

— Вы такая чувственная, — почти с благоговением прошептал он. — Такая восхитительная.

— Себастьян, пожалуйста!

Он провел языком по затвердевшему соску, и она вскрикнула от удовольствия, выгнувшись ему навстречу. Эти сводящие с ума ощущения настолько поглотили ее, что Элинор лишь смутно осознавала происходящее.

Его рука уже была под юбкой и скользила по внутренней стороне бедра к мягким завиткам, где пальцы комфортно устроились, начав легкое трение. Прерывисто дыша, она подняла бедра к его руке, чтобы ослабить мучительное напряжение.

— Себастьян, я хочу, больше не вынесу.

— Знаю. Дайте себе волю, Элинор.

Пока он ласкал ртом ее грудь, пальцы гладили самое чувствительное место, которое становилось все более влажным и скользким. С точностью определив ее готовность, он ввел два пальца внутрь. Она чуть не задохнулась. Не было слов, чтобы описать это ощущение. Ее тело судорожно двигалось в такт с его пальцами. Себастьян жадно целовал ее, и она полностью отдалась бездумному наслаждению, желая, чтоб оно длилось вечно.

Но страсть требовала удовлетворения. Несколько более искусных движений его пальцев заставили Элинор содрогнуться, и она услышала пронзительный крик. Свой? Его?

Ноги не держали Элинор, и она доверилась заботливым рукам Себастьяна. Тяжело дыша, он уложил ее на ближайшую парчовую кушетку и лег рядом, чтобы не придавить. Он чувствовал последние судороги ее экстаза и с немалой гордостью сознавал, что доставил ей такое удовольствие, что она полностью удовлетворена.

Сегодня он не собирался заходить в соблазнении Элинор так далеко. Он просто хотел возбудить ее любопытство и глубже завлечь в чувственные сети. Но его желание вышло изпод контроля. Он не знал, была ли она девственницей. Элинор упоминала, что в юности встретила «неподходящего» человека, хотя чувствовалось что ее опыт в любовных делах явно ограничен.

Не важно, девственница она или нет. Он не знал, почему считает ее такой неотразимой. Правда, он уже несколько месяцев не имел плотских отношений, но у него случались и более долгие периоды воздержания. Элинор не похожа на женщин, с которыми он всегда общался... возможно, это отличие и придавало ей привлекательности?

Какойто звук с противоположной стороны комнаты заставил его повернуться к двери.

— Проклятие! — выругался Себастьян, вскочив на ноги.

Затем мгновенно развернулся и толкнул Элинор себе за спину, чтобы закрыть ее от любопытных глаз.

— Это вы, Бентон? Что вы тут прячете, хитрец? Без сомнения, лакомый кусочек?

Себастьян пришел в ярость. Червь вроде Артура Петерсона смеет называть такую женщину, как Элинор, лакомым кусочком? Сжав кулак, он уже представил, как направит его

в смеющееся лицо незваного гостя.

— Вы непростительно грубы, Петерсон, — угрожающе произнес он. — Я требую, чтобы вы немедленно вышли.

— Не сказав вашей компаньонке «добрый вечер»? Это действительно будет грубостью.

— Предупреждаю: если вы сделаете вперед хоть шаг, мне придется схватить вас за горло и душить, пока вы не посинеете.

Сзади тихо пискнула Элино́р. Он протянул назад руку, чтобы заглушить ее. Она крепко сжала его руку и успокоилась.

Веселость Петерсона сменилась настороженностью.

— К чему так злиться, Бентон? Я только пошутил.

— Шутки кончились. А теперь вон! — прорычал Себастьян.

Нервно облизывая губы, Петерсон начал медленно пятиться к двери, не сводя с него глаз.

— Да, и вот еще что. Если я услышу о себе грязные сплетни, я буду знать источник, Петерсон. И буду очень недоволен. Полагаю, я выразился ясно?

На лице Петерсона мелькнула тень досады, но потом он кивнул и покинул комнату.

— Думаете, он меня видел? — тихо спросила Элино́р.

Себастьян пожал плечами. Тело у него было напряжено от возбуждения, кровь бурлила от гнева. Петерсон выбрал самое неподходящее время, хотя и предоставил ему идеальную возможность опозорить Элино́р. Граф оскорблен, требует жениться на его старшей дочери, чтобы спасти ее честь, Себастьян отказывается, неизбежный выход — дуэль.

Таков был его план. Черт, он же от него не отказывался. Тогда почему он бросился ее защищать? Потому что их обнаружил Артур Петерсон? Человек с дурной репутацией, стоящий на краю общества, живущий на клевете и сплетнях. Или это нечто другое?

Себастьян повернулся к Элино́р. Она уже натянула лиф и старалась оправить платье. Их глаза встретились. Ее глаза блестели, но он почемуто знал, что не последует ни слез, ни истерик. Элино́р обладала достоинством и сильным характером. Она не задрожит и не зальется слезами.

— Это пари?

— Что?

— Я спросила, вы заключили пари? Мне известно, что такого рода игры приняты у джентльменов. Полагаю, для забавы, хотя не вижу в этом ничего смешного.

От неожиданного обвинения у Себастьяна отпала челюсть.

— Вы не слишком высоко цените мужчин, не так ли?

Элино́р вздохнула:

— У меня реалистичный взгляд на мужчин, которые имеют столько же недостатков, как и женщины. Каждый может быть жесток посвоему. Пари в мужских делах печально известны. Они унизительны для жертв, чьи имена становятся предметом толков и пересудов в обществе.

Она сделала ударение на слове «мужчины». И Себастьян ошеломленно признал, что она права. В своей тесной компании мужчины порой действительно валяют дурака, и он в их числе.

— Не было никакого пари, Элино́р. Меня расстраивает даже ваше предположение о его возможности.

Она снова вздохнула.

— Пари было таким же хорошим объяснением, как и любое другое, когда стараешься понять ваш интерес ко мне.

— Случилось так, что вы мне понравились. Очень. — Себастьян почувствовал себя виноватым, хотя не лгал. И всетаки она должна оставаться только средством для его мести. — Разве невозможно поверить, что я считаю вас привлекательной?

— Почему меня?

— А почему нет?

— Я хочу знать, Себастьян. Должна знать.

— Вы колючая и требовательная, умная и преданная, а ваши поцелуи делают из меня похотливого юнца с его первой любовью. Удовлетворены?

Она улыбнулась и кивнула. Себастьян медленно выдохнул, осознав, что до этого задерживал дыхание.

— Вы мне тоже нравитесь. Я считаю ваши соблазнительные чары совершенно неотразимыми.

— О да, соблазнительные чары — отличие любого опытного распутника, заслужившего признание.

— Вы заслуживаете намного большего, сэр, — засмеялась она, потом вдруг посерьезнела. — Я должна вернуться в бальный зал. Ваша угроза произвела впечатление, но, боюсь, мистер Петерсон органически не способен держать язык за зубами. А то, что он здесь увидел, слишком пикантная новость, чтобы хранить молчание. Он непременно расскажет кое-что коекому еще до конца вечера.

Себастьян поморщился.

— Но пока вы не можете уйти отсюда. И нас, естественно, не должны увидеть вместе. А глазкибусинки Петерсона жадно ищут любую женщину, которая входит в бальный зал без сопровождения. Он решит, что одна из них была со мной.

— Боже, я не учла этого. И что мне делать?

— С вашего позволения, сначала я помогу вам одеться.

Кивнув, Элинор тихо сидела, пока он приводил в порядок ее одежду и застегивал пуговицы на спине.

— Благодарю вас.

Себастьян глядел на потемневшие окна, прикидывая, нельзя ли воспользоваться одним из них и войти в дом через сад с другой стороны. Там слишком много дверей, ведущих в бальный зал, чтобы Петерсон уследил за всеми.

— Вы можете вылезти из окна? — спросил он.

— Сейчас? — Элинор взглянула на окна. — Там очень темно и высоко для прыжка. Ведь мы на втором этаже?

— Да, план глупый. Мы подождем еще несколько минут, затем я оставлю вас, найду кого-нибудь в помощь и сразу пришлю сюда. Они смогут проводить вас в зал.

— Кого-нибудь?

— Того, кому я доверяю. Если вы появитесь в зале с другим мужчиной, у Петерсона не будет оснований подозревать вас.

Элинор кивнула.

— План вполне логичный. Я хочу избежать скандала. Он разозлит графа и плохо отразится на Бьянке, навредив ее шансам сделать хорошую партию.

Себастьян достал из кармана серебряный портсигар. Удивительно. Хотя угроза

скандала расстраивала Элино́р, она в первую очередь заботилась о сестре.

— Можно? — спросил он, держа тонкую сигару.

— Если дадите мне попробовать. — Он поднял бровь, и она улыбнулась. — Я всегда этого хотела.

Себастьян передал ей раскуренную сигару, и после внимательного изучения она взяла ее в рот. Более сладострастного зрелища, чем губы Элино́р, обхватившие сигару, он еще не видел. Он даже задохнулся, представив, как она берет его в свой восхитительный рот.

— Теперь втяните.

Она закашлялась, выпуская клубы дыма.

— Это ужасно. Вкус как у пепла.

Забрав у нее сигару, он протянул ей носовой платок, чтобы она вытерла слезы.

— Полагаю, нужно время. Когда привыкнете, будете получать от этого удовольствие.

— Теперь ясно, почему леди отказываются от курения, — произнесла она после нового приступа кашля.

От второй попытки Элино́р отказалась, и, сделав еще несколько затяжек, Себастьян бросил окурок в камин.

— Вы подождете здесь, как я просил?

Она слегка кивнула.

После его ухода в библиотеке воцарилась жуткая тишина. Элино́р беспокойно ходила взад-вперед, борясь с желанием уйти отсюда. Вдруг мистер Петерсон уже начал болтать о том, что видел? Это наверняка привлечет в библиотеку любопытных, и тогда все узнают, кого сжимал в объятиях виконт. Как она сможет объяснить свое поведение? Сестре? Отцу?

Элино́р боялась даже представить, что скажет и сделает граф, если она будет замешана в скандале. А в его ярости и жестокости по отношению к ней она не сомневалась.

Нужно уйти отсюда! Немедленно! Элино́р бросилась к двери, уже открыла ее... и вспомнила обещание, данное Себастьяну. Она слышала, что виконт попадал в затруднительное положение со многими женщинами, но до скандала дело не доходило, все женщины избежали позора. Какимто образом Себастьян ухитрился их защитить.

Элино́р медленно закрыла дверь. Она должна верить, что Себастьян защитит ее тоже. Обходя библиотеку, она увидела маленький буфет, а на нем графин с янтарной жидкостью и бокалы. Она вынула хрустальную пробку, понюхала содержимое. Бренди.

Хотя глупо было вернуться в зал подвыпившей, она должна снять напряжение и успокоиться. Элино́р плеснула в бокал немного бренди, намереваясь сделать пару глотков, но от возбуждения проглотила всю порцию. Благодатное тепло, разлившееся по телу, немного уменьшило напряжение.

Тут в дверь постучали. Закусив губу, Элино́р расправила плечи, вскинула голову... и с изумлением увидела герцога Гейнсборо.

— Леди Элино́р? — Он сардонически поднял бровь, оценивающе глядя на нее.

— Ваша светлость.

Она присела в реверансе, пока лихорадочно соображала, что герцог здесь делает. Может, Петерсон уже рассказал, как увидел виконта в библиотеке? Может, герцог пришел выяснить, правдива ли услышанная им история?

— Меня просили сопроводить вас в зал, — объявил герцог.

— Кажется, вы удивлены, видя меня здесь, ваша светлость. Я не предполагала, что Себ... лорд Бентон придет вас.

— А он послал меня. Самонадеянный грубиян.

— Он вам не сказал почему?

— Нет, — мрачно усмехнулся герцог. — Но, зная Бентона, я не сомневаюсь, что это нечто позорное. Хотя поражен, что в этом замешаны вы. Я думал, у вас больше разума. Для женщины.

— Я...

Герцог поднял руку и требовательно махнул перед ней.

— Прекратите. Я не желаю ничего знать. Бентон просил меня о помощи, я это делаю. Теперь возьмите мою руку, и я благополучно проведу вас в бальный зал.

Элино́р густо покраснела. Это было ужасно. Ей очень хотелось отказаться от его помощи, но что-то во взгляде герцога убедило ее в глупости сомнений. Со всем достоинством, какое она могла собрать, Элино́р приняла его руку, и они покинули комнату. Теперь оба молча шли другим путем, видимо, чтобы ни с кем не встретиться.

Когда они вернулись в бальный зал, сердце у нее громко стучало, пальцы крепко сжимали руку его светлости.

— Выше голову, смотрите вперед, холодно, высокомерно, на любого, кто осмелится бросить на вас любопытный взгляд. И ради Бога, постарайтесь не выглядеть смущенной.

С замиранием сердца выполняя советы герцога, Элино́р вскоре убедилась, что в этом не было особой необходимости. Никто не проявлял к ней повышенного интереса, не глядел с неодобрением в ее сторону.

— Не желаете потанцевать, ваша светлость?

— Отличная мысль.

Они присоединились к танцующим. Элино́р пыталась сосредоточиться на фигурах танца, но все время оглядывала зал. Она даже однажды споткнулась, увидев Артура Петерсона. Тот не удостоил ее вниманием, в отличие от герцога, который с любопытством смотрел на нее, и она благодарила его взглядом.

— Хорошая девочка, — сказал он.

Элино́р улыбнулась, поняв, что опасность миновала. Она спасена благодаря плану Себастьяна. Когда музыка смолкла, она взяла герцога под руку, и они покинули танцевальный зал.

— Благодарю вас за помощь, ваша светлость. Она просто неоценима.

— Я не имею права давать вам совет, хотя все же попытаюсь. Я знаю Бентона с тех пор, как он был еще молокососом. За последние месяцы он изменился к лучшему, но натуру не изменить. Насколько мне известно, Бентон никогда не губил женщину ради удовольствия, но как знать. Будьте осторожны, леди Элино́р, чтобы не попасть в какую-нибудь скверную историю.

Герцог поклонился и ушел. Глядя ему вслед, Элино́р почувствовала, что кто-то остановился у нее за спиной. Она повернулась и, к своему облегчению, увидела Бьянку.

— Я слышала позорную сплетню о виконте Бентоне, — прошептала сестра.

— Правда? — Элино́р постаралась выглядеть беззаботной.

Оглядевшись, Бьянка убедилась, что их не подслушивают.

— Очевидно виконт устроил свидание в библиотеке, где был застигнут в самом компрометирующем положении. — Она сделала выразительную паузу. — Он и его женщина были совершенно голыми!

— О Боже. И кто же эта женщина?

— Неизвестно. Артур Петерсон, который их видел, отказывается сообщить имя леди, заявляя, что хочет спасти ее репутацию. Я спросила у лорда Уэверли его мнение, и он сказал, что этот Петерсон — один из самых хвастливых сплетников в Лондоне. А молчит он потому, что, возможно, и сам не знает.

— А возможно, мистеру Петерсону нечего сказать, потому что инцидента вообще не было? — предположила Элино́р.

— Нет, я уверена, там что-то произошло. Лорд Уэверли считает, что у Петерсона не хватит воображения придумать такую историю.

— Детали вряд ли станут когда-либо известны, — небрежно сказала Элино́р. — Если, конечно, лорд Бентон не решит защитить себя от злобной клеветы и наказать человека, который распускает грязные слухи.

— Вызвав мистера Петерсона? Лорд Уэверли говорит, что Бентон смертоносный стрелок и превосходный фехтовальщик. Боюсь, для мистера Петерсона это очень плохо кончится.

Интересно, как виконт уладит дело, подумала Элино́р. Открытый вызов Петерсона может только подтвердить его историю. Лучший выход из положения — это высмеять ее как чистейшую выдумку.

— О, никакой дуэли не будет, — уверенно сказала она. — Бентон может быть скандальным, но вряд ли он кровожаден.

— Каким бы он ни был, я рада, что последовала твоему совету. В любом случае виконт — не джентльмен, который намерен остепениться и быть верным одной женщине.

— Вас не затруднит повторить, чего вы хотите? — Себастьян изумленно смотрел на нее.

— Я хочу, чтобы вы помогли найти мужа для Бьянки, — спокойно повторила Элино́р.

— Клянусь, у меня нет слов.

После бала у Тонтонов четыре дня назад они впервые разговаривали наедине. Сплетня о постыдном свидании Себастьяна перестала быть главной темой обсуждения в свете, теперь в центре внимания оказалось тайное бегство мисс Аллен с лордом Мортли. Вражда между их семьями зародилась так давно, что никто уже не мог назвать ее причину. Но молодые люди влюбились друг в друга и, зная, что не получают разрешения на брак, предпочли бежать.

В глубине души Элино́р желала влюбленным счастья и радовалась их побегу, который перевел неблагоприятный поступок виконта в разряд «незначительных».

Идея пойти днем в кафе, чтобы насладиться мороженым, принадлежала Себастьяну. Кроме того, публичное место давало им возможность побыть наедине.

Восхитительные замороженные сладости привлекли сюда много народу. Хотя стояла не по сезону теплая погода, Элино́р не сомневалась, что люди пришли бы даже посреди зимы, поскольку столь изысканное угощение было редким, очень вкусным. Она чувствовала любопытные взгляды, устремленные на их столик. Конечно, всех интересует, почему такой красивый, изящный джентльмен проводит время с такой некрасивой, простой женщиной вроде нее. Естественный вопрос, который Элино́р и сама задавала себе. Может, она и не знала ответа, но была убеждена, что в тот вечер в библиотеке Себастьян действительно хотел ее.

— Полагаю, вы несколько преувеличиваете мои скромные возможности, — наконец произнес он. — Вы же не рассчитываете, что я и в самом деле буду искать мужа для Бьянки?

— Напротив, я очень надеюсь на вашу помощь, милорд.

Положив в рот очередной кусочек мороженого, Элино́р закрыла глаза от удовольствия. Это было необыкновенное ощущение. Когда она снова открыла глаза, Себастьян както странно глядел на нее.

— Почему вы так смотрите? Я испачкалась? — Элино́р поспешно вытерла подбородок носовым платком, но тот остался чистым.

— Смотреть, как вы едите мороженое, — это равносильно чувственной пытке. Ведите себя прилично, или мне придется опрокинуть блюдо себе на колени, чтобы встать не опозорившись.

Элино́р медленно положила ложку.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы вкушаете эти лакомства с ярко выраженным сексуальным подтекстом.

— Вы пытаетесь сменить тему?

— Милая Элино́р, я пытаюсь сохранить здравый рассудок. Это не имеет никакого отношения к вашей странной просьбе.

Не убежденная его словами, Элино́р наклонилась и безразлично посмотрела на его колени. Невероятно! Его возбудил один вид, как она ест мороженое?

— О Боже, — прошептала она.

— Вот именно. Хотя я продолжаю считать вашу просьбу странной и нелогичной,

обсуждение брака поможет... хм... облегчить мое затруднительное положение.

Глупо, но Элино́р чувствовала себя польщенной и, не зная, как реагировать на долгие взгляды Себастьяна, вернулась к прерванному разговору.

— Лорд Уэверли проявляет значительный интерес к Бьянке. Хотя мне говорили, что в прошлом сезоне он интересовался другой дебютанткой, а предложения ей так и не сделал.

— Ничего подобного я не помню. Брачные сплетни никогда меня не интересовали. — Себастьян чуть заметно улыбнулся. — Лорд Уэверли из тех, кто соблюдает приличия. Хорошая семья, правда, старшая сестра у него довольно экстравагантная женщина с резким голосом. Но бедняга не имеет к этому отношения. Уэверли не злоупотребляет спиртным, при карточной игре не лезет слишком глубоко в карманы, вовремя платит долги. Полагаю, он будет вполне соответствующим мужем.

— Соответствующим? — Элино́р нахмурилась. — Я хочу найти для Бьянки человека, который будет ценить ее не только за физическую красоту, но и за ее доброе сердце. Который будет защищать и любить ее. Человека решительного, обладающего силой духа и мужеством, чтобы противостоять графу.

Себастьян пожал плечами.

— Я не так хорошо знаю Уэверли. Он вполне может считаться подходящим выбором.

— Может. Если Бьянка решит, что действительно хочет его. Но выбор за ней, а она еще плохо разбирается в людях. — Элино́р вспомнила, как дома сестра увлеклась напыщенным мистером Смитом.

— Она восхитительная девушка, — ответил Себастьян. — Я уверен, множество подходящих холостяков уже проложили тропу к вашему порогу.

— Да, и число поклонников растет. Но надо выбрать лучшего. Так вы поможете мне?

— Знаете, я прихожу в содрогание при мысли, что при моем содействии какойнибудь бедный, ни о чем не подозревающий джентльмен в один прекрасный момент окажется повязанным брачными узами. Я потеряю самоуважение.

— Я вас умоляю, мы никого не заманиваем, — возмутилась Элино́р. — Кроме того, я думала, что вы тайный романтик.

— Может, и романтик, но не глупец. — Себастьян бесстыдно ухмыльнулся. — И какова моя награда, если я решу оказать вам помощь?

— Удовлетворение от сознания того, что вы комуто сделали добро, — поспешно сказала она.

— Сформулируйте свою просьбу несколько иначе.

— Моя искренняя благодарность — это вас устроит?

— Насколько искренняя?

— Давайте договоримся так: вы не будете разочарованы.

— Обещаете?

— Честное слово.

Он протянул ей руку.

— Договорились.

Элино́р закатила глаза. Он засмеялся и призывно согнул пальцы. Осознав, что Себастьян не успокоится, она пожала его руку, веря, что заключила хорошую сделку.

— А сэр Реджинальд Блэк? Что вы знаете о нем?

— Этот очень любит карты, игру в кости, вообще любые азартные игры. Однажды в конторе Уайта он заключил пари, сколько дам на балу его сестры будут в голубых туалетах.

И, представьте себе, выиграл больше сотни гиней у нескольких раздраженных джентльменов. Может, это извинит его?

— То, что он выиграл? Разумеется, нет. Еще один игрок Бьянке ни к чему.

— Еще один? — Себастьян поднял бровь.

Она махнула рукой, не желая говорить об отце, и перешла к следующему кандидату.

— Сэр Марк Фрост? Очень красивый джентльмен и производит хорошее впечатление.

— О Боже, он всегда говорит о своих лошадях и урожае, который выращивает у себя в поместье. У него странная одержимость севооборотами, лучшими почвами для саженцев.

Право, это пугает.

Элинор вздохнула:

— Когда мы познакомились, я решила, что моя жизнь в сельской местности побудила его выбрать эту странную тему для беседы. Жаль. По возрасту он подходит Бьянке. И очень приятный внешне.

Себастьян насторожился.

— Вы считаете его красивым?

— Даже очень, — вызывающе улыбнулась Элинор, ей понравилась ревность в голосе виконта. — Вьющиеся светлые волосы делают его похожим на ангела.

— Но он слабоват для человека, который столько времени проводит на открытом воздухе, — добавил Себастьян, хотя она уже исключила сэра Марка из списка.

— А кто этот молодой человек, стоящий у входа?

— Роберт Байуотер. Когданибудь он унаследует богатство, но, боюсь, это и все, что говорит в его пользу.

— О? — Элинор явно заинтересовалась, услышав о богатстве. — На вид он прекрасный молодой джентльмен.

Себастьян улыбнулся:

— Да, он славный парень, только слишком тупой. Если он женится на Бьянке, у них будут красивые дети, но, увы, им не хватит ума для самостоятельной жизни.

— Боже, и этот не подходит, не так ли?

— Взгляните сюда, мэм. Вам достался лучший брачный улов сезона. — Он скрестил руки на груди и самодовольно улыбнулся. — Это я.

Элинор никогда не знала, как относиться к высказываниям подобного рода. Он хотел ее, это очевидно, но его поведение не было традиционным ухаживанием. Она вспомнила посылку, которую получила на следующее утро после их свидания в библиотеке Тонтона. Редкое антикварное издание «Смерти Артура» вместе с единственной белой розой. Сопроводительной записки к романтическому подарку не было, да этого и не требовалось.

Себастьян флиртовал с ней, бросал чувственные взгляды, поддразнивал, заставлял смеяться, целовал при любой возможности, но всегда останавливался, не заходя слишком далеко. Он старался доказать, что его интерес к ней был честным, хотя никогда не говорил о браке.

Он вполне мог видеть в ней только свою любовницу.

Эта мысль должна была оскорбить ее. Она, как ни крути, добродетельная женщина, дочь графа, леди, достойная уважения, и брак для нее обязательное условие, если она хочет иметь физическую близость с мужчиной. Но теперь она уже не та, что раньше, и готова пренебречь установленными правилами.

Элинор закрыла глаза. Боже, она готова стать любовницей Себастьяна? Хотя он даже не

просил ее. Что с ней происходит?

— Элинора? — прошептал он.

— О, простите. Мысли заставили меня позабыть о манерах.

— Судя по вашему румянцу, они были очень неприличными. Вы думали обо мне? — с надеждой спросил он.

— Я думала о будущем муже Бьянки, представляла ее счастливую жизнь.

— А как же ваши мечты? Ваше собственное счастье?

— Знаете, я слишком практична, чтобы ждать своего принца.

Себастьян засмеялся:

— И правильно делаете. Регент никогда бы не стал для вас мужем.

«А кто бы стал? Вы?» Но Элинора не дерзнула спросить его.

— Мы говорим не обо мне. Мы говорим о моей сестре. Боюсь, если я не найду ей мужа, это сделает наш отец.

— А вы не доверяете здравому смыслу отца?

— Нет. — Слово вылетело у нее помимо воли. Она раздраженно положила в рот последнюю ложку мороженого и заставила себя улыбнуться. — Вот и все.

— Хотите еще? — спросил он.

Элинора покачала головой.

— Давайте лучше прогуляемся к озеру. Посмотрим на лебедей, обсудим еще несколько джентльменов.

Он явно хотел спросить ее о графе, но вдруг улыбнулся и предложил ей руку.

— Как угодно, миледи.

Вечером Себастьян пошел в клуб. Он почитает газеты, спокойно поужинает и решит, как провести остаток вечера. Элинора сообщила, что едет на званый обед к Уордсуортам, от приглашения на который он уже отказался.

Может, и к лучшему, если он сегодня не увидится с ней. Пока дела идут хорошо. Элинора все больше увлекается им, становится менее строгой, жаждет его общества.

Сегодня он был заинтригован мнением Элиноры о графе. Но, увидев, как она поджала губы при его вопросе, он решил не касаться этой темы. Жаль, это дало бы ему возможность понять своего врага.

Себастьян заказал себе ужин и возвращался на место, когда заметил герцога Гейнсборо, сидевшего с газетой у камина. Он занял свободное кресло рядом со стариком и громко кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

— Бентон.

— Ваша светлость. У меня до сих пор не было случая поблагодарить вас за помощь на балу. Я чрезвычайно признателен вам за вмешательство.

Герцог фыркнул и зашелестел газетой.

— Положение оказалось совершенно безвыходным, когда...

— Пожалуйста, избавь меня от несомненно обворожительного и скорее всего пикантного рассказа. Ты просил меня о помощи, я помог. Но я сделал это не только для тебя, Бентон. Я сделал это и для нее тоже.

— Все равно спасибо.

— Она заслуживает лучшего, — проворчал герцог.

Себастьян насмешливо улыбнулся.

— В этом мы полностью солидарны.

Герцог опустил газету и пристально взглянул на него.

— Леди Элинор влюблена в тебя, и она не единственная. Открой глаза и застегни брюки. Такое поведение терпимо, когда ты был юнцом, но сейчас ты мужчина. Это не только дурной тон, но и жестокость — оставлять за собой вереницу разбитых сердец.

Внезапно Себастьян похолодел. Вереница разбитых сердец?

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

Герцог посмотрел ему в глаза.

— Подумай об этом. Ты ведь не дурак, хотя временами отлично притворяешься.

У Себастьяна было желание продолжить разговор, но он почти боялся того, что мог услышать. Да и герцог снова поднял газету, считая лекцию законченной.

— До свидания, ваша светлость. — Он поклонился и ушел.

Тем не менее слова герцога преследовали его, пока он ел свой ужин. И Себастьян опасался, что в утверждении старика содержались изрядные крупницы истины.

* * *

Утром Элинор в отнюдь не радостном настроении сопровождала Бьянку к портнихе. Вчера Себастьян не появился на званом обеде, и она скучала по нему больше, чем могла себе признаться. Не с кем было ни поговорить, ни пофлиртовать, ни посмеяться. Невыносимо скучный вечер.

Когда они с Бьянкой вошли в мастерскую, там находились две клиентки. Простившись с ними, мадам Клодетт поспешила к новым заказчицам.

— Чем я могу сегодня помочь, леди? — радушно улыбнулась она.

— Мы хотели бы заказать два... нет, три новых платья для моей сестры, — объявила Бьянка.

Элинор увидела отрез зеленого шелка, которым восхищалась, и повернулась к сестре:

— Бьянка, нет! Графа хватит удар, когда он получит счет.

Та упрямо покачала головой.

— Я уверена, мадам знает, как выписать счет, чтобы у папы не было вопросов.

Модистка с готовностью кивнула, и Элинор почувствовала, что сдается. Она всюду носила два платья, которые сестра заказала для нее. Было бы замечательно иметь что-то новое, однако граф скорее всего придет в неопишумую ярость, если обнаружит уловку. Элинор опять взглянула на изумруднозеленый шелк.

— У миледи прекрасный вкус. — Модистка развернула ткань и накинула ей на плечи.

— Прямо для тебя! — воскликнула Бьянка. — Этот оттенок подчеркивает золото в твоих волосах и придает блеск глазам. Из него получится отличное платье.

— Я знаю прекрасный фасон. — Мадам Клодетт стала нетерпеливо листать страницы французского журнала мод, издав торжествующий возглас, когда нашла то, что искала. — Вот, смотрите. Он украсит фигуру леди, подчеркнет все ее достоинства.

Бьянка взвизгнула от восторга. Элинор неохотно посмотрела на рисунок, но потом согласилась, что мадам права.

— С тебя необходимо снять мерку, чтобы платье хорошо сидело. — Бьянка подтолкнула сестру к гардеробной.

Элино́р вздохнула. Спорить все равно бесполезно, кроме того, ей в глубине души хотелось, чтобы Себастьян увидел ее в таком восхитительном наряде. Помощница мадам проводила ее в комнату с рядом вешалок, мягким креслом и скамеечкой, на которую становились заказчицы, пока с них снимали мерку.

Элино́р уже начала раздеваться, когда в дверь постучали. Решив, что это Бьянка или портниха, она крикнула «войдите». Ее приветливая улыбка сменилась шоком, ибо в комнату вошел Себастьян.

— Очаровательный сюрприз, не так ли? — спросил он. — Я увидел вас через витрину и решил зайти поздороваться.

— Вы что, с ума сошли? — процедила она, прижимая к груди расстегнутое платье. — А если вас ктонибудь видел?

— Ну и что? — небрежно произнес он.

— Будет скандал. Вам это известно.

Она попыталась обойти наглеца, чтобы открыть дверь и вытолкнуть его из комнаты, но Себастьян преградил ей дорогу.

— Успокойтесь, Элино́р, я пошутил. В мастерской никого больше нет. Иначе бы я не вошел сюда.

— Это популярный магазин, его часто посещают светские дамы, он недолго останется пустым.

— Извините, но я с вами не согласен. Несколько монет, вложенных в руку мадам, на время закрыли магазин.

Неужели он поступил так возмутительно лишь ради того, чтобы несколько минут побыть наедине с нею? Судя по выражению его лица, он говорил правду.

Себастьян шагнул к ней. Элино́р попыталась не смотреть на него, зная, что ее сопротивление исчезнет без следа, если она встретит его взгляд. Он гладил ее по спине, пока она не почувствовала, что начинает успокаиваться. Затем наклонился, обласкал губами шею, вызвав у нее приятную дрожь.

— Что вы делаете? — прошептала она.

— Наконецто здороваюсь с вами.

Даже не прикасаясь к нему, Элино́р чувствовала его возбуждение. Она наслаждалась ощущением, что он хочет ее, и дала волю собственному желанию, поцеловав Себастьяна. Глубоко, нетерпеливо. Себастьян застонал, когда их языки встретились, имитируя половое сношение, которого у них еще не было. Ей захотелось понастоящему остаться наедине, имея время и условия, чтобы удовлетворить страсть. А тут, если даже магазин закрыт, все равно находились посторонние и Бьянка. Подавляя желание, Элино́р отстранилась.

— Мы должны остановиться. В любую секунду может войти мадам Клодетт, чтобы снять мерку.

— Я бы хотел помочь ей. Освободим вас от сорочки?

— Себастьян! — Она шлепнула его по рукам.

— Мы одни, так не будем терять драгоценное время.

— Что вы предлагаете? — насторожилась Элино́р.

— Давайте оба станем на время порочными, дорогая, — прошептал он ей на ухо. — Помню, что я чувствовал, когда держал вас в объятиях. Мне хочется иметь еще больше таких воспоминаний, Элино́р.

Рассудок говорил ей, что это глупо и опрометчиво, но сердце отказывалось его слушать.

Еще крепче обняв ее, Себастьян поцеловал ей висок, шею, чувствительное место за ухом, затем шутливо потянул губами одну из жемчужных сережек. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в страстной волне желания. Ее пальцы, державшие расстегнутое платье разжались, оно соскользнуло на пол, и Себастьян немедленно этим воспользовался.

Риск быть обнаруженными лишь добавлял остроты их запретным наслаждениям.

— Нам не следует этого делать, — безвольно прошептала она.

— Знаю. Именно поэтому мы должны.

У нее вырвался хриплый смех. Он был опьяняющим искушением. Его поцелуи затуманивали ей голову, руки пробуждали ее тело. Как она могла сопротивляться ему?

— Бог мой, вы уже совсем влажная, — пробормотал он, раздвигая ей ноги. — Я должен вас попробовать.

Он встал на колени. Элинор не понимала, что он собирается делать, и прикосновение его рта вызвало у нее шок.

— Себастьян, я не уверена...

— Все в порядке. Доверьтесь мне, дорогая. Вы получите удовольствие.

Себастьян притянул ее к себе, уложил на ковер и приподнял ей ягодицы. Когда он скользнул языком по ее животу, она в замешательстве попыталась отодвинуться, но тщетно.

А потом все мысли о сопротивлении улетучились. Наслаждение от его безнравственного поцелуя было невообразимым. Двигая бедрами, Элинор бесстыдно прижималась к его губам и языку, искусному языку, который точно знал, где погладить, где вращаться, где раздражить. Она смутно понимала, что издает какие-то странные жалобные звуки.

Внезапно, почти без предупреждения, сладостная мука закончилась, сменившись волнами блаженства, одна за другой бегущими по ее телу. Себастьян нежно держал ее, пока не утихла последняя судорога.

Тяжело дыша, Элинор без сил лежала рядом с ним, удовлетворенная с головы до ног. Более того, ее переполняла нежность, чувство, которое она никогда прежде не испытывала.

Подняв голову, она посмотрела ему в глаза.

— Вам понравилось? — с улыбкой спросил он.

В ответ Элинор покраснела.

— А как же вы?

— Хотя это нелегко, я могу дать, не беря ничего взамен, — сквозь зубы произнес Себастьян. — Кроме того, на двери нет замка, и нас могли прервать в любую минуту.

Нет замка! Элинор в панике вскочила с ковра и быстро оглядела платье, молясь, чтобы оно не слишком пострадало. Затем неловко одернула его, оставив крючки незастегнутыми, и попыталась, насколько возможно, пригладить волосы.

— Я потеряла сережку.

— Думаю, я мог ее проглотить.

Несмотря на панику, Элинор засмеялась.

— Вы слишком жадны, милорд.

— Что поделаешь, — улыбнулся он. — У вас способность заставить меня есть все подряд, миледи. И получать от этого удовольствие.

Элинор снова покраснела.

— Вряд ли у меня было намерение скормить вам свои украшения, сэр.

— К черту украшения. Взамен я куплю все, что вашей душе угодно.

— Незамужней леди неприлично принимать такой расточительный подарок от джентльмена.

— Пока вы принимаете мои поцелуи, я доволен. Платье лучше оставить незастегнутым, чтобы мадам сняла с вас мерку.

Элино́р кивнула, надеясь, что их не прервут так скоро.

— Выдумаете, она узнает? Об... этом?

Себастьян улыбнулся, поправляя свою одежду.

— Вы так восхитительно покраснели. Ей достаточно мельком взглянуть на вас, чтобы у нее возникли подозрения. — Элино́р застонала, и он успокаивающе продолжал: — К счастью, тут есть черный ход, которым я собираюсь воспользоваться. Бьянка ничего не узнает. Когда я снова увижу вас?

— Думаю, завтра вечером. Я буду на балу у Синклеров. Вы придете?

— Я не собирался. Но если вы там будете, приду и я. А как насчет сегодняшнего вечера?

— Мы приглашены лордом Уэверли в театр.

Себастьян нахмурился.

— Если даже я появлюсь на спектакле, то вряд ли увижу вас. Не могли бы вы пойти куда-нибудь еще? Сегодня у РисДжонсов музыкальный вечер.

— Нет. У Бьянки развиваются серьезные отношения с Уэверли. А я, в сущности, ее компаньонка, и довольно плохая, если судить по опрометчивым поступкам. Сестре надо помочь. Если я не пойду с ней, она не сможет быть в театре.

Себастьян огорченно вздохнул, и ей польстило, что он выглядел расстроенным.

— Но мы все-таки можем побыть сегодня вместе, если вы приедете к нам с дневным визитом. Почему вы никогда этого не делаете?

Элино́р спросила его не ради любопытства, ей был очень важен ответ Себастьяна, и она с тревогой ждала его. В этот момент они услышали деликатное покашливание, и, повернувшись к двери, Элино́р с облегчением увидела на пороге мадам Клодетт.

— Прощу прощения, миледи. Я попозже...

— Нетнет, входите, — прервал ее виконт. — Я уже покидаю вас.

Он посмотрел на Элино́р. Сила чувств в его многозначительном взгляде настолько потрясла ее, что она едва отреагировала, когда он поклонился и вышел из комнаты.

Не ответив на ее вопрос.

Туман чувственного удовольствия, в котором пребывала Элинор, еще сгустился, когда на следующее утро она получила единственную белую розу.

Витая в облаках, Элинор дала кухарке три разных меню, абсолютно сбив с толку бедную служанку. А потом целый час просидела за письменным столом, чтобы сочинить простую благодарственную записку. Она велела слуге принести четыре вазы, но забыта про цветы, которые нужно туда поставить. Закрыв глаза, Элинор оживляла в памяти бесстыдные, потрясающие моменты, и каждый раз эти воспоминания наполняли ее счастьем.

Она знала, что Себастьян опытный любовник, но даже представить не могла, что он вызовет у нее такие острые эротические ощущения, совершенно изменившие ее. Теперь она чувствовала себя более женственной, более искушенной.

Когда они с Бьянкой спустились в гостиную, чтобы ожидать дневные визиты, она мельком посмотрела в зеркало. Лицо выдавало ее тайные чувства, но это почти не заботило Элинор. Почти.

К счастью, у Бьянки, поглощенной романом с лордом Уэверли, не было времени думать о причине странного поведения сестры.

Первым, как обычно, приехал лорд Уэверли, вскоре к нему присоединились другие поклонники Бьянки и несколько дам. Мужчины толпились вокруг сестры в одной стороне гостиной, Элинор принимала леди в противоположной стороне, надеясь, что дневные визиты помогут ей скоротать целых восемь часов до ее встречи с Себастьяном.

Она рассеянно изучала синий узор на чашке, пока не осознала, что возникло неловкое молчание. Подняв голову, она заметила любопытные взгляды, которыми обменялись миссис Фарнсуорт и леди Мэри. Очевидно, кто-то из них задал ей вопрос.

— Может быть, — уклончиво сказала Элинор, доливая чай в свою почти нетронутую чашку.

Миссис Фарнсуорт взглянула на нее с подозрением, но из вежливости промолчала. Элинор героически попыталась сосредоточиться, понимая, что должна быть осторожной, иначе ее примут за дурочку. Нужно лишь кивать, шептать что-нибудь и казаться заинтересованной в том, о чем говорят дамы. Если она постарается, то вполне справится с такой задачей.

Десять минут спустя, когда она похвалила себя за умение участвовать в светском разговоре, в гостиную вошел Харрисон с докладом.

— Прибыл виконт Бентон, миледи.

— Кто?

— Виконт Бентон.

— Сейчас? Он здесь?

Видя удивление дворецкого, Элинор поняла, насколько смешон вопрос. Конечно, Себастьян здесь, где же еще? Именно об этом и доложил Харрисон. От радости она не могла вымолвить ни слова и беспомощно взглянула на сестру. Бьянка слегка кивнула и подошла к ней.

— Виконт Бентон прибыл с визитом? Очень любезно с его стороны. Проходите, прошу вас, — покоролевски, широким жестом пригласила Бьянка.

На миг Себастьян задержался в дверях, видимо, удивленный количеством визитеров,

затем прошел в гостиную.

— Леди Элино́р. Леди Бья́нка. Рад видеть вас обеих. — Поклонившись, он дерзко взял Элино́р за руку.

Какимто образом ей удалось овладеть собой, и она твердо встретила его соблазнительный взгляд.

— Приятный сюрприз. Добро пожаловать, милорд.

— Благодарю вас. — Себастьян наклонился и прошептал: — Недавно меня укорили за отказ от светских визитов, и я решил, что пора исправляться.

Он сжал ее руку. Элино́р не осмелилась посмотреть ему в глаза, уверенная, что потеряет самообладание.

— Милорд, разрешите вам представить... — Она взглянула на двух леди, совершенно забыв, как их зовут.

— Никаких представлений не требуется, — ответил Себастьян. — Мое почтение миссис Фарнсуорт, леди Мэри.

Обе молча склонили голову. Наступила долгая пауза. Элино́р лихорадочно искала тему для беседы.

— Сегодня отличная погода, не так ли? — улыбнулась Бья́нка.

— Да, солнечная, но не слишком жаркая, — заверил Себастьян.

— Весна мое самое любимое время года, — продолжала Бья́нка.

— Конечно, — согласился он.

Миссис Фарнсуорт и леди Мэри промолчали. Опять возникла пауза. Слегка встряхнув чайник, Элино́р позвала слугу.

— Чай почти закончился. Принесите свежий, пожалуйста.

Себастьян занял ближайший стул. Извинившись, Бья́нка вернулась к своим поклонникам.

— Восхитительное платье, леди Мэри, — произнес он. — Это, случайно, не произведение мадам Клодетт?

— Вы правы, лорд Бентон. Это совершенно оригинальная модель, — с гордостью заявила леди Мэри.

— О да. Мадам знаток своего дела. Хотя одеть леди с вашим очарованием совсем нетрудно. — Себастьян улыбнулся. — На днях у меня была возможность посетить ее магазин, и я увидел там вещи очень высокого качества.

— Что вы делали в магазине дамской одежды, милорд? — с явным любопытством спросила миссис Фарнсуорт.

— Рассматривал товары. У мадам есть самые восхитительные изделия, какие мне когда-либо доводилось видеть. Или ощупывать.

Элино́р обдало жаром, и она бросила на него сердитый взгляд. В ответ Себастьян подмигнул ей и продолжил дружескую беседу, развлекая дам. Леди заметно расслабились, хотя выглядели еще слегка настороженными. Элино́р была уверена, что они до сих пор теряются в догадках, почему виконт неожиданно явился с визитом. Локон темных волос упал ему на бровь, Себастьян откинул его, но тот снова упал. Ей захотелось намотать на палец этот упрямый локон, прижаться губами к его губам, к...

Деликатное покашливание заставило Элино́р повернуться, и она увидела, что дамы уже встали с кушетки. Наконецто они уходят?

— К сожалению, нам пора, леди Элино́р. Мы должны сделать еще несколько

визитов, — заявила леди Мэри.

Элино́р поднялась. Себастьян последовал ее примеру. Испугавшись, что он тоже собрался уходить, она бездумно протянула к нему руку. Себастьян шагнул вперед, чтобы скрыть ее слишком выразительный жест от других женщин.

— Спасибо, что не забываете нас. Мне было приятно видеть вас обеих, — добавила Элино́р, надеясь, что ее радость от их ухода не слишком заметна.

— Я думал, они вообще не уйдут, — с облегчением произнес Себастьян.

— Это было ужасно, — согласилась Элино́р. — Я начинаю понимать ваше отвращение к подобным визитам.

— Давайте погуляем в саду.

Она тяжело вздохнула:

— Я не могу оставить Бьянку без присмотра.

Словно в подтверждение ее слов с другого конца гостиной донесся взрыв мужского смеха.

— Черт, в этом доме найдется место, где мы смогли бы побыть наедине? — Себастьян поднял бровь. — Тут есть библиотека?

Элино́р засмеялась. Он был неисправим.

— Да, немного уединения можно найти вон там, — сказала она, кивнув на маленький альков.

— Я иду первым. Вы через минуту.

Едва она шагнула в альков, Себастьян тут же схватил ее в объятия и жадно поцеловал. Элино́р со всей страстью ответила ему, когда скрылись в укромной тени, но слишком быстро отстранилась, предупредив:

— Мы можем остаться здесь только на минуту.

— Элино́р.

Нежность его поцелуя была почти невыносимой. Она задрожала, переполненная желанием. И любовью.

Еще один поцелуй, и оба разжали объятия. Хотя они были смелыми, чуждыми условностям, но сейчас оба понимали, что здесь не место и не время, чтобы дать волю охватившим чувствам.

— Мы увидимся вечером, — сказала она.

— Конечно.

Элино́р оставалась в алькове, пока Себастьян не ушел. Наконец, овладев собой и выйдя в гостиную, она почти столкнулась с графом.

— Какого дьявола ты прячешься там, Элино́р?

Почему отец всегда так груб с нею? Она проглотила комок в горле и оглядела комнату.

— Все ушли?

— Почти все. У Бьянки приватный разговор с джентльменом в моем кабинете. Скоро я надеюсь услышать приятное известие.

Оценив смягчившееся настроение графа, Элино́р догадалась, что речь идет о брачном предложении, которое гарантирует ему значительную финансовую прибыль.

Сердце у нее забилось от радости. Наконецто! Лорд Уэверли собирается вести Бьянку под венец. Это хорошая партия для них обоих, а благодаря титулу и богатству Уэверли также вполне приемлемая для графа.

Элино́р с нетерпением ждала появления счастливой пары. Наконец дверь открылась, в

гостиную вошла Бьянка. Но вместо лорда Уэверли ее сопровождал виконт Фарли, гнусный человек с маслеными волосами и нервным тиком, что делало его совершенно отвратительным.

В данный момент лицо у него покраснелось от возбуждения. Он взял Бьянку за руку, и та, прерывисто вздохнув, отвернулась. Похолодев от дурного предчувствия, Элинон быстро подошла к сестре.

— Что случилось?

— Лорд Фарли сделал мне предложение.

— Он ведь старше графа!

Бьянка нервно взглянула на отца, затем на лорда Фарли, которые шли к буфету со спиртными напитками.

— Ты приняла его?

Бьянка вздрогнула.

— Я попросила немного времени, чтобы обдумать его любезное предложение.

— Ты что, с ума сошла? Почему ты сразу не отказала ему и не покончила с этим?

— Я не смогла. Очевидно, папа должен ему много денег, и он сказал, чтобы я приняла его предложение. Ох, Элинон, что мне делать? Лорд Фарли просто ужасен. Пока он держал мою руку, когда все это говорил, я изо всех сил пыталась не заплакать. А он тем временем уверял, что я в высшей степени «подходящая» невеста, и он жаждет брака.

Элинон мысленно обвинила себя в глупости. Ведь именно этого она боялась, именно это хотела предотвратить. Она думала, что была очень умна, очень внимательна, а в результате недооценила безрассудство графа. И теперь Бьянка должна расплачиваться за это.

— Когда тебе нужно дать ответ?

— Сегодня вечером. Папа собирается сделать объявление на балу Синклеров.

Значит, времени практически нет. Элинон подавила начинавшуюся панику.

— А как насчет лорда Уэверли?

— Он сказал, что любит меня. — Глаза Бьянки наполнились слезами. — И я тоже люблю его.

— Выше голову, дорогая. Мы не собираемся лениво сидеть, как пара дурочек, ожидая, когда это случится. Если Уэверли действительно любит тебя, он перевернет небо и землю, чтобы предотвратить это объявление.

— Но как? — дрожащим голосом спросила Бьянка.

— Ты должна сейчас же написать Уэверли, — после недолгого размышления ответила Элинон. — Если он до бала сделает тебе предложение, мы уговорим отца, чтобы он позволил тебе отказать Фарли, приняв Уэверли в качестве твоего мужа.

— Лорд Уэверли пока не говорил о браке, — покраснела Бьянка. — Леди не может делать предложение джентльмену.

— Черт возьми, Бьянка! Мы не в том положении, чтобы соблюдать тонкости этикета! Или ты напишешь Уэверли, или станешь невестой Фарли. Выбирай сама.

Заметив, каку сестры задрожали губы, Элинон укорила себя за грубые слова. Но сейчас дорога каждая минута. Необходимо действовать быстро и решительно, чтобы расстроить брачные планы графа для его младшей дочери.

— Ты права, — тихо сказала Бьянка. — Но если даже я найду слова и попрошу лорда Уэверли о помощи, как мое письмо до него дойдет? В это время дня он может находиться где угодно. Мне что, послать одного из слуг, чтобы он разыскивал его по всему Лондону?

Вздыхнув, Элино́р посмотре́ла на отца и лорда Фарли. Граф что́то прошептал ему. Виконт согласно кивнул и улыбу́лся, проде́монстрировав несколько дыр от потерянных зубов. Судя по торжествующему взгляду графа, сделка уже заключена. Если даже письмо Бьянки вовремя дойдет до Уэверли, он должен будет предложить графу более выгодную сделку, чем Фарли.

И все же сдаваться без борьбы Элино́р не соби́ралась.

— Пиши свое письмо, Бьянка. Я знаю способ быстро доставить его лорду Уэверли.

Записка Элино́р была краткой и срочной.

«Я должна встретиться с вами так скоро, как только вы сможете. Ждите меня в розовой беседке. Постарайтесь, чтобы вас никто не заметил, кроме слуг. Умоляю, поторопитесь».

Спустя час заинтригованный Себастьян незаметно прошел через задние ворота к месту встречи. Элино́р прибежала через несколько минут и сразу начала говорить. Он тут же закрыл ей рот поцелуем, но она ему не ответила, наоборот, отпрянула от него.

Себастьян нахмурился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Полагаю, я должен быть оскорблен.

— Ваши поцелуи меня отвлекают, а дело очень срочное. Нужно, чтобы вы как можно скорее разыскали лорда Уэверли, передали ему это письмо и убедились, что он сразу прочел его.

— Должен ли я убедиться, что Уэверли понимает его содержание? — Он попытался заглянуть в письмо. — И о чем оно говорит?

— Себастьян, пожалуйста! — Она выхватила у него послание. — Это не шутка.

— Очевидно.

— Простите. Я знаю, что веду себя...

— Как безумная? — Он никогда еще не видел Элино́р такой испуганной. — Значит, вы пригласили меня сюда не ради моих поцелуев, а чтобы передать записку Уэверли. Полагаю, от Бьянки?

— Да. Ее будущее счастье в большой опасности. Граф заставляет ее выйти за виконта Фарли.

— Этого старого козла? Неудивительно, что вы так расстроились.

— Лорд Уэверли должен немедленно узнать об этом. Бьянка все объяснила ему и сказала, что нужно сделать, чтобы не допустить катастрофы. Вы единственный, к кому я могу обратиться, кому я могу доверять, Себастьян.

Боже, как Элино́р ошибается! Но ее глаза умоляли о помощи, и он, как ни странно, без колебаний протянул руку за письмом.

— Я ваш преданный слуга, Элино́р. Не сомневайтесь!

Она заметно успокоилась и после быстрого объятия тут же отослала его. Себастьян ушел и всю дорогу удивлялся, почему это внезапное рыцарское желание прийти ей на помощь доставило ему такую радость.

Тем же вечером граф Хетфилд объявил о помолвке своей дочери леди Бьянки с лордом

Уэверли. Жених произнес спич, восхвалявший бесчисленные достоинства невесты и заставивший половину дам в бальном зале схватиться за носовые платки.

Во время объявления Элино́р стояла рядом с сестрой, но когда лорд Уэверли закончил свою прочувствованную речь, она быстро скользнула сквозь толпу гостей на террасу. Себастьян последовал за нею.

Горящие в нужных местах факелы освещали ему дорогу. Он дождался, пока Элино́р остановится, и подошел.

— Вот где вы прячетесь. Удивлен, что вас не испугала толпа изумленных женщин, занятых обсуждением неожиданной свадьбы.

Элино́р улыбнулась:

— Но это приятная тема для обсуждения.

— Уэверли выглядел слегка ошеломленным.

— Взрыв женских эмоций может выбить из колеи любого мужчину. Добавьте к возбуждению Бьянки еще реакцию двух сестер и матери лорда Уэверли. Хотя, боюсь, милая леди уже взяла на себя заботу по организации свадьбы.

— Видимо, она предвкушает великолепное бракосочетание в часовне Святого Георгия, — усмехнулся Себастьян.

— Нет, они поженятся через месяц в поместье лорда Уэверли. Кажется, такова семейная традиция.

— Могу я надеяться на приглашение?

— Но вы ухаживали за невестой.

— Совсем недолго.

— У меня такое ощущение, что мать лорда Уэверли сочтет это неприемлемым. Надеюсь, вы не будете слишком расстроены, если вас не пригласят.

— Ничего, переживу. Хотя пошлю соответствующий безвкусный подарок, чтобы ущипнуть за нос леди Уэверли.

— Какая дерзость, — улыбнулась Элино́р.

— Я бы не смог жениться перед громадной толпой. Я помню, какое столпотворение было на свадьбе Этвуда. — Он искоса взглянул на нее. — Знаете, я поймал букет.

— Что?

— Свадебный букет. Леди Доротея пошутила, бросив его прямо в меня.

— Жаль, что я пропустила такое зрелище.

— Да, очень забавно. Сначала букет от леди Этвуд, теперь роль Купидона для Уэверли.

Признаться, меня это уже беспокоит.

— Успокойтесь, Себастьян, — засмеялась она. — Помогая лорду Уэверли, вы были не Купидоном, а скорее Меркурием, крылатым вестником.

— Хорошая точка зрения. И я был довольно быстроногим курьером.

— Да, все закончилось даже лучше, чем я ожидала.

— Итак, Бьянка устроена, теперь ваша очередь.

— Выйти замуж? Смешно. Кто бы ко мне посватался?

— Я.

Себастьян испугался, осознав, что ненароком высказал чистую правду. Он действительно хотел ее, больше чем ожидал, больше чем мог выразить. Элино́р во многом отличалась от знакомых ему женщин. Он не понимал, что в ней особенного, но с каждым днем все больше убеждался, что лучше ему не найти. Но и менять своих планов в отношении

мести графу он не собирался.

Он взял Элино́р за руку. Теперь нужно уговорить ее бежать с ним. Однако, заглянув ей в глаза и увидев там искру надежды, он чуть не отказался от своего намерения погубить ее.

— Уэверли прав, что хочет жениться дома. Викарий, живущий в моем родовом поместье, не раз говорил, что почтет за честь совершить и мою свадебную церемонию. Но я хочу, чтобы это было сделано немедленно, тайно, без фанфар и семьи.

— Прекрасно. — Элино́р нервно облизала губы. — Тем не менее потребуется специальное разрешение.

Себастьян похлопал себя по карману и затаил дыхание. Он почти надеялся, что Элино́р откажется. Но тогда он придумает другой план, который вызовет открытый позор.

Элино́р улыбнулась:

— Так чего мы ждем, милорд?

Через два дня после обручения Бьянка рано утром отправилась в поместье Уэверли. На этот раз Элино́р отпустила сестру одну, чтобы та имела возможность узнать будущих родственников, а кроме того, у матери и сестер жениха был опыт проведения свадьбы в поместье. Так что помощь Элино́р им совершенно не требовалась.

Проводив Бьянку, она упаковала небольшую дорожную сумку, задвинула ее поглубже в шкаф и, чтобы не вызывать подозрений, занялась своими обычными делами. В назначенный час Элино́р не спеша покинула дом, сказав Харрисону, что вернется завтра поздно вечером. Дворецкий поднял бровь, но удовлетворить свое любопытство не посмел.

Элино́р быстро дошла до уединенного места свидания в Гайдпарке, не встретив никого из знакомых. Она подавила дурные предчувствия, связанные с их тайной договоренностью, и убедила себя, что готова к любым последствиям.

Сначала Элино́р не увидела ни Себастьяна, ни его кареты. С тревогой оглядев три ближайšie дорожки, она уже собралась повернуть назад, когда вдруг заметила виконта, бродившего за дубовой рощицей.

Он словно почувствовал ее присутствие, с улыбкой повернулся, и его лицо осветилось такой радостью, что у нее замерло сердце. Элино́р еще не успела обрести самообладание, как он бросил ее сумку на землю, схватил руки и поднес их к губам.

— Вы пришли.

Элино́р нервно засмеялась:

— А вы сомневались?

— Да. — Себастьян обнял ее и поцеловал. Затем поцеловал еще раз и отстранился. — У вас не было проблем с уходом из дома?

— Нет.

— Ваше исчезновение никого не удивит?

— Я же не исчезла. Только сказала дворецкому, что вернусь завтра вечером. Никто не ждет меня раньше.

— А ваш отец?

Элино́р опустила глаза.

— Большую часть времени граф проводит вне дома. Сомневаюсь, что он заметит мое отсутствие.

Себастьян выглядел озадаченным, что смутило и удивило ее. Она ожидала услышать какоенибудь легкомысленное замечание, но тщетно. Да и как объяснить, что отец не даст за нее и ломаного гроша?

К счастью, других вопросов не последовало, и они под руку направились к ожидающей их карете. Элино́р подняла ногу, чтобы войти, но потом остановилась.

— Вы передумали, дорогая? — прошептал он ей на ухо.

Она покачала головой.

— Я вспомнила, что вы не переносите долгой езды в карете.

— Я поеду верхом. Конечно, преступление оставить вас одну, но мой желудок не позволит мне использовать это в своих интересах. Вы уверены, что согласны ехать в одиночестве? — спросил он, помогая ей войти.

— Думаю, так будет намного безопаснее, учитывая ваши проблемы с желудком. И

похотливые намерения.

— Дерзкая плутовка. — Себастьян поцеловал ее в кончик носа. — Я чувствую себя отвергнутым.

Элинор со смехом откинулась на бархатные подушки. Вскочив в седло, он пустил лошадь галопом и быстро исчез из виду. Причем Себастьян выбрал другой путь. Очень разумно. Задернув шторки, чтобы сохранить анонимность, Элинор постаралась расслабиться. Но это было нелегко. Она задавала себе вопрос, правильно ли поступает, и остановилась на том, что побег с Себастьяном станет самым чудесным моментом ее жизни или величайшим несчастьем.

Боясь, что долгое путешествие даст ей слишком много времени для сомнений, Элинор вынула из сумки книгу стихов лорда Байрона. Но даже поэзия не помогала расслабиться понастоящему. Всякий раз, когда они попадали на запруженные экипажами улицы, Элинор опасалась, что сейчас дверца распахнется и она будет обнаружена.

Наконец экипаж выехал из Лондона, рядом снова появился Себастьян, и его присутствие успокоило ее. Карета была удобной, кучер умелый и внимательный. Отложив книгу, она закрыла глаза.

Прошло не так много времени, когда они вдруг остановились. Элинор посмотрела в окно, решив, что они подъехали к гостинице, но увидела большое здание из серого камня.

— Добро пожаловать в поместье Чезвик, миледи. — Себастьян помог ей выйти из кареты.

Перед ней высился средневековый замок, с годами обросший разными пристройками. В центре фасада было нечто вроде современного портика с колоннами, широкие мраморные ступени вели к наглухо закрытым дверям. Слуги что, не знали об их приезде?

Игнорируя неприятное ощущение внутри, Элинор потянулась, чтобы размять мышцы.

— Очень впечатляющая резиденция, — заметила она. — Вы тут выросли?

— Да. Но в зрелом возрасте проводил здесь не так много времени. Последний раз я приезжал сюда на похороны бабушки несколько месяцев назад.

Она сжала ему руку, но Себастьян отвернулся. Тут дверь открылась, вышел старый джентльмен, очевидно, дворецкий, и поклонился.

— Добрый день, лорд Бентон.

— А, Хиггинс. Ты позаботишься о багаже. И пусть отведут в конюшню мою лошадь. Ей нужно покормить и тщательно вычистить.

— Хорошо, милорд.

Элинор улыбнулась, когда дворецкий снова поклонился. Опустив глаза, он почтительно шел за нею, как будто не замечал ее. Грубость Себастьяна, который так и не представил ее, удивила Элинор. Может, он из тех аристократов, кто думает, что слуги не достойны внимания?

Мысли о дворцеком были забыты, когда они вошли в холл с чернобелым мраморным полом и с роскошной лестницей с резными балюстрадами и перилами. Элинор никогда еще не видела ничего подобного.

— Горгульи на стойках перил — бабушкина идея, — объяснил Себастьян. — Она заказала их, когда пришла сюда как новобрачная. Они ужасны, верно?

— Готическая архитектура была очень популярна в ее время, — ответила Элинор, надеясь, что остальная часть дома будет выглядеть иначе.

Но, увы. Пока они шли в гостиную, она видела, что мебель везде прекрасного качества,

правда, вышла из моды лет тридцать назад. Темные цвета создавали унылую, почти гнетущую атмосферу. Видимо, поэтому Себастьян так мало проводил времени в поместье.

Гостиная выглядела лучше. В камине весело потрескивал недавно разожженный огонь, пол закрывали толстые обюссонские ковры цвета слоновой кости. В тон им были портьеры из тяжелого бархата, но за ними Элино́р увидела прекрасный сад с посыпанными гравием дорожками, идеально подстриженной живой изгородью и клумбами ярких цветов. Она почувствовала легкое возбуждение при мысли, что станет хозяйкой этого поместья, которое нетрудно будет превратить в удобный для нее и Себастьяна дом. Переставить мебель, сменить цвета, добавить ковры ярких тонов и произведения искусства.

Себастьян ушел отдать распоряжения насчет чая и быстро вернулся.

— Боюсь, у меня плохие новости, — огорченно сказал он. — Викарий уехал в Шропшир к больной матери. Говорят, он вернется только завтра к вечеру.

Значит, сегодня они не смогут пожениться, как планировали. Убеждая себя не принимать это близко к сердцу, Элино́р глубоко вздохнула.

— Печально слышать о неприятностях викария. Я буду молиться о скором выздоровлении его матери.

— После чая мы пойдем в деревню. Я пошлю слугу заказать вам комнату в местной гостинице, а потом сам устрою вас. Для приличия одна из горничных вас проводит. А Джеймс, мой старый надежный человек, будет спать за вашей дверью. Вы не можете остаться здесь без компаньонки.

Элино́р закусила нижнюю губу.

— А кто узнает?

— Слуги.

— Я уверена, они преданы вам. — Себастьян молчал, и она продолжила: — Во всяком случае, будут держать язык за зубами, чтобы не потерять место. Кроме того, завтра появится викарий, мы поженимся по специальному разрешению, и это уже не будет иметь значения.

— Можно бежать в ГретнаГрин, — предложил Себастьян.

— Я не собираюсь бегать по всей Англии, как преступник от закона, — сказала Элино́р. — Мы договорились пожениться в вашем поместье. Я хочу остаться здесь.

Она связала себя с этим человеком и, несмотря на скандальность положения, не хотела оставлять его. Даже на одну ночь.

— Вы уверены?

— Да.

— Я бы переночевал в конюшне. — Себастьян вдруг усмехнулся. — Но я чихаю от сена.

Она улыбнулась. Ей было приятно сознавать, что он в конце концов просто человек, как и все другие.

Подали чай. Его принесла экономка, пожилая женщина со связкой ключей на поясе.

— Благодарю, миссис Флорид. Мы с леди Элино́р сами обслужим себя.

Экономка медлила, глядя на Себастьяна, затем кивнула и пошла к двери. Но вдруг остановилась.

— Прошу прощения, миледи. Персонал и я хотели бы поздравить вас и его светлость с предстоящей свадьбой. Мы все надеемся, вы будете очень счастливы.

Элино́р расслабилась. Видимо, Себастьян уже всем объявил, что она его невеста. Или сказал кому-то одному. Элино́р по опыту знала, что сплетни между слугами распространяются со скоростью лесного пожара.

— Спасибо за добрые слова, миссис Флорид, — улыбнулась она. — Я жду знакомства с персоналом и уверена в нашей слаженной работе в будущем.

Широко улыбнувшись, экономка сделала реверанс и покинула комнату. Элинор занялась чаем и протянула Себастьяну полную чашку.

— Это было весьма неожиданно, — заявил он, помешивая молоко. — Клянусь, она улыбалась нам, как любящая бабушка.

— Свадьбы заставляют женщин любого возраста вести себя немного легкомысленно.

— Миссис Флорид уже лет шестьдесят. Ей пора бы остепениться.

— Я думаю, в ее устах доброе пожелание прозвучало очень мило.

Себастьян фыркнул. Элинор наполнила свою чашку, отказываясь продолжать спор. За едой она задавала ему вопросы о поместье, детских годах. Он с готовностью отвечал, заставив ее громко смеяться, когда описывал, как в пять лет пытался стать разбойником с большой дороги.

— Ваша соседка действительно отдала свое изумрудное кольцо? — спросила Элинор.

— Вместе с сережками. — Он улыбнулся, глаза у него весело блестели от воспоминаний. — Я был очень свирепым вором, знаете, горячим и решительным.

— Верю.

Себастьян засмеялся.

— Я помню, в какой восторг привел меня этот успех. Чтобы похвастаться добычей, я сразу побежал к матери. Она чуть не упала в обморок, узнав, что я натворил. Конечно, меня тут же заставили вернуть драгоценности. В качестве наказания мать велела моему домашнему учителю отшлепать меня, но после этого плакала больше, чем я. А бабушка меня защищала, настаивая, что моя мать должна гордиться таким отважным сыном с богатым воображением. Леди Гейтли, моя беспомощная жертва, была очень добра. Она затем даже призналась, что сочувствует мальчику, оставшемуся без отца.

— Вы были маленьким, когда умер ваш отец?

— Практически младенцем. Я совсем его не помню.

— А ваша мать?

Себастьян окаменел.

— К несчастью, ее смерть до сих пор жива в моей памяти, хотя я был тогда мальчишкой.

Элинор понимала его состояние, так как и сама в восемь лет осталась без матери. Она молча гладила его по руке, пока не почувствовала, что он расслабился.

— А кем вы хотели стать после разбойника с большой дороги?

— Пиратом, конечно. У них дружная команда, и вина за непристойное поведение делится на всех поровну. Я пополнил свой отряд новобранцами из деревни, и мы составили план нашего первого нападения.

— Но поместье окружено сушей, — возразила Элинор.

Он засмеялся:

— Для компании мальчишек, склонных к проказам, это несущественные детали.

Рассказав ей несколько пиратских историй, Себастьян встал.

— Я попрошу миссис Флорид отложить ужин на час, чтобы у вас было время принять ванну. Думаю, вы с удовольствием смоете дорожную пыль.

«Только если вы присоединитесь ко мне», — вдруг подумала Элинор. Но застенчивость не позволила ей произнести эти бесстыдные слова. Она решила, что впереди у них целая

ночь, когда они разделят постель. К счастью, Себастьян не заметил, как она покраснела, он вел ее по широкой лестнице наверх, затем вдоль узкого коридора и остановился у закрытой двери.

— Это будет ваша спальня.

Элино́р подняла бровь. Конечно, ради приличия ей нужна собственная комната, но спать там без Себастьяна она не собиралась.

— А где ваша комната?

Он указал на последнюю дверь в противоположной стороне коридора.

— Я сплю с запертой дверью. И рекомендую вам сделать то же самое.

— Никогда бы не подумала, что жизнь в Чезвике опасна. В нашем доме слуги не запирают входных дверей, не говоря уже о внутренних. — Она попыталась улыбнуться.

Себастьян очень странно вел себя. Он как будто все время собирался ей что-то сказать. Что-то относящееся к делу, что-то важное, но почему-то все медлил.

— Опасность бывает разной, Элино́р. Вы должны это помнить.

— С вами я чувствую себя в безопасности.

Холодная маска официальности на его лице заставила Элино́р вздрогнуть.

— Ужин попадут в восемь часов, — хрипло сказал он. — Я сам провожу вас в столовую.

— Я буду готова, — ответила Элино́р, но он уже повернулся и ушел.

Проклятие, он чуть не потребовал, чтобы она уехала, пока еще не слишком поздно. Борясь с желанием, кляня себя за угрызения совести, которые могли все испортить, Себастьян направился к конюшням.

Хотя грумы уже почистили, накормили и напоили его лошадь, он снова взял щетку. Он почти надеялся, что Элино́р согласится на комнату в деревенской гостинице, но ее отказ не удивил его. Она верила, что он сдержит обещание и женится на ней. Верила, что она в безопасности.

Да, свою роль он сыграл прекрасно. Элино́р так влюбилась в него, что потеряла разум. Тогда почему он не упивается сладостью победы, которая уже близка? Со вздохом отвращения Себастьян швырнул щетку в угол стойла. Как ему пережить эту ночь под одной крышей с Элино́р, находясь почти рядом с ее комнатой?

Ужинали они в напряженном молчании. Хотя слуги не ожидали приезда хозяина, еда была хорошо приготовленной и обильной. Элино́р вежливо благодарила слугу после каждого блюда и хвалила мастерство кухарки. Но ела очень мало.

Себастьян вообще игнорировал еду, зато много пил и в конце концов приказал слуге оставить графин на столе рядом с ним. Время от времени он по собственной инициативе доливал ее бокал, но Элино́р лишь изредка делала небольшой глоток.

Он удивлялся, почему к ней еще не вернулся ее разум, почему она не сомневается в отсутствии викария, который должен был совершить их брачную церемонию. Ведь она умная, проницательная женщина, у нее должны были возникнуть подозрения.

— Уже поздно, — сказал он. — Думаю, вы очень устали. Я велю Джеймсу проводить вас до спальни.

— Я лучше подожду вас. — Она соблазнительно улыбнулась.

Слава Богу, что они тут не одни, иначе бы он дал волю своему желанию, посадил бы ее на колени и целовал до беспамятства. Тихо выругавшись, он осушил бокал, встал изза стола и направился к двери.

— Себастьян, подождите!

Удивленный слуга быстро отодвинул тяжелый стул, помогая Элинор подняться. Больше всего Себастьяну хотелось поскорее уйти отсюда, но хорошие манеры возобладали. Он не мог позволить, чтобы женщина шла за ним, как преданная собака, поэтому нехотя остановился и протянул ей руку.

Элинор крепко сжала ее и наклонилась так близко к нему, что он мог заглянуть в вырез ее платья. Искушение, которому было почти невозможно сопротивляться. Тем не менее он заставил себя отвести глаза. По дороге он прилагал все усилия, чтобы не замечать Элинор. У двери ее спальни он слегка покачнулся. Черт возьми, не надо было так много пить. Зная, что ни к чему хорошему это не приведет, Себастьян попытался сразу втолкнуть Элинор в комнату.

— Спокойной ночи.

— Вы не собираетесь поцеловать меня на ночь?

Он мысленно выругал себя за глупость. Естественно, она ждала знака любви, верила, что завтра станет его женой. Он быстро и крепко поцеловал ее.

— Вот! А теперь еще раз спокойной ночи, Элинор!

Она потянулась к нему, но Себастьян избежал ее объятий.

— Должна ли я ждать вас в моей спальне? — напрямик спросила Элинор.

Проклятие, что же делать? Он медленно покачал головой.

— Мы пока еще не муж и жена.

— Но скоро будем. Пожалуйста, останьтесь ночью со мной.

— Я не могу, — с трудом выдавил он.

— Почему?

«Потому что я забочусь о тебе. Потому что мои чувства выходят за рамки плотского желания. Потому что ты заслуживаешь намного большего, чем я способен тебе дать. Потому что я использую тебя, чтобы отомстить твоему отцу, возможно, даже убить его».

— Мы поговорим об этом утром, — хрипло произнес он. — Спокойной ночи, дорогая.

Себастьян повернулся и ушел. Он должен был чувствовать гордость за свое благородное поведение. А чувствовал себя ужасно. Расстроенным, злым, даже немного подавленным.

Хотя он привез сюда Элинор, чтобы вызвать скандал, он не воспользуется ее уязвимостью. Одной ночи, проведенной в этом доме без компаньонки, было достаточно, чтобы погубить ее. Но еще и оскорбить Элинор, лишив ее девственности, он не мог.

Элино́р в замешательстве стояла у двери. Что это значит? Он уже не считает ее привлекательной, желанной? Или что-то случившееся много лет назад в доме его детства было тайной причиной этого непонятного поведения?

Медленно войдя в спальню, Элино́р захлопнула дверь, села на краешек стула и попыталась осознать, что могло случиться.

В дверь тихо постучали. Элино́р со вздохом облегчения моментально распахнула ее.

— Я знала, что вы просто...

— Добрый вечер, миледи, — сказала миссис Флорид, присев в реверансе. — Я подумала, не требуется ли вам помощь, раз тут нет вашей горничной.

— А что случилось с Люси? — спросила Элино́р, имея в виду служанку, которая помогала ей мыться и одеться к ужину.

— У нее слишком много работы внизу. Но если хотите, я могу прислать ее к вам.

— Это не обязательно. Мне нужно только расстегнуть пуговицы на спине.

Миссис Флорид вошла и закрыла за собой дверь. Элино́р видела, что экономке хотелось поболтать, но, заметив нерасположенность госпожи к разговору, она сдержала себя, ловко помогла ей снять вечернее платье и молча удалилась.

Элино́р сидела за туалетным столиком, глядя на свое отражение в зеркале. Не такой она представляла себе эту ночь. Она думала, что ее будет раздевать Себастьян, с любовью целуя каждый участок обнаженного тела. Вместо этого компанию ей составляет обманутая надежда.

Она достала ночную сорочку и, надев ее, вернулась к зеркалу, чтобы посмотреть, как она выглядит. Да, в этой сорочке она выглядела соблазнительной и желанной. Но если некому ею восхищаться, то какой смысл надевать ее? Вздохнув, Элино́р вынула шпильки из волос и потянулась за щеткой.

Почему Себастьян оставил ее одну? Последние недели он делал все, что мог, чтобы оказаться наедине с ней. И сегодня днем он выглядел счастливым. Доказательством были теплые объятия и страстный поцелуй. Так что изменилось?

Она положила щетку. Можно сидеть здесь до утра, задавая себе вопросы, размышляя, делая предположения. Или узнать правду. Пойти и спросить его напрямик.

Себастьян явно хотел остаться в одиночестве, и все-таки следовало попытаться выяснить, что происходит.

Элино́р накинула халат, затянула пояс и босиком побежала к его спальне. Она была почти уверена, что комната заперта, как он ей сказал. Но когда она повернула ручку, дверь с легким скрипом распахнулась.

Несколько раз моргнув, чтобы привыкнуть к мраку, Элино́р шагнула в спальню, освещенную лишь горевшим камином.

— Какого черта вы тут делаете?

Она повернулась на голос, донесшийся с противоположной стороны комнаты. Себастьян растянулся в большом кресле у огня, его ноги лежали на скамеечке. Вечерний сюртук, галстук и жилет он уже снял, белая рубашка была расстегнута, открывая грудь с темными волосами.

— Я спросил, что вы тут делаете, — повторил он.

Элино́р невольно отступила. Его красивое лицо выражало неудовольствие. Сейчас он походил на медведя в клетке, раздраженного, готового разорвать в клочки первого, кто подойдет ближе. Такого она видела однажды на сельской ярмарке.

— Мне показалось, вы были слегка не в духе, когда мы простились, — сказала Элино́р, медленно приближаясь к нему. — Я хотела убедиться, что все в порядке.

— Ерунда. — Он тяжело сплотнул и закрыл глаза. — Прошу вас извинить меня за грубость.

— Да ничего страшного. — Она сделала еще несколько шагов к скамеечке для ног. Ласково положив руку ему на колено, она добавила: — Но вы правы. Я здесь не только ради того, чтобы проверить, все ли с вами в порядке. Мы оба можем быть честны друг с другом. А это очень важно, Себастьян, не так ли?

— Я думаю, это очень плохая идея.

— Правда?

Он допил содержимое бокала и взглянул на нее.

— Хорошо. Честность так честность. Вы не должны быть здесь, Элино́р.

— Ерунда. — Опустившись на колени, она крепко обхватила его согнутые ноги. — Мы оба хотим быть этой ночью вместе.

— Нет.

Себастьян попытался разжать и отвести ее руки. Элино́р не позволила ему освободиться и, замерев, ждала его следующего шага. Если бы он поцеловал ее, тогда все опять встало бы на свои места. Увы, он не собирался этого делать. Значит, она должна взять инициативу на себя.

Ее дерзкий вызов потряс Себастьяна, но ответа с его стороны не последовало. Элино́р испугалась. Кажется, она допустила громадную ошибку, и сейчас он ее прогонит. Вместо этого он вдруг посадил ее к себе на колени и завладел ее ртом.

Двигая бедрами, Элино́р чувствовала растущую твердость у него в паху. Это была победа. Наконец она познает близость, к которой так стремилась телом и душой, соединится с человеком, которого любила.

Она и должна была полюбить его. Себастьян обратил на нее внимание, когда никто даже не замечал ее. Слава Богу, что он вошел в ее жизнь именно сейчас, когда она уже не юная девушка и вполне созрела, чтобы понять, каким редким даром награждена.

Их поцелуи становились все более нетерпеливыми, страстными, требовательными. Элино́р пыталась выразить глубину своих чувств руками, губами, языком. Себастьян не оставался в долгу, пока вдруг не отстранил ее.

— Вы не должны здесь быть. Мы не должны этого делать.

— Вы повторяетесь. — Она ласково погладила его по щеке. — Право, Себастьян, мы знакомы не первый день, и вам уже следовало бы понять, что я редко слушаюсь кого-либо.

Он криво улыбнулся:

— Хотите выпить?

— Почему бы и нет?

Ответ удивил Себастьяна. Тем не менее, осторожно сняв ее с колен, он достал хрустальный бокал, наполнил его и протянул ей.

— Бренди.

— Прекрасно. — Элино́р сделала маленький глоток, помня крепость напитка.

Она заметила, что себе он больше не налил. Вместо этого прислонился к каминной

полке и с хмурым видом скрестил руки на груди. Он выглядел раздраженным, даже опасным. Элино́р представила его пиратом в расстегнутой белой рубашке, высоких черных сапогах, обтягивающих штанах и с абордажной саблей в руке. От его мужественной красоты у нее почти захватило дух.

— Вам нравится напиток? — спросил он.

— Да. Превосходный бренди.

— Вы достаточно выпили в былые времена, чтобы делать сравнение? — Он засмеялся и покачал головой. — Не знал, что вы так хорошо в этом разбираетесь.

— Вы еще многого не знаете обо мне, Себастьян, но скоро все изменится. Поговорите со мной. Я не понимаю, что случилось.

Он молчал. Элино́р ждала. Видимо, нежность и любовь, которые она чувствовала к нему, отразились на ее лице, потому что он со стоном оттолкнулся от каминной полки и подошел к ней.

— Я не лягу с вами в постель. По крайней мере сегодня. И не могу объяснить почему, — хрипло сказал он. — Вы должны уйти, Элино́р. Пожалуйста.

Он уже с трудом владел собой. Все эти недели игр с Элино́р без собственного удовлетворения привели к тому, что он готов был упасть на нее, как голодный зверь на свою добычу. А это наверняка случится, если он не выпроводит ее из спальни.

Элино́р позволила халату распахнуться, дразня его беспрепятственным видом прозрачной сорочки и выступающих грудей.

— Я не могу пока уйти, Себастьян. Я чувствую, что вы нуждаетесь во мне. Если вы не хотите заняться со мной любовью, тогда позвольте мне принести вам облегчение.

— Боже, Элино́р, что вы делаете? — простонал он.

Ее ладони уже чувственно двигались по его груди вниз к животу, потом снова вверх. Лаская сквозь ткань рубашки его соски, она наклонилась и поцеловала впадинку горла.

— Вы прекрасны, — мурлыкала она. — Такой сильный, такой гладкий, такой мускулистый.

В этот момент Себастьян осознал, что его потребность в ней была намного сильнее, чем его решимость противиться ей.

Он бездейтельно стоял, пока она боролась с его запонками, а потом с торжествующей улыбкой стянула с него рубашку. Он знал, что сопротивление бесполезно, особенно когда Элино́р решила соблазнить его.

— Идемте в мою постель, — настойчиво прошептал он, выбрасывая из головы все другие мысли.

Утром она возненавидит его, но сейчас, ночью, она хотела принадлежать ему. И он тоже хотел этого больше всего на свете.

По дороге халат Элино́р исчез, и когда они упали на кровать, Себастьян мгновенно обхватил руками ее груди. Взяв в рот один из твердых розовых сосков, он лихорадочно расстегнул брюки, чтобы освободить самую жаждущую часть тела.

— Я хочу гладить тебя, — бесстыдно прошептала она. — Везде.

Ее пальцы изучающе скользнули по волосам ниже пупка. Себастьян поднял бедра, когда она ласково обвела пальцем головку напряженного члена. Он содрогнулся, и она повторила движение.

— Элино́р, — выдохнул он. — Помедленнее, дорогая, иначе все быстро кончится.

— Пожалуйста, Себастьян. Я хочу сделать это.

В полутьме он видел ее глаза, блестящие от желания. Никогда еще она не выглядела более привлекательной, более возбуждающей.

— Погладь меня. Возьми его в руку.

На ощупь член оказался изумительным, твердым, с гладкой бархатистой кожей. Элинон несколько раз погладила его по всей длине.

— Так? — спросила она.

— Сожми его крепче. Двигайся быстрее.

Подчинившись, Элинон обхватила пенис у основания и потянула вверх.

— Вот так?

— Да, — с трудом выдавил он.

Найдя ритм, она ласкала его с возрастающей уверенностью, пока Себастьян не почувствовал, что сейчас потеряет над собой контроль. Он сжал ее руку и вдруг закричал, когда горячее семя оросило их руки.

Некоторое время они лежали рядом, потом Элинон встала с постели. Он хотел удержать ее, но был не способен ни двинуться, ни заговорить.

Она быстро вернулась, обтерла его влажным полотенцем и снова легла.

— Ты в порядке? — наконец спросил он, какимто образом найдя силы приподняться на локте, чтобы видеть ее раскрасневшееся, сияющее лицо.

— Да, я счастлива, благодарю тебя, — чопорно ответила Элинон.

— Это было... потрясающе. Благодарю тебя. — Он поднес к губам ее руку и медленно поцеловал каждый палец. — Я не догадывался, насколько ты смелая, неудержимая женщина. И мне это очень нравится.

— Я рада.

— Но мне стыдно за такое возмутительное обращение с леди.

— Стыдно?

— Внимательный джентльмен не оставляет свою партнершу неудовлетворенной.

— Вряд ли я не удовлетворена, сэр.

— Не могу согласиться.

Еще выше приподнявшись, он с жаром поцеловал ее, и она так же пылко отвечала ему. Когда оба остановились, чтобы вздохнуть, Элинон улыбалась.

— Дай мне двадцать минут, дорогая, и я покажу тебе, что имею в виду.

— Двадцать?

— Может, хватит и пятнадцати, если ты опять поцелуешь меня.

Пятнадцать минут? Элинон посмотрела на его пах и убедилась, что Себастьян не преувеличивает. Под ее взглядом пенис начал твердеть, поднимаясь из расстегнутых брюк.

— Это кажется невозможным, и всетаки... — Голос у нее замер от удивления.

— Обычно все не так, — согласился он. — А сейчас, даже удовлетворенный, я хочу тебя. Со страстью, граничащей с безумием.

— Да здравствуют чудеса, — прошептала она.

Себастьян засмеялся. Когда он потянул вверх подол ночной сорочки, она с готовностью подняла руки и в следующий момент уже лежала перед ним голой.

Элинон следовало бы почувствовать смущение, а вместо этого ей страстно хотелось увидеть голым и его тоже. Она потянулась к брюкам, но Себастьян оказался проворнее и бросил их на пол рядом с ее сорочкой. Она восхищенно смотрела на его мускулистые

гладкие бедра и толстый пенис, гордо вздымавшийся из чащи темных волос.

— Теперь моя очередь удовлетворить тебя.

Он коснулся обнаженной груди. Пальцы ритмично скользили вокруг затвердевшего соска, потом он взял его в рот. Элино́р извивалась под его руками, пока он гладил то одну, то другую грудь.

Чувствуя копившуюся между ног влагу, она в беспамятстве схватила его за волосы и притянула к себе. Его рука легла на кудрявый нежный треугольник, сильные пальцы раздвинули нежную плоть, скользя вдоль гладких складок, исследуя их. Затем он ввел один палец внутрь, заставив ее выгнуться. Добавил второй.

Желание требовало немедленного удовлетворения, и она могла лишь надеяться, что не разлетится на куски прежде, чем он возьмет ее.

— Пожалуйста, Себастьян, — умоляюще шептала она.

— Скажи, что хочешь меня, Элино́р. Скажи мне, дорогая.

— Я умираю от желания почувствовать тебя внутри. Скорее!

Он раздвинул ей ноги и одним толчком вошел в нее.

Элино́р напряглась, сопротивляясь вторжению. Когда она вскрикнула от боли, он замер на ней, тяжело дыша.

— Потерпи немного. К сожалению, без этого не обойтись. Дальше будет легче, — прошептал он.

Вряд ли, подумала она. Член слишком большой, ее тело сжимает его как слишком тесная перчатка.

Он снова начал двигаться, и ее охватила паника, когда она поняла, что он лишь частично вошел в нее, все мучения еще впереди. Боль только усилилась, пока он медленно и настойчиво продвигался внутрь.

Наконец он полностью вошел в нее.

Лишь теперь она почувствовала, как его мышцы дрожат от напряжения. С трудом сдерживая себя, он заставил ее обхватить ногами его талию, что позволило ему войти еще глубже. Как ни странно, неприятное ощущение уменьшилось и боль отступила, когда ее тело приспособилось к его проникновению.

Так необычно держать этот мужской орган у себя внутри, подумала Элино́р. Она даже не представляла, что два человека могут быть настолько близки.

Себастьян начал двигаться, и все мысли улетучились, как пух одуванчика.

— Теперь лучше? — спросил он.

Элино́р ответила ему поцелуем.

На этот раз она кричала уже не от боли — от страсти. Давя пятками ему на ягодицы, она поощряла его с бесстыдным исступлением, которому не могла сопротивляться. Выгибалась ему навстречу, чтобы вобрать его настолько глубоко и крепко, насколько позволяло ее тело.

Это было полнейшее блаженство.

Она билась в экстазе, пока внутри не осталось ничего, кроме абсолютного счастья.

Элино́р еще парила, когда его толчки стали глубже, мощнее, быстрее. Он вдруг замер. Потом неистово содрогнулся, изливаясь, и с громким криком облегчения упал на нее.

Придавив ее своей тяжестью к матрасу, Себастьян еще несколько минут оставался в ней. Она чувствовала, как постепенно расслабляется его тело. Наконец он поцеловал ее и лег рядом.

Ей очень хотелось поговорить с ним, выразить словами то, что сейчас произошло между ними. Спросить, почему он колебался, прежде чем взять ее в свою постель, и доволен ли он, что теперь она принадлежит ему.

Но, судя по ровному дыханию Себастьяна, он уже уснул. Его тепло согревало ее, и она закрыла глаза, присоединившись к нему в блаженном беспомыслии.

После короткого сна Элино́р разбудило ощущение чего-то мокрого и теплого у нее между ног. Открыв глаза, она увидела стоящего у кровати Себастьяна, который осторожно протирал ее. Вид крови на простыне так его расстроил, что она почувствовала непреодолимое желание утешить его.

— Мне было не слишком больно, всего мгновение.

— Прости. Я не думал, что так получится. Я не хотел.

— Но я счастлива, что это наконец случилось, — ответила Элино́р, потянувшись к нему.

Себастьян лег рядом. Объятия, поцелуи, нежные ласки вскоре привели к тому, что Элино́р оказалась на нем с широко раздвинутыми ногами. По телу пробежала дрожь. Она поняла его намерение, только не представляла, как это можно осуществить.

— Используй колени, чтобы поднимать бедра, — хрипло объяснил Себастьян.

Он схватил ее за талию и потянул вперед. Элино́р почувствовала, как головка пениса начала медленно входить в нее. Потом он вдруг остановился.

— Чтонибудь не так? — прошептала она.

Себастьян задрожал под ней, стараясь не потерять контроль.

— Я хочу, чтобы и тебе было хорошо.

Элино́р слегка передвинулась вниз, затем, следуя указаниям, села на твердый пенис, вобрав его в себя и крепко сжав внутренними мышцами. Сначала ее движения были неуклюжими, почти робкими, но Себастьян руководил ею, шепча советы, от которых она все больше краснела.

Похоже, он с удовольствием позволял ей самостоятельно устанавливать темп. Элино́р нравилось быть хозяйкой положения, чувствовать свою власть, испытывая его выносливость, дразня сексуальными движениями. Внезапно он с рыком схватил ее за ягодицы и, крепко держа, мощными, быстрыми толчками вверх повел их обоих к экстазу, пока оба не лишились сил.

Элино́р заснула в объятиях Себастьяна с ощущением невероятного счастья, ей даже не верилось, что такое в жизни возможно.

Ее разбудил яркий луч солнца. Открыв глаза, Элино́р, к глубокому разочарованию, обнаружила, что лежит в собственной постели. Одна. Молодая служанка Люси принесла горячий шоколад и весело болтала, помогая ей умыться и одеться.

Себастьян уже сидел за обеденным столом, перед ним стояла холодная тарелка с нетронутой едой. Он вежливо поднялся и, когда Элино́р села, взмахом руки отпустил слуг. У нее почему-то возникло нехорошее предчувствие.

— Мы должны поговорить, — заявил Себастьян.

Она кивнула, но им помешал Хиггинс, вошедший с докладом, что прибыл граф Хетфилд и ожидает в гостиной.

— Мой отец? — Элино́р побледнела. — Что он тут делает?

Повинуясь взгляду хозяина, дворецкий мгновенно исчез, и Себастьян встал из-за стола. Проклятие! Он хотел ей все объяснить, по крайней мере попытаться объяснить, но теперь слишком поздно.

— Я думаю, граф приехал за тобой.

— Как он узнал, где меня найти? — дрожащим голосом спросила Элино́р.

— Перед отъездом из Лондона я направил ему письмо с сообщением, что ты уехала со мной.

— Хотелось бы, чтоб сначала ты спросил меня.

— Прости. — Себастьян отвернулся. — Полагаю, будет лучше, если я встречу с графом наедине. Я пришлю за тобой Хиггинса, когда мы все уладим.

Он практически выбежал из столовой. Им владела такая жажда мести, что в его душе не осталось никаких чувств, кроме неистового стремления уничтожить своего врага.

Когда он вошел в гостиную, Хетфилд мельком взглянул на него. Судя по безупречному костюму и тщательно уложенным волосам, граф не слишком торопился спасти дочь.

— И зачем вы меня вызвали сюда? — спросил он. — Какого черта, Элино́р, что происходит?

Себастьян оглянулся. Проклятие! Он велел ей ждать в столовой, потому что хотел избавить ее от неприятной сцены. А теперь делать нечего. Придется играть теми картами, которые сдал.

Подойдя к Элино́р, он самодовольно обнял ее за талию.

— Она со мной.

Граф прищурился:

— Вы провели ночь здесь, вместе и без камеристки?

— Да.

Подавив стон, Элино́р умоляюще глядела на Себастьяна. Тот отвел глаза.

— Все не так плохо, как выглядит, — сказала она и повернулась к отцу.

Хетфилд стиснул зубы.

— Это выглядит скандально. Если кто-нибудь узнает, репутация Элино́р будет погублена. Раз вы призвали меня в свидетели этого скандала, Бентон, я предполагаю, что вы собираетесь на ней жениться. Немедленно.

— Предположения часто ошибочны, Хетфилд.

— Что вы хотите этим сказать? — нахмурился граф.

Себастьян безрадостно засмеялся, отпустил Элино́р и подошел к камину.

— Я не собираюсь жениться на вашей дочери. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Углом глаза он увидел, как Элино́р вздрогнула и обхватила себя руками. Она больше не смотрела на него.

— Зачем же вы обесчестили ее?

— Он не... — попыталась возразить Элино́р.

— Молчи! — одернул ее граф и повернулся к Себастьяну. — Ваше самодовольное выражение говорит мне, что она провела ночь в вашей постели, Бентон. Это просто забава? Наверняка вы не могли считать ее привлекательной. Так в чем дело? Сначала та карточная игра на балу герцога Уоррена, где вы лживо обвинили меня в шулерстве, теперь эта мерзость. Что вы задумали?

— Мсть. — Себастьян выплюнул это слово с лютой ненавистью, которая жила в его душе.

— За что? Я вас не знаю.

— Вы знали мою мать. Или вы ее не помните?

Наступило короткое молчание. В глазах Хетфилда мелькнул испуг.

— Я помню графиню. Может, вы не поверите, но я всегда сожалел, что между нами все

так плохо закончилось.

— Плохо? Ваше бессердечное пренебрежение вызвало ее смерть. И за это вы должны ответить.

— Если вы собирались вызвать меня на дуэль, почему ждали столько лет?

— Мешали обстоятельства. Кроме того, я никогда бы не запятнал безупречную репутацию матери, открыв причину ее смерти.

— А, понимаю. Вместо этого вы погубили репутацию моей дочери. Ловко.

Себастьян почувствовал себя отъявленным негодяем.

— Репутация леди Элинор не принесена в жертву, пока никто другой не знает о случившемся. Выбирайте оружие, назовите секундантов, граф. Если завтра на рассвете мы встретимся в Хэмпстеде, я клянусь не предавать гласности этот инцидент. Ваша фамильная честь будет сохранена, независимо от результата дуэли.

— А если я откажусь участвовать в этой смехотворной мелодраме, которую вы так заботливо состряпали?

— Вы уже знаете, что случится, — процедил Себастьян.

— О да, всему обществу станет известно о вашей любовной связи с моей незамужней дочерью. — Граф смахнул с рукава соринку. — Делайте свое объявление. Можете даже опубликовать его в «Таймс», если хотите.

У Себастьяна отпала челюсть.

— Вы блефуете, Бентон.

— Нисколько.

— Возможно, и нет. — Хетфилд равнодушно пожал плечами. — В любом случае для меня это не имеет значения. Если вы погубите Элинор, я отрекнусь от нее, прогоню из моего дома и семьи. Меня скандал едва ли коснется. А если Уэверли откажется от Бьянки, я выдам ее за Фарли с выгодой для себя. И поскольку вы молчите, я должен определить соответствующее наказание для безмозглой Элинор. Я не приму вызова ни по какому поводу, ни при каких обстоятельствах.

На миг у Элинор потемнело в глазах. Она, конечно, ослышалась. Себастьян не мог хладнокровно планировать их любовную связь ради мести графу. Нет, это не может быть правдой. Она что-то не так поняла.

Себастьян заботился о ней. Считался с ее взглядами, просьбами, желаниями. Он хотел быть с ней. Они собирались пожениться — прямо здесь, в доме его детства, по специальному разрешению. Ночью он занимался с ней любовью. И еще рано утром. Нежно, трепетно, страстно.

И что же, теперь оказывается, что все это был обман. Жестокая, мстительная ложь?

Элинор пыталась сосредоточиться на их разговоре, но в ушах у нее зазвенело, ноги стали ватными. Она поняла, что должна сесть, и, ухватившись за край буфета, медленно преодолела расстояние до небольшого парчового дивана. Она упала на мягкие подушки, растерла предплечья, чтобы вернуть к жизни онемевшее тело. Но помочь своему разбитому, болевшему сердцу не могла.

Человек, который занимался с ней любовью, который боготворил ее тело, доставил ей такое громадное удовольствие, предал ее. Все это было умышленной хитростью, чтобы иметь возможность свести счеты с ее отцом.

«Встань, повернись к двери, уходи отсюда», — приказывал ей внутренний голос. Но Элинор будто приросла к месту, вынужденная сносить унижение, рвавшее когтями остатки

ее гордости. Она пыталась слушать и понять, о чем они говорят.

Они спорили. О ней. Нет, о дуэли. Граф отказывался принимать вызов. Ее честь ничего для отца не значила. Как и она сама.

Элино́р прижала ко рту кулак, чтобы не издать ни звука и сдержать рыдания. Затем невероятным усилием подняла себя с дивана, сделала несколько пробных шагов и наконец покинула гостиную.

Ни Себастьян, ни граф не пытались ее остановить. Честно говоря, Элино́р сомневалась, что кто-то из них вообще заметил ее уход.

Дрожа от гнева и разочарования, Себастьян наблюдал, как Хетфилд с умышленной медлительностью натягивает перчатки. Его план мести, так хорошо продуманный, рассыпался, словно карточный домик. Граф опять избежал расплаты.

Он спокойно уходит. И что теперь?

— Хетфилд!

Тот со скучающим видом повернулся.

— Успокойся, Бентон. Примите мой совет. Будьте джентльменом и оставьте все как есть, — самодовольно произнес граф.

Весомый ответ последовал незамедлительно. Кулак Себастьяна врезался ему в солнечное сплетение, и он согнулся пополам, хватая ртом воздух. Как только граф выпрямился, Себастьян нокаутировал его ударом в челюсть. Хетфилд рухнул на ковер.

Дверь гостиной тут же распахнулась, и вошли два смущенных лакея, которые с изумлением взглянули на поверженного, затем на Себастьяна.

— Лорд Хетфилд покидает нас, — заявил Себастьян, потирая разбитый кулак. — Проводите его до кареты.

Слуги подбежали, чтобы помочь графу подняться. Встав, он сбросил их руки и вытер с лица кровь.

— Хотя я не признаю за собой вины, я забуду об этом.

— Жаль. Я надеялся, что вы мне ответите, чтобы я мог снова уложить вас на ковер.

Граф молча развернулся и под конвоем слуг покинул гостиную.

Себастьян упал в кресло. Взбучка, заданная Хетфилду, принесла ему временное облегчение, которое быстро прошло, оставив его с раздражающим чувством несостоятельности.

Хетфилд — злобный ублюдок, лишенный чести и совести. Его обращение с матерью Себастьяна было непростительным, но и обращение с собственной дочерью было не лучше. Сознание, как мало уважает ее отец, наверняка причинило Элино́р боль, которой она не заслуживала.

Себастьян виновато повернулся, чтобы взглянуть на нее, и понял, что она ушла.

* * *

Часы громко тикали, отсчитывая секунды, казавшиеся бесконечными. Элино́р сидела в кресле, рядом стояла уложенная дорожная сумка. Приближающиеся шаги моментально вывели ее из оцепенения, и, когда Себастьян вошел в спальню, она уже была готова к тому, что должно последовать.

— Граф уехал? — спросила она, сжав руки, чтобы унять их дрожь.

— Да.

— Будет ли дуэль?

— Нет. Он отказался.

Себастьян выглядел таким угнетенным, что она могла бы даже посочувствовать ему. Но ее сердце застыло от боли предательства.

— Я тоже скоро уеду и перед этим должна спросить вас. Зачем?

Он, слава Богу, не стал притворяться, что не понял.

— У графа была любовная связь с моей матерью. Думаю, сразу после того как он овдовел. А когда она забеременела, он тут же отказался даже видеть ее. В отчаянии мать повесилась. Я нашел ее безжизненное тело.

Элинор вздрогнула. Боже, все оказалось намного ужаснее, чем она предполагала.

— И сколько вам было лет?

— Двенадцать.

— Слишком юн для мести. Но почему вы так долго ждали?

— Я обещал бабушке не сталкиваться с графом. А когда несколько месяцев назад она умерла, я получил свободу действий.

— Вы собирались убить его?

Себастьян пожал плечами.

— Возможность ранить противника существует всегда, будь то шпага или пистолет. Я бы не чувствовал никаких угрызений совести, если бы нанес роковой удар.

Отчасти Элинор понимала его жажду крови, хотя не могла принять его методы.

— К несчастью, граф довольно ловко расстроил ваш искусный план, не так ли? Теперь мне ясно, что сначала вы хотели сделать жертвой Бьянку, намереваясь погубить репутацию моей сестры. — Он кивнул. — А знаете, тогда бы все могло закончиться по-другому. Полагаю, отец не слишком уважает Бьянку, просто она имеет для него большую ценность. Он привез ее в Лондон, чтобы выгодно сбыть с рук. Но вовлечение Бьянки в такой грязный скандал очень затруднит его задачу. Он может бросить ее хищникам, как поступил когда-то со мной. Если не виконт Фарли, найдется еще кто-то, готовый заплатить за честь женитьбы на дочери графа. Наш отец не связан никакими правилами и нормами, кроме собственных. А моральные нормы ему вообще чужды. В этом вы с ним похожи.

Конечно, сравнение Себастьяна с его врагом было наглостью, но Элинор не могла удержаться, чтобы не сказать это.

Себастьян отвел взгляд.

— Я знаю, мои поступки нельзя оправдать событиями прошлого. Но я не хотел тебя оскорбить и сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить и сохранить твою репутацию.

Она притворно засмеялась:

— Не слишком ли поздно, милорд?

— Я так не думаю. Лишь мы трое знаем, что ты оставалась здесь прошлой ночью.

— Мне плевать на мнение света обо мне, я боюсь, что моя глупость может повредить Бьянке. Я никогда себе не прощу, если она пострадает из-за того, что меня так легко одурачить крупицей мужского внимания и лестью. Должно быть, вы забавлялись, наблюдая, как старая дева с радостью делает из себя дурочку. Хотя одному Богу известно, чего вам стоило поцеловать меня.

— Напротив. Целовать тебя всегда было огромным удовольствием. Я знал, это было

неправильно. Клянусь, Элино́р, ты должна мне верить, я пытался удержать себя, но был не в состоянии тебе сопротивляться.

Он прав. Она не могла сваливать вину за случившееся только на него.

— Да, я лишила вас такой возможности. Явилась прошлой ночью к вам в спальню и вела себя как шлюха.

Себастьян вздрогнул.

— Боже мой, это было совсем не так, Элино́р.

Сердце у нее сжалось от боли в его голосе, и она выругала себя за то, что оказалась дважды душой.

— Не так?

— Это было прекрасно. Воспоминание о том, как мы занимались любовью, я буду хранить как сокровище. Пусть даже и не имею на это права.

Он смотрел на нее с такой нежностью и сожалением, что Элино́р едва не потеряла тонкую нить самообладания.

Она резко встала.

— Я уезжаю.

— Что ты намерена делать?

— Пока не знаю.

Элино́р вдруг испугалась. В Лондон она вернуться не могла. Уехать в их поместье и жить там под угрозой, что появится граф и выгонит ее из дома? Она глубоко вздохнула и расправила плечи.

— Но я не собираюсь до конца дней утопать в жалости к себе и раскаянии. Вы этого не стойте.

— Тут наши мнения совпадают.

Она бросила на него испепеляющий взгляд и направилась к двери, захватив по пути свою дорожную сумку.

— погоди! Куда ты собралась?

— К тете. В Бат. Она даст мне убежище.

— Ты уверена? Может, следует написать ей и дождаться приглашения?

— Тетя Джейн — сестра моей бабушки с материнской стороны. Она незамужняя, великодушная женщина и никогда не любила графа. Мы встречались только два раза, но постоянно обмениваемся письмами. Она примет меня, пока я не улажу свои проблемы.

Сказав это, Элино́р почувствовала уверенность, которая помогла ей успокоить вихрь паники. Она смотрела, как Себастьян роется в кармане, и вдруг догадалась о его намерении.

— Клянусь, если вы попытаетесь дать мне денег, я вас ударю.

Он беспомощно опустил руки.

— По крайней мере возьми мою карету. Она удобна и безопасна. Ты не можешь путешествовать в дилижансе без сопровождения горничной.

— О да, опять моя драгоценная репутация.

— Элино́р, пожалуйста. Будь разумной.

Как ни печально, Себастьян прав. Не имеет смысла отказываться, поскольку другого выхода у нее все равно нет. Как сказала бы ее шотландская экономка: «Ничего не доказывает девушка, которая назло своей лошади идет пешком».

— Я беру вашу карету, — ворчливо согласилась она. — Но я должна ехать сейчас.

Он кивнул.

— Потребуется несколько минут, чтобы запрячь лошадей.

Затаив дыхание, Элино́р спускалась с лестницы, Себастьян шел за нею. К счастью, им не попался никто из слуг, было бы слишком унижительно встретить миссис Флорид или Хиггинса. Она могла представить, какие пересуды идут сейчас на кухне и в помещении для прислуги.

Элино́р с тревогой бродила по фойе, пока Себастьян отдавал распоряжения. Хотя он быстро вернулся, ей показалось, что прошло несколько часов. То ли увидев, то ли почувствовав ее состояние, он не предложил ей руку, и они в напряженном молчании вышли из дома.

Элино́р быстро забралась в карету и захлопнула дверцу, чтобы избежать окончательного прощания. Она знала, что не вынесет ни слова, ни даже взгляда Себастьяна, и запретила себе глядеть в окно, пока они не выехали на главную дорогу.

Лишь тогда она заметила, каким голубым было небо, как ярко светило солнце, какой стоял теплый, прекрасный день. Таким днем хорошо гулять в саду или читать под тенистым вязом. А лучше всего провести день в обществе Себастьяна, в его объятиях.

Слезы неудержимо катились по щекам. Она плакала не только о том, что потеряла, но и о том, чего уже не будет иметь: любящего мужа, который бы уважал и понимал ее, детей, чтобы растить и нежно любить.

Но горше всего она рыдала потому, что никогда не разлюбит Себастьяна, несмотря на его предательство.

Путешествие в Бат прошло на удивление спокойно. Кучер был умелым, два грума — отлично подготовленными. Они выбирали самые чистые, безопасные гостиницы, заказывали еду, комнаты и свежих лошадей. Платили за все тоже они, хотя Элино́р ни разу этого не видела.

С ней обращались предельно вежливо и почтительно. Даже погода оставалась превосходной. В общем, путешествие было приятным, но Элино́р днем и ночью могла думать лишь о причине своей поездки в Бат. Хотя она старалась овладеть положением, взять себя в руки, теперь ее преобладающим чувством стал гнев. На Себастьяна за его бессердечное обращение с нею. На себя — за то, что оказалась такой наивной дурочкой. На отца — за его жестокость ко всем женщинам в его жизни.

Когда они подъехали к дому тети, Элино́р уже впала в такое оцепенение, что могла действовать только благодаря силе воли. Один из грумов проводил ее к входной двери, он же сообщил дворецкому, кто она и кого хочет видеть.

Тете Джейн хватило одного взгляда на ее безжизненное лицо. Элино́р сразу провели в лучшую гостевую комнату, светлую, красивую, в желтых тонах, с изящной французской мебелью.

После теплой ванны и чашки крепкого чаю Элино́р легла на большую кровать с пологом, свернувшись калачиком под бледножелтым атласным одеялом и забылась сном.

Она два дня не покидала постель, заставляя себя проглотить несколько кусочков еды, которую приносила ей служанка.

На третий день Элино́р буквально подтащила себя к туалетному столику и апатично сидела, пока служанка укладывала ей волосы, а затем помогла надеть простое дневное платье. Идя в столовую, она все еще не знала, что скажет тете Джейн, как объяснит свой визит.

— Рада тебя видеть на ногах, Элино́р, — улыбнулась тетя и опустила лорнет, висевший на серебряной цепочке. — Ты лучше себя чувствуешь?

— До некоторой степени.

Тетя Джейн кивнула:

— Сядь. Горячая еда вернет цвет твоим щекам.

Элино́р села и, хотя не чувствовала голода, взяла серебряную вилку, чтобы не выглядеть неблагодарной.

— Я читала вчерашнюю «Таймс», — сказала тетя и жестом отпустила слугу, когда он налил ей кофе. — О тебе ни слова. Думаю, это хороший знак.

— Да, — прошептала Элино́р. — И все же сообщение может появиться. Думаю, будет честно предупредить тебя.

— Я почтенная женщина, принятая во всех лучших домах. Прости за хвастовство, но многие считают меня столпом нашего узкого круга. Тем не менее я не ханжа. — Тетя Джейн потрепала ее по руке. — Полагаю, в трудную минуту отец бросил тебя?

Элино́р проглотила комок.

— Мы чужды друг другу, и, по всей вероятности, это уже навсегда.

— Печально. Для него. Правда, не скажу, что удивлена. Граф всегда был дерьмом. — Элино́р поморщилась. — Если хочешь поделиться со мной, я выслушаю тебя и дам совет.

— Прости, я... я пока не могу.

— Ничего страшного, — успокоила ее тетя Джейн. — Благодаря предусмотрительности моей матери, я женщина с независимыми средствами. А поскольку ты уже вышла изпод опеки графа, то можешь оставаться здесь сколько захочешь.

Элино́р почувствовала облегчение.

— Я не хочу навязываться. Если ты не держишь компаньонку, может, возьмешь меня?

— Ты дочь графа, Элино́р, леди по рождению и воспитанию. А леди не унижают себя работой.

— Я не привыкла к безделью, тетя, и намерена быть тебе полезной.

Тетя Джейн смягчилась.

— Я очень рада, что ты приехала, дорогая. По неизвестной причине граф умышленно препятствовал моим встречам с тобой и Бьянкой. Я всегда хотела близких отношений с вами обеими и чрезвычайно сожалею, что не сумела этого добиться. Увы, женщины имеют мало влияния в нашем обществе. Всем заправляют мужчины. И мы должны разумно это обстоятельство использовать. Как бы то ни было, я рада, что могу тебе помочь. Тем более что другой семьи у меня нет.

— Моя благодарность не имеет границ, тетя Джейн. Если бы не ты, я не знаю, куда бы могла пойти, что бы со мной стало.

— Выше голову, девочка. Тебе рано еще быть такой сентиментальной. И если ты закончила возить еду по тарелке, я бы хотела показать тебе наш дом.

У Элино́р перехватило горло, и она не могла сдержать рыдания.

— Поплачь, дорогая. Потом утри слезы, подними голову и пошли к черту всех, кто заставил тебя страдать.

Следующие две недели Элино́р жила по непривычному для нее распорядку. Завтрак с тетей Джейн, сопровождаемый обсуждением новостей в газете. Оставшаяся часть утра посвящалась корреспонденции, хотя она писала только Бьянке, не получая ответа. Неизвестность расстраивала Элино́р, однако не удивляла, так как ее письма мог перехватывать граф.

Затем Элино́р читала или вышивала, пока тетя Джейн распоряжалась по хозяйству. После чая следовали визиты, посещение магазинов или прогулка в парке. Вечером были званые ужины, карточная игра, концерты. Благодаря тетиному влиянию Элино́р легко приняла в небольшое провинциальное общество. Если причины ее неожиданного появления в Бате и обсуждались, то не в присутствии Элино́р. Она всегда оставалась вежливой и сдержанной, радуясь, что не встретила здесь никого из лондонских знакомых.

В конце концов она привыкнет к скромной и простой жизни провинциальной благовоспитанной леди. А принимая во внимание обстоятельства, Элино́р знала, что она была очень счастливой женщиной. Если даже не всегда это чувствовала.

Она постоянно скучала по Бьянке и с тревогой думала о том, что мог рассказать граф младшей дочери. Когда она поделилась беспокойством с тетей Джейн, та одобрила ее намерение соблюдать осторожность, поскольку Бьянка еще жила под опекой графа и подчинялась его прихотям. А когда она выйдет замуж, восстановить отношения будет намного легче. Что же касается свадьбы, они поедут даже без приглашения.

Элино́р сидела в гостиной с книгой в руке, тетя Джейн изучала недельное меню. Тишина была умиротворяющей, атмосфера приятной. Все испортил дворецкий.

— Там у входа джентльмен, мадам, — доложил он и протянул визитную карточку на серебряном подносе.

— В такое время? Еще слишком рано для визитов. — Тетя Джейн посмотрела на карточку. — Ты уверен, что джентльмен спрашивает меня, а не леди Элинора?

— Он спрашивал вас, мадам.

— Джентльмен явно пришел не в тот дом, — проворчала тетя Джейн. — Я не знакома с ним и ни с кем из его родственников.

— Как зовут джентльмена, тетя? — с беспокойством спросила Элинора.

Та опять взглянула на карточку.

— Виконт Бентон.

Книга Элинора упала на ковер. Она думала, что уже преодолела боль, а теперь она снова всколыхнула ее.

Дворецкий посмотрел на нее, затем перевел взгляд на тетю Джейн.

— Сказать ему, что вас нет дома?

— Элинора?

— Отошлите его.

Дворецкий поклонился и вышел. Элинора подняла книгу и положила на колени. Сердце у нее колотилось от страха. Почему он здесь? Что ему надо? Это не имеет значения. Она не желает видеть его, слушать его ложь.

В дверь гостиной тихо постучали, затем появился дворецкий.

— Простите, что снова прерываю вас. Но виконт недвусмысленно дал мне понять, что не уйдет, пока не поговорит с вами.

— Какая наглость! — Тетя Джейн встала. — Позови Джорджа и Гарри, пусть они силой удалят этого человека.

— Подождите! — воскликнула Элинора. Ей очень бы хотелось увидеть, как Себастьяна выбрасывают на улицу, но пожилым слугам тети Джейн эта задача не по плечу. — Наверное, ты уже поняла, что я знакома с виконтом. Думаю, будет лучше, если мы согласимся принять его.

— Хорошо, покорюсь твоему желанию. Но мне это не нравится.

Через несколько минут дворецкий вернулся в сопровождении непрошеного гостя. Он был все таким же красивым и прекрасно ухоженным, но выглядел изменившимся. Правда, Элинора не могла определить, в чем именно. А может, это она смотрела на него другими глазами.

— Виконт Бентон, — процедил дворецкий с явной досадой в голосе.

— Леди. — Себастьян поклонился.

— Я позволила вам войти только потому, что моя племянница считает это единственным способом избавиться от вас, — заявила тетя Джейн, прежде чем он закончил поклон. — Но я не в восторге от вашего визита. И я не привыкла, чтобы мне угрожали в моем собственном доме, милорд. Пэру королевства следовало бы иметь лучшие манеры.

— Сожалею, что причинил вам неприятности, мэм. Но я полностью сознавал, что иначе леди Элинора не приняла бы меня. Тогда мне пришлось бы встретить ее в публичном месте, и я боялся, что ей это причинит еще большее страдание.

— Не пытайтесь выставить себя в превосходном свете, милорд, — решительно сказала Элинора. — Мы оба знаем, что вы не принимали во внимание моих чувств, когда составляли ваши коварные планы.

— Элино́р, пожа́луйста. Мы́ дол́жны поговори́ть.

— Мне́ боль́ше не́чего сказа́ть вам.

— Тогда́ послу́шайте.

— Не́ знаю, смо́гу ли.

— Де́сять мину́т, — умо́лял он.

Де́сять мину́т? Выде́ржит ли она́? Су́меет ли пробы́ть в его́ обще́стве так до́лго, не потеря́в самообла́дания и чу́вства соб́ственного до́стоинства?

— Хоро́шо, де́сять и ни мину́той боль́ше. Те́тя Дже́йн, ты мо́гла бы оста́вить нас?

— Я бу́ду жда́ть за д́верями́ гости́ной. С самы́ми кре́пкими́ из мои́х слуг. Оди́н возглас, и мы́ тут же войде́м.

Когда́ д́верь за́крылась, Элино́р сде́лала глубо́кий вдо́х, что́бы успоко́иться. Де́сять мину́т, и Себа́стьян наве́гда уйде́т из ее́ жи́зни. А пото́м она́, возмо́жно, изба́вится от это́го ужа́са.

— Я привез́ вам пи́сьмо от Бья́нки, — сказа́л он, суну́в руку́ в нагрудный́ карма́н.

— Она́ знае́т, что́ произо́шло? Что́ сказа́л ей гра́ф? — Элино́р нетерпе́ливо схвати́ла послание́.

— Оче́видно, ва́ш оте́ц воо́бще ни сло́вом ей не́ обмолви́лся. Верну́вшись в Лондо́н, я тут же́ встре́тился с Уэ́верли, реши́в, что́ это́ еди́нственный́ спо́соб поговори́ть с Бья́нкой. Она́ была́ вне́ себя́, когда́ обнару́жила, что́ вы́ уеха́ли.

— Я сразу́ написа́ла, что́бы успо́коить ее́. Дол́жно бы́ть, гра́ф пере́хватыва́л мои́ пи́сьма.

— Види́мо, так.

— Что́ вы сказа́ли Уэ́верли? Ка́к объ́яснили́ случи́вшееся?

— Я просто́ сказа́л, что́ это́ моя́ ви́на, что́ изза́ меня́ вы́ поссо́рились с оте́цом и пое́хали в Ба́т к сво́ей те́те, что́бы пере́ждать, когда́ уля́жется пы́ль.

Легкий́ рума́нец окра́сил ще́ки Элино́р.

— То́ есть́ они́ не́ знаю́т пра́вды?

— Ни́кто. Да́же те́нь сканда́ла не́ косну́лась ва́шего́ и́мени, кста́ти, моего́ то́же. Ва́ша ре́путация́ спаса́на, Элино́р.

— Значи́т, я мо́гу верну́ться ко́ всему́ то́му, что́ было́ до́ того́, ка́к это́ произо́шло? — Она́ мелько́м взгля́нула на́ него́. — Простите́, сэ́р, е́сли я не́ благода́рю вас́ за спа́сение́ меня́ от оконча́тельного́ уни́жения.

Ее́ вялый́, бесстра́стный то́н и боль́ в измуче́нном взгля́де уда́рили его́, сло́вно хлы́стом. Себа́стьян хоте́л ей что́нибудь объ́яснить, по́пытаться́ все́ улади́ть, проше́птать сло́ва, кото́рые бы́ она́ поня́ла и при́няла. Но́ он поте́рял на́ это́ пра́во, когда́ пре́дал ее́.

— Я привез́ кое́что́ е́ще. — Он́ протя́нул ей́ лист́ бума́ги.

Элино́р с подо́зрением́ взгля́нула на́ него́, пото́м нерешите́льно вы́тянула́ лист́ из его́ па́льцев.

— Что́ это́?

— Объ́явление́ о на́шей сва́дьбе. Я́ отдал́ его́ в «Тай́мс», когда́ вы́ согласи́лись.

— Вый́ти за́ вас́?

Ее́ ске́птический́ то́н заде́л Себа́стьяна́ боль́ше, че́м он́ хоте́л бы́ при́знать. Когда́то́ она́ ува́жала́ его́, да́же вооб́разила́ себе́, что́ лю́бит. Но́ тепе́рь она́ испыты́вала́ ќ нему́ то́лько ненави́сть и отвраще́ние.

— Бра́к — разу́мный́ вы́ход для́ нас́ обои́х, а́ для́ меня́ и еди́нственный́ спо́соб за́гладить́ ви́ну.

Заметив ее изумление, Себастьян ожидал, что она сейчас оскорбит его своим отказом. Вместо этого Элинор зажала рот ладонью, как будто почувствовав дурноту. Все оказалось намного хуже, чем он предполагал.

— Очевидно, вы решили, — наконец произнесла она, — что я недостаточно еще страдала и не в полной мере наказана за отцовские грехи. Или ваш ум настолько поглощен жаждой мести, что вы не ведаете, что творите.

Он скрестил руки на груди.

— Хотя у вас нет причин верить мне, я делаю это предложение в здравом уме. Я не так богат, как некоторые, однако располагаю значительными средствами и назначу вам щедрое содержание. Как моя жена, вы будете иметь финансовую стабильность, положение в обществе и свободу делать что захотите.

Элинор поняла, что он говорит серьезно.

— Жена подчиняется воле мужа. В подобной договоренности нет свободы.

— Юридические документы могут быть составлены с включением условий, дающих вам права, которых вы требуете. Кроме поместья Чезвик, у меня есть собственность на побережье. Можем съездить туда перед женитьбой. Если вам понравится, можете использовать ее по своему усмотрению.

— Мы не будем жить вместе?

Он кивнул.

— Я хочу жить с вами, быть вашим мужем. Но я знаю, что вам нужно время, пока вы будете готовы к этому. Я подожду. Многие аристократические пары живут раздельно.

— Вы предлагаете мне брак по расчету? Чтобы вести прежний образ жизни?

— Нет, произойдут значительные изменения. Я верю в святость брачных клятв и намерен их сдержать.

— Вы не из тех мужчин, кто способен до конца дней хранить обет безбрачия, — ответила Элинор.

— Да. Поэтому, когда мы поженимся, я оставлю за собой право завлечь вас в мою постель и в мою жизнь.

Она покраснела, и у него мелькнул луч надежды.

— Что бы ни произошло между нами, вы не можете отрицать нашего влечения друг к другу. Это дает нам шанс.

Элинор медленно покачала головой:

— Вы преследовали меня, чтобы добраться до графа.

— Мотивом действительно была месть, но чувства, возникшие к вам, были истинными. Мои поступки были аморальными, но мой интерес не был фальшивым, а желание — притворным. Вы стали мне очень дороги, Элинор.

— До такой степени дорога, что вы лгали, хитро управляли мной, пользовались моим легковерием, чтобы добиться чего хотели?

Себастьян поежился. Конечно, его поступки достойны порицания, но они все же не исключают его чувств к ней.

— Может, вы примете во внимание мои чувства?

— Не могу. В браке главное не страсть, а дружба, уважение, доверие. Может быть, вы честны и действительно испытываете ко мне некоторые чувства, но это уже не имеет значения. Слишком поздно. Кроме того, вы ненавидите моего отца.

— Как и вы.

— Не буду отрицать, но во мне течет его кровь. Если мы поженимся, однажды вы непременно вспомните этот факт. И тогда... мы с вами окажемся в аду.

— Элино́р, пожа́луйста, мои́ чувства... Пожа́дите их!

— Единственное чувство, которое привлекло вас ко мне, это одержимость мезтью. Я — продолжение графа. Вы не можете нанести удар ему, значит, расплачиваться за него буду я.

Себастьян вздрогнул. Неужели она действительно считает его таким бессердечным и жестоким?

— Боже, Элино́р, что я наделал?

— Вы меня погубили, милорд. — Она поднялась, в ее глазах блестели слезы. — Но я выживу. А тепе́рь уходите. Ваши́ де́сять мину́т истекли.

Он бросил на нее последний, умоляющий взгляд.

— Не торопитесь, подумайте над тем, что я вам предлагаю. Если вы измените свое решение, дайте мне знать, и я сразу приеду.

— Мое решение окончательно.

Себастьян мысленно выругался. В глубине души он надеялся, что ее способности к прощению хватит на то, чтобы дать им шанс. Но он слишком оскорбил Элино́р и сейчас лучше всего оставить ее в покое.

Он поклонился и вышел. Он был прав, не желая всецело отдавать себя женщине.

Это причиняет невыразимую боль.

Вернувшись в Лондон, он сразу направился в дом бабушки. И начал пить. Двое суток он не спал, почти не ел, только пил, до тех пор пока на утро третьего дня не отключился.

Еще через сутки он проснулся от невыносимой головной боли и открыл заплывшие глаза. Боль определенно привела его в бессознательное состояние, поскольку он понятия не имел, где находится. Он сидел, вернее, лежал распростертым на золотой софе, пачкая грязными сапогами прекрасную ткань. Во рту пересохло, язык распух, конечности затекли и болели. Он попытался вспомнить события последних дней, но это усилие вызвало непрекращающийся стук в голове. Лишь несколько минут спустя он понял, что стучат в дверь.

— Войдите! — Себастьян осторожно сел, потирая виски в ожидании, пока комната перестанет кружиться.

Вошедший слуга замер, когда увидел неприглядную картину: четыре хрустальных бокала и столько же пустых графинов валялось на полу среди предметов одежды Себастьяна.

— Прошу меня простить за вторжение, милорд, — слишком громко произнес слуга. — К вам посетитель. Женщина.

Элинора? Внезапная радость умерла быстрой мучительной смертью. Элинора ненавидит его. Она бы не приехала сюда. Никогда. Что бы ни случилось.

— Ты кто? — выдавил Себастьян.

На миг слуга онемел, непонимающе глядя на него.

— Я Беннингтон, милорд. Дворецкий покойной графини Мачдейл. Вашей бабушки.

Себастьян оглядел комнату, наконец узнавая знакомые предметы. Да, все правильно. На обратном пути в Лондон он решил заняться собственными делами, вступить во владение бабушкиным имуществом. Теперь, оглядев гостиную, он решил, что этот план имел очень плохое начало, ибо комната походила на поле боя. Неужели это его работа? Видимо, так, хотя он абсолютно ничего не помнил.

— Принеси кофе, Беннингтон. Много крепкого, горячего, черного кофе.

— Только кофе, милорд?

— Только кофе. — Мысль о еде вызвала у Себастьяна отвращение.

— А ваша посетительница?

Себастьян неохотно взял с серебряного подноса карточку.

— Эмма... Проводи ее сюда. Неприлично заставлять леди дожидаться приглашения, Беннингтон.

— Вы думаете, это разумно, милорд?

Проследив за его взглядом, Себастьян увидел, что сюртук и галстук валяются на ковре, жилет болтается, рубашка наполовину расстегнута. Прикосновение к подбородку выявило наличие густой щетины.

— Я неподходящая компания для леди?

— Вам требуется ванна, милорд. Бритье, свежая одежда и горячая еда.

— И кофе.

— Да, милорд. Я скажу леди, чтобы зашла в другой день.

— Нет, подожди. Скажи ей, чтоб вернулась через час. — С трудом поднявшись, Себастьян покачнулся. — Через два часа.

Беннингтон выглядел не слишком довольным, но, как прекрасно обученный дворецкий, он знал, что лучше не спорить с хозяином. Себастьян сделал несколько шагов к двери, пытаясь решить, хочет ли он горячую ванну для тела или ледяную воду для головы. Наверное, он может сидеть в горячей ванне, опустив голову в таз с холодной водой.

Заметно качаясь, Себастьян ухватился за край софы, но комната продолжала кружиться, и он понял, что ничто ему не поможет.

— Милорд? Вы плохо выглядите. Могу я вам помочь?

— Нет.

— Я скажу леди, чтобы она вернулась через три часа, — заявил Беннингтон и покинул комнату.

Когда спустя три часа Себастьян появился в маленькой столовой, Эмма с улыбкой подошла к нему и крепко обняла.

— Если бы я не знала тебя лучше, то подумала бы, что ты меня избегаешь.

— Никогда, — сказал он, прижимая к себе девушку. Волосы у нее пахли свежестью, лимоном и чутьчуть краской. Знакомые, успокаивающие запахи. — Просто я был занят, вот и все.

— Своим бренди.

— Откуда ты знаешь? Я выгляжу пьяным?

— Болтовня прислуги, Себастьян. Я в курсе, что последние несколько дней ты провел в компании с графинами бренди.

— Мне понадобилось несколько шпук, чтобы достичь нужного состояния нечувствительности.

— Зачем? — нахмурилась Эмма.

— Не могу объяснить. Просто глупое мужское настроение.

— Ты можешь рассказать мне все. Я никогда не стану тебя осуждать. Никогда не буду сплетничать о тебе. Или о леди Элинор.

Себастьян с тревогой взглянул на девушку. Ему казалось, он был осторожен.

— И что же ты слышала?

— О леди Элинор? Немного. Она была едва заметна в обществе, когда появилась. Но Доротея заметила ее отсутствие, поехала к ней с визитом и была отвергнута без всякого объяснения. Конечно, это дает повод для разных предположений о ее внезапном исчезновении.

— Она не исчезла. Она поехала в Бат, чтобы помочь своей тете.

— Откуда ты знаешь?

— На прошлой неделе я встретил в клубе Уэверли, он мне и рассказал.

Несмотря на туман в голове, он сумел защитить Элинор, но, похоже, не рассеял сомнений Эммы. К счастью, она заговорила о другом.

— Надеюсь, ты переедешь в этом дом, и мы будем жить по соседству. Тогда я могла бы чаще видеться с тобой.

Себастьян благодарно ухватился за новую тему. Они поговорили о районе, о соседях, затем о сестрах Эммы, их семьях. Хотя девушка улыбалась, он чувствовал ее беспокойство.

— Я не могу больше оставаться в неизвестности, Себастьян, — наконец сказала она. — Что ты думаешь о своем портрете? Он тебе нравится?

Себастьян нахмурился, вспомнив, что до сих пор его не видел.

— Давай посмотрим вместе, — предложил он и протянул ей руку.

Эмма крепко ухватилась за нее, и ему показалось, что она слегка дрожит. Они рука об руку вошли в длинную галерею. Поскольку это был не родовой дом, портреты висели среди пейзажей и жанровых сцен. Любимой картиной Себастьяна была пара спаниелей эпохи Карла II. Они сидели у цветущего гиацинта, в выразительных карих глазах читались счастье и энтузиазм.

Когда они подошли к его портрету, Эмма сжала ему руку, затем отпустила ее и сделала шаг назад. Улыбнувшись волнению художника, Себастьян взглянул на ее работу. И почувствовал тревогу. Должно быть, это изза выпитого бренди. Или виноват яркий солнечный свет?

Конечно, Себастьян знал, что женщины считают его красивым. Знал также, что Эмма не собиралась ему льстить. Просто она скрыта его недостатки, подчеркнув каждую привлекательную черту и придав ему облик идеального мужчины. Это был портрет Адониса, богоподобного человека без слабостей и недостатков.

— Я должен сказать Этвуду, чтобы он купил тебе пару хороших очков, — с трудом произнес Себастьян, пытаясь осознать невозможность того, что видел. Эмма не могла любить его.

— Стекла не имеют значения. Я так вижу тебя.

— Ах, Эмма, — пробормотал он.

— Это настолько ужасно?

— Портрет?

— Нет. Моя любовь к тебе.

Проклятие, она сказала это. Хотя правда видна любому и без слов. Как он мог быть таким легкомысленным? Как мог не понять?

— Ты слишком молода, чтобы говорить о любви.

— Я не ребенок, Себастьян.

— Но еще и не женщина.

— Почти, — с вызовом ответила Эмма.

— Вряд ли. — Он ласково коснулся пальцем ее влажной щеки. — Ты не должна плакать. Я этого не стою.

Губы у нее задрожали, и она тряхнула головой.

— Для меня ты самый лучший, Себастьян. Разве тебе это не известно?

Он закрыл глаза. Ее чувства были настоящими, и слишком жестоко считать их девической игрой в романтику.

— Я тоже люблю тебя, Эмма. Но как сестру, какой я не имел, как друга, с которым всегда приятно общаться. Который говорит мне правду, когда я в этом нуждаюсь, принимает меня, если даже я сделаю глупость, что бывает часто. Ты очень дорога мне. Я не хотел бы причинять тебе боль, но я не могу обманывать тебя пустой надеждой. Между нами не может быть ничего романтического.

— Ты ведь так не думаешь на самом деле.

— Боюсь, что думаю. Через несколько лет, когда ты повзрослеешь и будешь к этому готова, я знаю, ты встретишь...

— Нет! — гневно закричала она. — Не оскорбляй меня банальностями и глупой болтовней. Я заслуживаю лучшего.

Он чувствовал себя извергом, но факты оставались неизменными.

— Ты права, дорогая. Эти слова успокаивают меня, а не тебя. Прости.

Себастьян заключил девушку в объятия и легонько гладил по плечу в надежде утешить ее. Так они стояли несколько минут, напряжение только возрастало.

— Думаю, я буду очень долго ненавидеть тебя, Себастьян, — прошептала она.

— Знаю, — вздохнул он. — Буду скучать по тебе больше, чем могу выразить.

Эмма вырвалась из его объятий, подобрала юбки и с рыданием побежала по коридору. Сначала он хотел броситься за нею, а потом решил, что лишь продлит ее боль.

Проклятие, до чего ужасная неделя!

Себастьян медленно вышел из галереи, удивляясь, как могло случиться, что он, соблазнив на своем веку множество женщин, почти ничего не знал об их мыслях и чувствах.

— Теперь объявляю вас мужем и женой. Что соединил Бог, не дано разорвать человеку. — Викарий улыбнулся. — Можете поцеловать новобрачную, милорд.

Послышалось хихиканье, затем аплодисменты, когда лорд Уэверли наклонился и со всем пылом выполнил совет викария. Только свист некоторых молодых денди, заполнивших семейную часовню, заставил пару закончить поцелуй.

Сидя рядом с тетей Джейн во втором ряду, Элинор прослезилась от счастья. По крайней мере этот довольно скучный лондонский сезон принес хоть что-то хорошее. Бьянка вышла замуж за человека, которого любила, отвечающего ей взаимностью. И между прочим, пэра. Элинор произнесла быструю молитву, чтобы у них была долгая счастливая жизнь.

Под звон колоколов новобрачные вышли из часовни и сели в открытую коляску, украшенную белыми свадебными лентами и цветами. Перед часовней собрались местные жители, пришедшие взглянуть на жениха с невестой и поздравить новобрачных. К общему восторгу, лорд Уэверли встал, поцеловал жене руку, затем бросил в толпу несколько пригоршней монет. Пока дети с криками и смехом подбирали свою добычу, коляска медленно выехала на дорогу, ведущую в поместье.

Сияющая Бьянка с улыбкой приветствовала каждого из гостей, приглашенных на торжество. Когда подошла ее очередь, Элинор крепко обняла сестру, затем, как положено, восхитилась обручальным кольцом с сапфиром и бриллиантом.

— Мы отправляемся в свадебное путешествие по Европе, — возбужденно сообщила Бьянка. — Италия, Франция, даже Россия. Но как только мы вернемся, ты должна приехать и погостить у нас.

— С удовольствием это сделаю, — честно ответила Элинор.

Она ужасно скучала по Бьянке и надеялась, что пребывание в обществе сестры поможет ей ослабить тупую боль, которая стала для нее постоянной спутницей.

Были поданы хрустальные бокалы с шампанским, и гости заняли свои места за изысканным свадебным завтраком. Их угощали ветчиной, омарами, тонкими ломтиками говядины, перепелиными яйцами, пирожными с миндальным кремом и теплой клубникой.

Произносили тосты за счастье и здоровье молодоженов, радовались, что им повезло найти друг друга. Шампанское лилось рекой, тосты становились все более непринужденными, вплоть до бесстыдных советов жениху, что делать в первую брачную ночь. Эти замечания вызвали одобрителный смех, и Элинор понравилось, что лорд Уэверли принял их вполне радушно.

Завтрак продолжался, и наконец Элинор захотелось выйти на воздух. Предупредив тетю

Джейн, она незаметно ускользнула на террасу. Она смотрела на обширный газон, тщательно подстриженный английский парк и думала о том, что будущее сестры обеспечено, что Бьянка теперь хозяйка этого замечательного поместья.

А что с ее собственным будущим?

Будущее очень туманно. Она знала, что была права, отказавшись от предложения Себастьяна и прогнав его. Но теперь, каким бы глупым и оскорбительным это ни выглядело, она уже не сомневалась, что будет любить Себастьяна до конца жизни.

Прекрасная перспектива.

Голоса и шаги вывели Элинора из печальной задумчивости. Повернувшись, она увидела группу участников свадебного торжества, которые стояли у французских дверей, выходящих на террасу. Среди них был и граф Хетфилд.

Весь день она старательно избегала отца, и теперь у нее возникло желание спрятаться в какомнибудь темном углу. Но гордость не позволила. Ей нечего стыдиться. Крах с Себастьяном не ее вина, она была жертвой, поэтому заслуживала сочувствия, а не осуждения.

Когда французские двери раскрылись, у нее пересохло во рту. Элинора не хотела ни видеть, ни разговаривать с графом. И все же он ее отец, незачем устраивать сцену — несколько минут они вполне могут быть вежливы друг с другом. В конце концов это день свадьбы его младшей дочери.

Элинора осторожно шагнула навстречу. Но граф демонстративно отвернулся и прошел мимо, как будто она вообще не существовала.

Вот так демарш! Сначала она замерла, слишком пораженная, чтобы реагировать. Она недооценила его жестокости. Наверняка люди видели его грубый поступок и удивлялись, почему граф демонстративно игнорирует старшую дочь.

Элинора окатила волна унижения, и она поняла, что недооценивает и себя тоже. Она была уверена, что не нуждается в родительском одобрении, родительской поддержке, особенно если учесть тот факт, что граф был всегда равнодушен к ней, а порой откровенно недоброжелателен.

Это нельзя ни простить, ни забыть, но если бы он хотя бы признал ее, это могло бы стать началом новой жизни. Вместо этого граф выбрал публичное отречение от нее, уничтожив любой шанс к примирению.

Она почувствовала, что кто-то из окружающих подошел к ней.

— Это был твой отец? — спросила тетя Джейн. — Я издали не рассмотрела.

— Нет, какойто незнакомец.

Элинора вернулась в Бат, словно в родной дом. Слуги приветствовали ее радушной улыбкой. Ее спальня была знакомой и уютной, давая чувство защищенности, которое требуется любой одинокой женщине.

Тетя Джейн продолжала оставаться для нее спасением и поддержкой. Элинора каждый день благодарила Господа за то, что в ее жизни появилась эта женщина. От Бьянки приходили письма с описанием всех замечательных мест, которые они с Уэверли посетили, и достопримечательностей, которые они видели.

Жизнь была приятной, хотя немного скучной. Что касается одиночества, то со временем, как Элинора надеялась, она привыкнет и успокоится.

К несчастью, переживания начали сказываться на ее физическом состоянии. Произошли

изменения в фигуре, которые постепенно становились все заметнее. Порой ее одолевала такая усталость, что она закрывала глаза в ожидании, когда это пройдет. В иные дни начинал бунтовать желудок, запах некоторой еды вызывал тошноту. Причем симптомы появлялись и пропадали ни с того ни с сего, без всякой причины.

И еще приступы неодолимой сонливости, которые накатывали в самое неподходящее время. Она ложилась раньше спать и позже вставала утром.

Элино́р делала все возможное, чтобы скрыть недомогание от тети Джейн, надеясь, что с окончанием жаркого лета пройдет и ее непонятная болезнь.

Но однажды утром, когда Элино́р вставала в гостиной со стула, у нее вдруг закружилась голова. Ей пришлось ухватиться за стул, борясь с темнотой, которая грозила поглотить ее.

— Я вызываю доктора, — решительно заявила тетя Джейн.

— Вряд ли это необходимо. Просто небольшое головокружение, и все.

Однако тетя Джейн осталась непреклонной, вскоре Элино́р уже осматривал местный врач. Она послушно отвечала на его интимные вопросы, которые приводили ее в замешательство. Бог наградил Элино́р здоровьем, поэтому она редко встречалась с докторами. К тому же по его бесстрастному выражению она не могла определить, насколько серьезно ее положение.

Но что еще хуже, закончив обследование, доктор уложил инструменты в саквояж и ушел, не сказав ей ни слова. Беспокойство Элино́р усилилось, когда в спальне с торжественным видом появилась тетя Джейн.

— Доктор ушел? Что он тебе сказал? Это очень серьезно, тетя Джейн?

— Учитывая обстоятельство, доктор подумал, что будет лучше, если с тобой поговорю я. — Тетя Джейн села на постель и взяла ее за руку. — Элино́р, в начале следующего года у тебя будет ребенок.

Себастьян уныло смотрел на уходящую вдаль пустынную дорогу, решая, стоит ли по ней ехать. За последние два часа он не встретил никаких признаков жизни, за исключением парящей в небе птицы, или кролика, скачущего по открытому лугу. Он думал, что к этому времени уже случайно наткнется на какую-нибудь ферму, коттедж или просто жилище, где обитатели могут оказать ему помощь.

Себастьян мельком взглянул на небо, пытаясь определить дневное время. Утром он в такой спешке покинул гостиницу, что не завел часы, и теперь вынужден ориентироваться по солнцу.

Он с улыбкой оглядел пушистые белые облака. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что сейчас день, ему тепло и хочется пить.

Не важно. Он будет и дальше вести лошадь под уздцы, пока не найдет помощь. Взвешенная, логичная реакция на затруднительное положение — именно то, чего он не сделал несколько месяцев назад.

Потерпев неудачу с местью графу Хетфилду, а затем предав Элинора, он вынужден был критически взглянуть на свой образ жизни. И то, что он увидел, ему не понравилось.

Нужны перемены, решил он, и последние несколько месяцев изменили его. Он больше не ложился слишком поздно, редко играл, не пил ничего крепче бокала вина за ужином. Впервые в жизни проявил интерес к своим поместьям, регулярно присутствовал на сессии в палате лордов. Даже говорил о женитьбе, хотя сердце у него болело при мысли, что он проведет жизнь не с Элинорой, а с другой женщиной.

Этвуд и Доусон шутили, что с трудом узнают его. Черт, он и сам едва узнавал себя.

Но самым полным и неожиданным изменением был его титул. Безвременная кончина дальнего кузена, не имеющего сыновей, принесла Себастьяну титул графа и существенную земельную собственность в дебрях Йоркшира. Туда он сейчас и направлялся, пока не захромала его лошадь. При быстром осмотре выяснилось, что нет подковы на левой задней ноге. Прикинув, что последний дом, мимо которого он проехал, остался далеко позади, он решил идти вперед. Себастьян надеялся, что без его дополнительного веса лошадь сможет продолжить путь, не причиняя себе особого вреда.

Дорога свернула вправо, и Себастьян обнаружил большого кота, мирно спящего на потемневших каменных воротах. Для бездомного он выглядел слишком упитанным, значит, где-то поблизости есть ферма или коттедж.

Он миновал густую рощицу, напоминавшую место прогулки с Элинорой на пикнике у Эшфилдов. Почти все напоминало ему об Элиноре, и как он ни пытался, не мог выкинуть ее из головы. И сердца.

Он был глупцом, позволив жажде мести уничтожить их отношения. Понадобилось несколько месяцев, прежде чем он понял, что зря нарушил обещание, данное бабушке. Дуэль с Хетфилдом не изменила бы прошлого, а он ради мести незаслуженно оскорбил Элинору. И это самое ужасное.

Себастьян много раз брался за перо, желая уладить случившееся, но тут же понимал, что вред, который он причинил Элиноре, уже не исправишь. Он только мог надеяться, что память о ней со временем перестанет его мучить.

Поднявшись на следующий холм, он увидел в долине обитаемый двухэтажный коттедж,

поскольку из трубы шел дым. Себастьян облегченно вздохнул.

Крепкий мужчина в запыленной рабочей одежде приветствовал его дружеской улыбкой.

— Могу привести кузнеца из деревни, — сказал он, когда Себастьян объяснил свою неприятность. — Тот вмиг подкует вашего коня, сэр.

— Благодарю за помощь. Если только ваш хозяин не будет против, что я оторвал вас от работы.

— Миссис Стюарт не откажет джентльмену, которому требуется помощь, — уверенно ответил слуга.

— Тем не менее я настаиваю, чтобы вы сначала получили разрешение. — Себастьян достал визитную карточку. — Передайте это ей, пожалуйста.

Вскоре мужчина вернулся.

— Миссис Стюарт сказала, что будет рада, если вы попьете с ней чаю, пока ждете.

Заручившись обещанием, что его вызовут прежде, чем кузнец начнет работу, Себастьян направился к дому. Служанка встретила его многочисленными реверансами. По ее широко раскрытым глазам и возбужденному поведению, он понял, что визиты титулованных особ были здесь редкостью. Ему оставалось надеяться, что у миссис Стюарт его приход не вызовет такого благоговения. Он терпеть этого не мог.

Коттедж был скромным по размеру, но со вкусом обставленный, явно женской рукой. Набивные ткани, пастельные тона, искусный подбор мебели, некоторые предметы были старинными, другие казались новыми. Процветающее домашнее хозяйство, с соответствующими атрибутами, уют джентльмена.

Служанка проводила его до гостиной, но вместо того, чтобы доложить о нем, покраснела, сделала реверанс и поспешила уйти. Стоя перед открытой дверью, Себастьян оглядел комнату и заметил у окна леди. Хотя он видел только ее спину, что-то в ней показалось ему знакомым.

Себастьян несколько раз моргнул. Наверняка это обман зрения. Он так часто и упорно думал о ней, что видит ее в другой женщине.

— Элинор?

Женщина повернулась, и все сомнения исчезли. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Элинор побледнела, глаза расширились от удивления и... страха? Боже, она боялась встречи с ним! Эта мысль причинила ему боль.

Кажется, изменился не только ее умный, всегда уверенный взгляд. И фигура уже не та, что он помнил. Груды стали полнее, чем раньше, плоский живот заметно округлился.

— Что я вижу? Вы беременны, — резко сказал он.

Элинор вспыхнула, защищающим жестом прикрывая живот, и медленно села на софу.

— Я... да, прибавила в весе. Что вы здесь делаете? На карточке, переданной мне Робертом, совершенно другое имя. Граф Тинсдейл.

— Недавно я унаследовал титул от дальнего родственника и теперь еду в Йоркшир. Хочу осмотреть собственность и дом, которые, мне говорили, находятся в полном запустении. Моя лошадь потеряла подкову, я был вынужден остановиться и просить о помощи.

— Вы заехали сюда по чистой случайности? — недоверчиво спросила она.

— Разумеется. — Себастьян перевел взгляд на ее округлившийся живот. — Или это судьба.

Элинор смотрела на него так, словно не могла поверить тому, что видела.

— Проклятый рок, — пробормотала она.

Сердце у него сжалось от боли. Месяцами он мечтал увидеть ее снова, попросить прощения, все исправить. Теперь слишком поздно. Она принадлежала другому.

— Ваш муж, наверное, очень доволен, что будет ребенок. Он здесь? Если вы не против, я хотел бы познакомиться с ним и поздравить его.

Элино́р открыла рот.

— Мой муж?

— Мистер Стюарт, не так ли? Ваш слуга называл вас миссис Стюарт.

Она невидяще смотрела перед собой, затем вскинула голову.

— Здесь нет никакого мистера Стюарта. И не было, — твердо произнесла она. — По вполне очевидным причинам я называю себя вдовой.

В комнате вдруг стало душно. Себастьян задохнулся от потрясения и недоверия.

— Что вы имеете в виду, Элино́р?

— Я примерно на пятом месяце. Ребенок должен родиться в следующем году, по всей вероятности, в конце февраля.

Он замер, делая предположения, хотя вряд ли это было необходимо. Она пришла в его постель девственницей, а учитывая ее душевную боль, когда они расстались, маловероятно, чтобы она начала отношения с другим мужчиной. Значит, ребенок его.

— Почему вы не сообщили мне?

— Я не думала, что это известие вас заинтересует.

Себастьян вздохнул. Его прежнее поведение давало ей основание так думать, если даже она была не права. Он подошел к окну и молча глядел на холмы, тянущиеся до горизонта.

— Я куплю в Лондоне специальное разрешение и вернусь через несколько дней. В конце недели мы сможем пожениться. — Он повернулся, чтобы видеть ее реакцию.

— Боже, вы до сих пор способны меня удивлять, Себастьян. Не думала, что вы предложите брак. — Она несколько долгих минут изучала его. — Полагаю, ваша спящая честь иногда просыпается. Вы исполнили свой долг, предложив взять на себя ответственность за ребенка. Наверное, я должна поблагодарить вас, но ведь это самое малое, что вы можете сделать.

Он кивнул.

— Где мы поженимся? Здесь будет неудобно, поскольку все считают вас вдовой, совсем недавно потерявшей мужа, если учесть ваше состояние.

— Я не говорила, что выйду за вас.

— Но вы должны! Вы носите моего ребенка.

Элино́р повернулась к нему спиной.

— Пожалуйста, Себастьян, будьте разумным. Наше прошлое делает этот брак невозможным.

— Вы имеете право меня презирать, но обстоятельства меняют дело. Мы должны пожениться хотя бы ради ребенка, Элино́р.

Она покачала головой:

— В местном обществе у меня репутация уважаемой вдовы, и я постепенно добиваюсь признания. Мой ребенок не будет страдать от того, что рожден вне брака. Тетя Джейн хорошо обеспечена материально, она добрая и щедрая. Ребенок ни в чем не будет нуждаться.

— Я хочу, чтобы мой ребенок носил мое имя, — решительно ответил Себастьян.

— А я хочу, чтобы мой ребенок вырос в обстановке любви и уважения, — возразила

Элино́р.

— Вы должны сделать то, что лучше для ребенка. Возможно, пока вам удастся вести свою игру. Но рано или поздно здесь может появиться кто-нибудь, знающий правду. Тогда пострадаете вы и ребенок тоже. — Элино́р побледнела, и он понял, что нашел ее слабое место. — Брак необходим, и вы сами это знаете.

— Но сможете ли вы, глядя на моего ребенка, не вспоминать, как вы презираете графа? Сможете ли когданибудь принять это невинное существо, полюбить его?

— Пока не знаю, но из этого не следует, что мы не можем попытаться.

Элино́р покачала головой.

— Человек, бывший моим отцом, никогда меня не любил и пренебрегал мною. Я не позволю, чтобы та же участь постигла моего ребенка.

— Конечно, граф последний человек, кого я хотел бы видеть дедом моих детей. Но я гарантирую, что никогда не стану обращаться с ними так, как он обращался с вами, — пылко возразил Себастьян.

Ответом был ее недоверчивый взгляд. Проклятие! Если он не сумеет уговорить Элино́р, тогда все пропало. Нет, тогда он ее заставит. У него есть один способ, и он им воспользуется.

— Я не могу выйти за вас, Себастьян.

— Полагаю, от горячего приема в обществе, который вас так радует, не останется и следа, когда все узнают, что вы не вдова, а незамужняя будущая мать.

— Вы этого не сделаете, — в ужасе прошептала она.

— Я бы не хотел. Но это не значит, что не сделаю. Пожалуйста, не вынуждайте меня, Элино́р. Больше всего на свете я хочу защитить этого ребенка. Вот почему мы должны пожениться, — настаивал Себастьян, надеясь, что его искренность призовет ее к благоразумию.

— И вы надеетесь добиться моего согласия, угрожая мне? — Элино́р подняла бровь. — Оригинальный прием.

Он улыбнулся. Ее сарказм — хороший знак. Может, поцелуй заставит ее передумать и скрепит их соглашение?

Увидев, как он сжал губы, Элино́р поняла, куда направлены его мысли. Он собирается поцеловать ее, не так ли? Не выйдет! Им с тетей Джейн понадобились недели, чтобы отыскать этот коттедж, и почти два месяца, чтобы их приняли в обществе как благовоспитанных леди. А теперь Себастьян угрожал ей разоблачением, если она не согласится на брак. Но те дни, когда она была жертвой, уже миновали. Если она решит выйти за него, то потому, что так будет лучше для ребенка, а не потому, что он ее заставил.

Она понимала, что этим предложением он хотел отчасти загладить свою вину. Ей могло это не нравиться, однако его доводы заслуживали внимания, и неразумно сразу отбрасывать их.

К практическим соображениям добавились эмоциональные. Она все еще любила его, и логика не играла никакой роли в ее чувствах к нему. Любовью невозможно управлять. Рискнет ли она подчиниться своему желанию? Будет ли она способна защитить своего ребенка от равнодушия отца?

— Полагаю, ваши доводы достаточно весомы. Но меня не запугаете ни вы, ни кто-либо другой. И мне требуется время, чтобы обдумать ваше предложение.

Себастьян взглянул на ее губы, потом кивнул:

— Если вы обещаете серьезно рассмотреть мое предложение, я подожду. Но думайте не слишком долго, Элино́р. Чтобы ребенок был законнорожденным, мы должны пожениться до его появления на свет.

Четыре дня Себастьян томился в гостинице, дожидаясь ответа. Несмотря на удобства, превосходное обслуживание и вкусную еду, он был несчастен. Слухи о том, что в гостинице остановился граф, быстро распространились, и его осадил приглашениями местное дворянство. Он вежливо отказал им всем, боясь своей реакции, если встретит Элино́р в обществе.

Увы, его замкнутость возбудила еще большее любопытство, но Себастьян держался сколько мог. В конце концов его одолела скука, и он рискнул выйти на улицу, где незнакомые люди тут же открыли на него охоту. С ним пытались заговорить, перешептывались, разглядывали, чуть ли не ощупывали. Цирк.

От Элино́р не было никаких известий, а его популярность исключала визит к ней. Он даже не мог послать записку, посыльный наверняка сообщил бы об этом всем и каждому. Отсутствие связи беспокоило Себастьяна. Вдруг она просто дожидалась, когда он уедет, чтобы потом исключить его из своей жизни?

На пятый день он решил, что с него хватит. Он возьмет свою лошадь для продолжительной верховой прогулки и отправится в коттедж Элино́р. Он постарается остаться незамеченным, но если будет обнаружен, значит, так тому и быть.

Спеша по главной улице к конюшням, где держал лошадь, он случайно заглянул в окно магазина и среди женщин, окруживших прилавков, увидел Элино́р. Таким подарком судьбы грех было не воспользоваться.

Себастьян толкнул дверь и вошел в магазин.

— Добрый день, леди. — Он поднял шляпу и поклонился дамам.

Элино́р нахмурилась. Тетя Джейн неодобрительно поджала губы. Остальные женщины покраснели, улыбнулись, одна поправила шляпу, ее соседка быстро пощипывала щеки, чтобы придать им румянец.

— Лорд Тинсдейл. — Матрона в оранжевом платье сделала реверанс.

Все последовали ее примеру, за исключением Элино́р и тети Джейн. Он улыбнулся:

— Простите за вторжение. Но когда я увидел вас в окно, то не смог пройти мимо, не поздоровавшись со старым другом.

Женщины тревожно переглянулись, явно ошеломленные его утверждением.

— Мы не подозревали, что вы считаете когото из нас своим другом. — Матрона оглядела присутствующих, ища особу, которая посмела утаить столь пикантную сплетню.

Элино́р хранила молчание, но ее взгляд едва не прожег дыру в его сюртуке.

— Как поживаете, миссис Стюарт?

Наступила оглушительная тишина. Но другого Себастьян и не ожидал.

— Миссис Стюарт? — Матрона скептически прищурилась. — Кто бы мог подумать? Вы пробыли здесь столько дней, милорд, и она даже словом о вас не обмолвилась. Миссис Стюарт, пожалуйста, расскажите нам, где вы встречали его светлость?

— В Лондоне.

— О! — Лицо матроны залилось ярким румянцем, дисгармонирующим с оранжевым цветом ее платья. — Мы представления не имели, что вы вращались в таких высоких кругах.

Леди с обвиняющим выражением энергично закивали. Побледнев, Элино́р перевела

беспомощный взгляд на него, хотела заговорить, но лишь покорно вздохнула.

«Скажи это! Открой ее настоящее имя, ее высокое положение в обществе, ее ложь. Это для ее собственной пользы, и вашей тоже». Себастьян улыбнулся, представив Элинор своей женой. Затем подумал о душевной боли, унижении, какие ей придется вынести, когда он расскажет этим женщинам правду. Его улыбка исчезла.

— Дело в том, леди, что это мистер Стюарт был другом, — объяснил Себастьян, осторожно кладя ладонь на руку Элинор, чтобы унять ее дрожь. — Его безвременная смерть была тяжелым ударом для тех из нас, кто имел честь знать этого благородного человека, которому нет равных. Человека, которого я с гордостью называл своим другом.

— Да, мистер Стюарт был человеком несравненных достоинств, — с облегчением в голосе добавила тетя Джейн. — Нам очень его не хватает.

Она попрощалась и спешно вывела племянницу из магазина, оставив Себастьяна отвечать на миллионы вопросов дам, изголодавшихся по сплетням.

Он сбежал от них с головной болью. Хотя свежий уличный воздух принес ему некоторое облегчение, Себастьян решил, что этого недостаточно. Когда он уже свернул за угол, направляясь в конюшни, его окликнули.

К нему бежала Элинор. Вот и все. Она собирается поблагодарить его. И попрощаться.

— Спасибо вам, — задыхаясь, сказала она, глаза у нее сияли. — Вы не выдали меня.

— Нет, — с горечью вздохнул Себастьян. — Но это не значит, что я брошу вас и нашего ребенка. Я буду посылать деньги, периодически навещать вас, чтобы...

— Я согласна, — прервала Элинор. — Я выйду за вас.

Он замер, уверенный, что ослышался.

— Повторите, прошу вас.

— Я выйду за вас, — повторила она.

— Но ваша тайна сохранена, ваше положение здесь как вдовы Стюарта еще более укрепилось, теперь эта ложь подтверждена мной. Графом. — Он сумел изобразить кривую улыбку, и, к его изумлению, она тоже улыбнулась.

— Да, леди были в восторге. Я уже забыта, каким очаровательным вы можете быть, когда захотите.

— То есть это мой шарм наконец заставил вас согласиться? — пренебрежительно спросил он.

Элинор покачала головой:

— Почти все женщины, имеющие здесь влияние, собрались в одном месте. Вам было так легко, практически без усилий, рассказать им правду. Но вы не разоблачили меня, Себастьян. Вы не сделали этого. И это дает мне надежду.

Три дня спустя они поженились в скромной церкви по дороге в Йоркшир. Тетя Джейн со слезами на глазах и жена викария были свидетелями. Хотя бледноголубое платье мадам Клодетт, даже выпущенное в швах, не могло скрыть положение Элино́р, ни викарий, ни его жена не выразили никаких признаков неодобрения. Элино́р решила, что им, должно быть, очень хорошо заплатили.

Во время церемонии ее не покидало беспокойство. Многие женщины позавидовали бы ее счастьем получить в мужа такого благородного красавца, но Элино́р продолжала сомневаться, понимая, чем рискует. Если она снова ошиблась в нем, то будет несчастна, и, что намного важнее, пострадает ее ребенок. Не совершает ли она ужасную ошибку?

Викарий замолчал, выжидающе глядя на нее. Пока еще не поздно отказаться. Ее испуганный взгляд метнулся к Себастьяну. Тот напрягся, чувствуя происходящую в ней борьбу, возможно, решая, что сказать викарию, если она вдруг повернется и сбежит. Его теплая ладонь накрыла ее холодную руку. Элино́р вздрогнула.

— Твоя очередь произносить клятвы, — сказал он.

Она приказала себе успокоиться, затем повторила за викарием слова, которые связывали ее на веки вечные с человеком, которого она любила. С человеком, который заставлял ее беспокоиться.

Себастьян надел ей кольцо с бриллиантом. Все кончено. Викарий с женой их поздравили. Тетя Джейн крепко обняла ее, затем повернулась к Себастьяну.

— Я считала вас первостатейным негодяем с тех пор, как вы беспардонно ворвались в мою гостиную, милорд. Но племянница уверяет меня, что вы не такой. Я должна принять ее оценку, но только время покажет, было ли мое первоначальное мнение о вас правильным.

Выслушав эту многообещающую тираду, молодожены покинули церковь и направились в гостиницу, где Себастьян заказал свадебный ужин. Тетя Джейн сопровождала их. К радости Элино́р, которая не была еще готова остаться наедине с мужем.

Несмотря на разнообразие и качество блюд, Элино́р едва притронулась к еде. Как и Себастьян, который выпил только бокал вина. Остальное прикончила тетя Джейн и мирно похрапывала в кресле.

— Наши комнаты готовы, — сказал Себастьян, когда унесли нетронутый десерт. — Ты можешь уйти, если желаешь.

— Думаю, прямо сейчас. День был длинным и утомительным, — ответила Элино́р и осторожно разбудила тетю Джейн.

Появилась жена хозяина гостиницы, чтобы показать тете Джейн ее комнату, затем вернулась за Элино́р.

— Наш лучший номер, — гордо сказала она, проведя ее через маленькую гостиную в просторную спальню.

Элино́р одобрительно кивнула. Она взглянула на кровать, которая стояла на возвышении у стены, с уже откинутыми на ночь одеялами и раздвинутым бархатным пологом. Ожидающая новобрачных.

Служанка помогла ей снять платье, умыться, надеть обычную сорочку. Ради первой брачной ночи Элино́р накинула яркочерный шелковый халат, подарок тети Джейн. Запахнув его, она смогла прикрыть живот. Почти.

После ухода служанки Элинора села в кресло, не зная, чем заняться. Читать она все равно не сможет. Мешает нервное возбуждение. Размышлять о прошедшем дне или предстоящей ночи тоже мало радости. Чтобы успокоиться, она решила думать о чемнибудь приятном, например о первых весенних цветах. Но внезапно дверь открылась, и вошел Себастьян.

Он был в сапфировоголубом халате, без рубашки, но Элинора заметила под полами халата серые брюки. Должно быть, он разделся в гостиной. Занятая своими мыслями, она даже не слышала, когда он зашел в номер. Себастьян запер дверь и направился к камину.

— Вечером заметно похолодало, — сказал он, орудуя в очаге кочергой. — Ты не замерзла?

Элинора опустила глаза. Было время, когда он с соблазнительной улыбкой говорил, что не даст ей ночью замерзнуть даже при самой холодной погоде. Напрасно она волновалась насчет первой брачной ночи.

Может, несколько месяцев назад, стройная, модно одетая, привлекательная, она и была способна возбудить его. А теперь? Кто сочтет привлекательной беременную женщину? Во всяком случае, не Себастьян с его искушенностью.

— Да нет, в комнате достаточно тепло, — сказала она, глядя на пламя.

Когда Себастьян подошел к ней, она встала, чтобы он не смотрел на нее сверху вниз.

— Я тебя добился, — с улыбкой произнес он.

«Но хочешь ли ты меня?»

Его взгляд скользнул по ее фигуре, задержавшись на талии. Пока Элинора вставала с кресла, халат распахнулся, открыв ночную сорочку и округлость живота.

— Я даже не мог такого представить, — с благоговением сказал он. — Под одеждой это почти не видно.

— Ты считаешь меня уродливой? — испуганно спросила она.

— Нет! Я считаю это... интригующим. — Себастьян осторожно гладил живот, изучая его форму. — Наверно, известие о твоём положении было для тебя страшным ударом. Что ты почувствовала?

— Настоящий ужас, — призналась Элинора. — Если бы не доброта и понимание тети Джейн, я бы сошла с ума.

— Расскажи мне. Все и без утайки.

Она предпочла бы отказаться, но что-то в его взгляде заставило ее начать говорить. Элинора без утайки рассказала ему о страхе и ярости, беспокойстве и отчаянии, о том, как постепенно эти чувства сменились умиротворением, а потом ожиданием.

Пока она говорила, рука Себастьяна лежала на ее животе, словно он пытался установить связь с ребенком у нее внутри. Это было странное чувство, успокаивающее и одновременно возбуждающее.

— Жаль, что меня не было рядом с самого начала.

— Это было мое решение. Ты сожалеешь о ребенке?

— Да ты что?

Не очень восторженный ответ, зато честный. Ей хотелось побольше узнать, что он думал, что чувствовал, но ребенок вдруг переместился, и Себастьян отдернул руку.

— Он двигается!

— Да, — улыбнулась Элинора. — Это происходит все чаще.

— А тебе не больно?

Она покачала головой.

— Доктор находит, что это здоровый, активный плод. Я ему верю. — Себастьян покраснел, и она усмехнулась. — Только не говори, что ты смущен.

— Если хочешь знать, я чувствую себя распутником.

— Почему?

— Ты ждешь ребенка! Ты в затруднительном положении, а я думаю лишь о том, как уложить тебя в постель.

— Правда?

— Боже, Элино, моя страсть к тебе за все это время не уменьшилась. — В доказательство Себастьян распахнул халат, и теперь покраснела она.

Себастьян явно ждал ответа, хочет ли она его. Элино молчала. Да, приятно, что он до сих пор находит ее привлекательной, но готова ли она принять его как любовника? Готова ли доверять ему?

Она же вышла за него. Теперь пути назад отрезаны.

— Ты говорил мне, что уважаешь брачные клятвы верности, — напомнила Элино.

— Конечно.

— Если даже у нас очень, очень долго не будет плотских отношений. Может, никогда. Это тебя не смутит?

— Я останусь верным одной тебе. Ни разу в жизни не заставлял женщину лечь в мою постель. И тем более не сделаю этого с собственной женой, которую уважаю превыше всего.

Хороший ответ, главное, искренний заставил Элино поверить.

— Мое желание не столь заметно, как твое, но я хочу тебя с не меньшей страстью. Насилия не потребуется.

Он заключил ее в объятия и держал, восстанавливая их эмоциональную связь. Элино не хотела вспоминать о прошлых страданиях или думать о том, какой уязвимой она станет, если откроет ему свое сердце.

Казалось, время остановилось, пока они вновь обретали друг друга в продолжительных страстных поцелуях. Он гладил ее спину, и она прикинула к нему, греясь в этой близости.

Себастьян осторожно снял с нее халат и ночную сорочку.

— Господи, Элино, ты очень красивая.

Она зарделась от его вопиющей лести, но в этот момент действительно почувствовала себя красивой и желанной. Все больше расслабляясь, пока он целовал ей грудь, она дрожала от нетерпения.

— В постели нам будет намного удобнее, — пробормотал Себастьян.

Он тут же отнес ее на кровать, быстро разделся сам и лег сверху.

— Пожалуйста, Себастьян, — простонала она. — Я хочу тебя.

— Желание леди закон.

Элино задохнулась, когда он заполнил ее, и обхватила его ногами, заставляя войти глубже. Он удовлетворенно вздохнул и начал двигаться. Сначала медленно, ища наиболее выгодное для нее положение, затем все быстрее, резче и глубже, пока она не закричала.

Себастьян остановился, дав ей возможность прийти в себя, потом снова начал двигаться. Она стонала от удовольствия, вцепившись в простыню, чтобы не соскользнуть с кровати. Она чувствовала, что он уже на грани экстаза, и сжала внутренние мышцы, помогая ему получить облегчение.

Когда спазмы утихли, Себастьян тяжело опустился, положив голову ей на плечо, и она

после некоторого колебания обняла его.

— Я тебя не давлю? — сонным голосом спросил он.

— Немного.

Услышав это признание, он вскочил.

— Почему ты не сказала раньше? Я был слишком груб? Тебе больно?

Элино́р подняла бровь.

— Со мной все в порядке. Незачем так паниковать.

Себастьян внимательно изучал ее, желая убедиться, что она не пострадала от их занятия любовью. Выражение не страдальческое, дыхание ровное, глаза ясные. Успокоившись, он лег рядом, и Элино́р накрыла их обоим стеганым одеялом.

— Спокойной ночи, — сказал он, надеясь, что она повернется к нему.

— И тебе тоже.

К его разочарованию, она повернулась на другой бок и вскоре заснула. Себастьян подождал несколько минут, убедился, что она спит, и обнял ее. Было так приятно прижимать Элино́р к себе, чувствовать ее тепло, слушать ее глубокое, ровное дыхание, смотреть, как она спит. Не надо больше тревожиться и сомневаться, думать, где она, что делает.

Постепенно Себастьян начал расслабляться, несчастья, которые преследовали его последние несколько месяцев, отступили, блеснул луч надежды. Он поцеловал ее висок и прошептал:

— Я люблю тебя, Элино́р.

Он впервые сказал это вслух. И хотя она его не слышала, признание выражало то, что происходило у него в сердце. Неплохое начало, учитывая прошлое, которое они вообще могли бы не преодолеть. Но Себастьян решил попытаться и, более того, преуспел в своем намерении.

На следующее утро они продолжили путешествие на север, а тетя Джейн предпочла вернуться в Бат. К облегчению Себастьяна, который не горел желанием иметь рядом критически настроенного свидетеля. Ему и без того нелегко восстанавливать отношения с Элино́р.

Где позволяла ширина дороги, он пытался ехать на уровне окна наемного экипажа, в котором сидела Элино́р. Иногда она опускала стекло, и они могли обменяться несколькими словами, но обстановка вряд ли способствовала беседе по душам.

Когда они вечером останавливались на ночлег, между ними возникало ощутимое напряжение. Поэтому, не рассчитывая, что Элино́р пригласит его в свою постель, он требовал, чтобы в их номере была гостиная.

К счастью, она ему не понадобилась. Все ночи он провел, занимаясь любовью с женой, пытаясь восстановить связь между ними. Порой они были очень близки, но потом Элино́р вдруг ускользала, тщательно скрывая от него какую-то часть себя.

Тем не менее Себастьян продолжал убеждать себя, что это неплохое начало, что отношения с женой улучшаются, что ее отчужденность со временем исчезнет.

На четвертый день их путешествие закончилось. Когда экипаж проехал через высокие железные ворота, Элино́р удивленно охнула. Перед ними высился дворец эпохи Генриха VIII, со множеством труб, плоскими крышами и несметным числом комнат. Зубчатые башни по углам завершали романтический каменный фасад. Но когда они подъехали ближе, стала

очевидной полная запущенность поместья — от заросшей травой подъездной дороги до покрытых вековой грязью ромбовидных оконных стекол.

— Слуги знают о нашем приезде? — спросила Элино́р.

— Им было послано сообщение, — нахмурился Себастьян. Не такой встречи он хотел для жены в их новом доме.

Положение не изменилось, когда экипаж остановился перед безлюдным входом. Спешившись и отдав поводья одному из верховых, сопровождавших экипаж, Себастьян помог Элино́р выбраться наружу. Пока он думал, не постучать ли ему в массивную дубовую дверь, та вдруг открылась, и вышла маленькая седовласая женщина.

— Добрый день. — В глазах у нее мелькнуло любопытство.

— Здравствуйте. Вы миссис Эллис, полагаю? — Себастьян был рад, что вспомнил имя экономки. Оно упоминалось в каких-то бумагах о поместье, которые прислал ему стряпчий.

— Я миссис Эллис. А вы, должно быть, новый граф. — Она сделала небрежный реверанс. — Сожалею, что не могу вас достойно встретить, но постараюсь.

— Вы здесь одна? — спросил Себастьян.

— Почти. У нас много лет не хватает персонала. Граф всегда заявлял, что глупо платить слугам, раз он здесь не живет. Хотя и тем, кого наняли, редко давали хорошую плату. Как вы можете видеть, это очень большой дом. Я прилагаю все усилия, но без помощи очень трудно. — Она пожала плечами.

— Ваши усилия не слишком впечатляющи, миссис Эллис, — сухо заметил Себастьян.

— Но я уверена, все изменится с появлением опытного персонала, — вмешалась Элино́р. — Рада с вами познакомиться. Я леди Тинсдейл.

— Я не была информирована, что прибудет графиня, — чопорно сообщила экономка. — Резиденция едва ли годится для проживания джентльмена. И определенно не подходит леди, особенно в вашем деликатном положении.

— Не беспокойтесь, миссис Эллис. Я намного сильнее, чем выгляжу.

Элино́р взяла мужа под руку. Себастьян улыбнулся, радуясь, что она рядом.

— Мы хотим, чтобы в гостиную немедленно подали чай, а затем мы осмотрим дом, — властно произнес он. — Позаботьтесь об этом, миссис Эллис.

Когда они вошли в холл, он почувствовал, как пальцы жены стиснули его локоть.

— Возьми себя в руки, — прошептала она. — Я уверена, что миссис Эллис не ожидала, что мы нагрянем так скоро.

Элино́р оказалась права. Лепнина, украшавшая старинный холл, заросла паутиной. Краски выцвели в тех местах, где раньше висели картины или гобелены. Запущенность лишь возросла, когда они прошли через несколько скудно обставленных комнат, прежде чем войти в гостиную с ощутимым запахом плесени.

Там были видны следы поспешной уборки, но серебро осталось нечищеным, ковер грязным, камин не горел. Чтобы избавиться от неприятного запаха, Себастьян раздвинул бархатные портьеры, взметнув облако пыли. Элино́р чихнула.

— Уволим миссис Эллис, когда она вернется? — процедил он, подавая жене носовой платок.

— Нет. Давай посмотрим, как быстро она сможет исправиться. — Элино́р вытерла слезящиеся глаза. — Наверняка граф был нерадивым, безответственным хозяином. Невозможно вести такое огромное хозяйство без хорошо обученного и хорошо оплачиваемого персонала. Я уверена, что демонстрация устроена, чтобы ты это почувствовал

и осознал.

— И весьма наглядно, — ответил Себастьян.

Прибыл чай, доставленный молодым человеком с робкой улыбкой. Элинон приступила к обязанностям хозяйки, наливая мужу чай и подавая ему тарелку. Несмотря на голод после путешествия, Себастьян не сразу откусил пирог, опасаясь, что миссис Эллис могла зайти слишком далеко в своем крестовом походе и сделать что-нибудь с едой.

— Пироги и сэндвичи великолепны, — сказала Элинон. — Но я все-таки ждала, когда ты их попробуешь.

— Ты всегда была умной женщиной, — засмеялся Себастьян.

— Я подумала, что разнокалиберный фарфор — тонкий намек.

— Вкупе с обтрепанными салфетками, — подтвердил Себастьян, бросая свою на низкий столик.

Умиротворяющее присутствие Элинон сдерживало его гнев. Кроме того, у него есть более важные дела, чем запущенное поместье. Он должен завоевать любовь и доверие жены.

В гостиную вошла миссис Эллис.

— Желаете посмотреть дом, милорд?

— Нет. Боюсь, что грязь очень расстроит графиню и огорчит меня. Мы осмотрим дом после того, как у вас будет возможность полностью вычистить его. — Себастьян проигнорировал тяжелый вздох экономки. — Пошлите в деревню за людьми, наймите, сколько вам требуется, но я ожидаю, что главные комнаты будут полностью готовы к завтрашнему дню. Это ясно, миссис Эллис?

— Да, милорд. Поскольку я не знала, что приедет и леди Тинсдейл, приготовлены лишь комнаты хозяина, — сказала экономка, глядя в пол.

— Не важно. Мы с графиней предпочитаем жить вместе.

Служанка, убирающая поднос, удивленно пискнула и выскочила из комнаты, миссис Эллис последовала за ней.

— Великолепно, — засмеялась Элинон. — Сейчас ты возмутил слуг. И все это в течение первого часа нашего пребывания здесь.

Себастьян насмешливо поднял бровь.

— Полагаю, это мой новый рекорд.

— Будем надеяться, что в поместье нет фонтана. Если ты устроишь свой печально известный заплыв, твоя репутация будет узаконена.

— Право, Элинон, слугам нравится эксцентричность хозяев. Это позволяет им чувствовать свое моральное превосходство.

— Может, так оно и было в вашей юности, милорд, но теперь вы должны быть уважаемым.

— Думаешь, мне это удастся?

— Но ты ведь стараешься? — снова засмеялась Элинон.

Сердце у него растаяло, он порывисто сжал ее руку.

— Я обожаю твой смех. — Он поцеловал ей запястье, и она нежно улыбнулась. — Давай посмотрим хозяйскую спальню, дорогая. Не терпится увидеть сюрпризы, которые нас ожидают.

Под бдительным оком миссис Эллис помещичий дом был основательно вычищен и затем приведен в порядок. На верхнем чердачном этаже, среди изъеденных молью гобеленов и сломанной мебели, хранились антикварные вещи.

Элино́р оставила те, что ей нравились, другие раздала, остальные выбросила. Она наняла местных ремесленников и часто посещала все деревенские магазины, покупая необходимые материалы. Хотя Себастьян говорил, что ему требуются значительные средства для улучшения ферм арендаторов и земель поместья, он никогда ей не отказывал. Элино́р радовалась, переделывая комнаты, создавая свой собственный дом.

По молчаливому соглашению они с Себастьяном пытались быть образцовой парой. Элино́р оговаривала с мужем все главные решения по дому, он спрашивал ее мнение по устройству поместья. Они посещали общество и по воскресеньям ходили в церковь. Когда она делала визиты к арендаторам, он сопровождал ее.

Они разговаривали о живописи, музыке, книгах, одобряли произведения одних, горячо спорили о других. По крайней мере раз в день он делал ей комплименты по поводу ее внешности, хотя зеркало показывало, как быстро округляется у нее живот.

Каждое утро в серебряной вазе на ее туалетном столике появлялась одна белая роза, которая согревала ей сердце. А когда она застала мужа за этим занятием, ее сердце открылось еще больше.

Каждую ночь они проводили вместе, часто занимаясь любовью, и никогда Себастьян не оставлял ее неудовлетворенной. Его плотское желание помогло ослабить ее эмоциональные укрепления, однако, несмотря на все их усилия, между ними оставался барьер осторожности, и она слишком часто сомневалась в прочности их отношений.

Вздыхнув, Элино́р начала составлять меню на следующую неделю. Она еще решала, что включить на вторник, когда услышала за окном голоса. Она встала изза письменного стола и с любопытством посмотрела вниз. У двери остановилась незнакомая карета. Ее сопровождали два джентльмена верхом, затем в поле зрения появился скачущий к дому Себастьян.

Любуясь мужем, который, легко спрыгнул с лошади и направился к прибывшим, она едва обратила внимание на двух гостей, выбиравшихся из кареты.

Несмотря на свой увеличившийся живот, Элино́р легко спустилась с лестницы и направилась в гостиную. Войдя, она увидела группу из четырех человек, собравшихся у горящего камина, чтобы согреться. Преподобного Чанселлора с женой и сэра Томаса, ближайшего соседа, она узнала сразу. Четвертый гость был ей не знаком. Или нет? Среднего роста, светловолосый, с твердым подбородком... что-то в его внешности...

Не может быть! Элино́р почти неприлично рассматривала джентльмена, изучая знакомые черты, которые не изменились, несмотря на его зрелость.

Он тоже пристально смотрел на нее.

— Леди Элино́р?

Она с искренней радостью схватила его протянутую для приветствия руку.

— Джон Таннер. Как давно мы не виделись, — сказала она, глядя на человека, которого так страстно любила в юности.

Стоя у двери, Себастьян хмуро наблюдал за удивленной, радостной женой. Кем был для нее этот человек? Похоже, они давно знакомы.

Наконец он подошел к гостям для беседы, не спуская глаз с Элинор, которая села рядом с незнакомым ему Таннером.

— Сэр Томас, скажите, мистер Таннер из этих мест? — спросил он.

— Нет. Помоему, он родился и вырос где-то неподалеку от Лондона. Он юношей отправился в колонии, чтобы разбогатеть, а теперь вернулся и хочет приобрести собственность в наших краях.

Себастьяну не понравился этот план.

— Вы, случайно, не знаете, чем он занимался до того, как покинул Англию.

— Знаю точно. Он был грумом. У какого-то графа. Хотя Таннер и преуспел в разработке горных месторождений, но до сих пор умеет обращаться с лошадьми.

Сэр Томас взял бокал виски у слуги, кивнув в знак благодарности. Себастьян отказался, чувствуя, как в душе внезапно зарождается ревность. Когда-то Элинор любила, по ее словам, «неподходящего» человека. Грум вполне соответствовал этому определению.

Себастьян хотел продолжить расспросы, но к ним присоединились его преподобие с женой.

— Разве это не удивительное стечение обстоятельств, милорд? Леди Элинор и мистер Таннер знали друг друга в юности. — Миссис Чанселлор сделала глоточек мадеры и весело улыбнулась. — Клянусь, им есть о чем вспомнить.

Себастьян изобразил вежливый интерес, но почти не следил за беседой. Он смотрел, как Элинор склонила голову к Таннеру, и оба что-то увлеченно обсуждали.

Ему захотелось подойти, схватить Таннера и выкинуть за дверь. Нет, он не будет вести себя так грубо и смущать жену перед гостями, какие бы чувства его ни обуревали.

После десятиминутного терзания Себастьян опять взглянул на Элинор, мысленно умоляя посмотреть в его сторону. Чудесным образом она это сделала. Он улыбнулся ей, она ему ответила, затем сразу повернулась к человеку, сидящему рядом.

Себастьян до боли стиснул зубы, чтобы сдержать ярость, и ему это удалось. Когда визит подошел к концу, он даже проводил гостей до кареты, вежливо поклонился миссис Чанселлор и пожал руки мужчинам, отказавшись от мальчишеского порыва сдвинуть до хруста руку Таннера.

Разум говорил ему, что он ведет себя как глупец. Но даже после нескольких недель совместной жизни Себастьян не знал истинных чувств своей жены, и эта неуверенность сделала его ревнивым.

Когда он вернулся в гостиную, Элинор задумчиво смотрела на отъезжающую карету. Мечтала о бывшем возлюбленном?

— Значит, это был Таннер, да? — без предисловий начал Себастьян. — Благородный молодой человек, которого ты любила в юности?

— Да. — Ее теплая улыбка разрывала ему сердце. — Джон был грумом в доме отца. Добрый, внимательный, всегда готовый выслушать надежды и мечты одинокой девушки. Господи, как давно это было...

— Похоже, он добился своей цели в Америке. Сэр Томас сказал, что у него теперь значительное состояние.

— Да, он преуспел.

— Именно это вы обсуждали так долго? Его успех?

— Не только. Многое произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Он женат?

— Нет. Хотя надеется, что когданибудь остепенится. Джон всегда ценил семью.

Настоящий образец. Себастьян невежливо фыркнул.

— Ты посоветовала ему купить землю? Сэр Томас сказал, Таннер хочет приобрести здесь собственность.

— Джон упомянул, что хочет найти хорошее место, чтобы пустить корни. Надеюсь, он сможет остаться здесь. Я уверена, он будет замечательным соседом. — Элино́р вдруг нахмурилась. — В чем дело, Себастьян? Ты выглядишь каким-то взвинченным.

Проклятие! Это намного труднее, чем он думал. Ему хотелось быть таким бескорыстным, таким великодушным, пожертвовать ради нее собственным счастьем. Но его прошиб холодный пот, когда он представил, что навсегда потеряет ее.

— Ты заслуживаешь счастья, Элино́р. Ясно, что твоя любовь к этому человеку все так же сильна, но я должен потребовать, чтобы ты держалась от него подальше. Если ты возобновишь с ним отношения, последствия будут губительными.

Элино́р открыла рот от изумления.

— Так вот о чем ты думаешь? Что меня интересует роман с Джоном?

— Я знаю, он тебя хочет.

— Правда? Несмотря на краткость нашей встречи? Несмотря на то что я замужняя женщина и ношу ребенка другого человека, мы с Джоном собираемся начать любовную связь? Меня оскорбляет твое утверждение. Это же полная нелепость.

— Что плохого в твоей фигуре? Она возбуждает чувственное желание. Конечно, он хочет тебя. И любой мужчина, если он не глупец. А Таннер еще влюблен в тебя, это видно в каждом его взгляде.

Она слегка покраснела.

— Ты ошибаешься насчет чувств Джона. Мы с ним давно расстались.

— Время не властно над любовью.

— Полагаю, ты судишь об этом по собственному опыту, — заметила Элино́р.

— Да, моя любовь к тебе стала за это время только сильнее, поэтому я не могу тебя отпустить. И буду за тебя бороться.

— Ты настолько меня любишь? — тихо спросила она.

— Всем сердцем, всем существом. Ты ведь и сама знаешь, Элино́р? У меня всегда поднимается настроение, как только ты появляешься, мне приятно слышать твой голос. Проснувшись рано утром, я сразу тянусь к тебе, чтобы установить с тобой связь. Ты можешь считать, что отношения между нами далеки от идеала, но без тебя моя жизнь будет пустой. — Себастьян встал перед ней на колени. — Благодаря тебе я учусь верить в себя, надеяться, что могу стать достойным твоей любви. Ты не можешь ожидать, что я оставлю свою мечту. Это слишком жестоко.

Элино́р изумленно раскрыла глаза.

— Ничего подобного я и не жду, Себастьян.

— Тогда у нас есть еще надежда. — Он едва не упал от облегчения.

— Намного больше, чем надежда. И любовь тоже. — Она широко улыбнулась. — Ты ревнуешь, дорогой?

— И тебе это нравится?

— Я в восторге! Хмурый вид, страсть в голосе. «Я буду за тебя бороться». Ты

действительно любишь меня?

— Больше всего на свете. И горячо надеюсь, что когданибудь ты ответишь на мою любовь.

Обняв его за шею, Элино́р наклони́лась к нему.

— Этот день настал, Себастьян. Я люблю тебя. Всем моим сердцем, всем моим существом. Даже когда мы расстались, моя любовь к тебе не исчезла. Просто я слишком боялась верить этому.

— Элино́р.

Он поднял голову, коснувшись ее губ, затем притянул ближе для страстного поцелуя. Она соскользнула с кушетки, и он посадил ее к себе на колени.

— Значит, у тебя нет сильных чувств к Таннеру?

— Ну разумеется, нет! Я всегда буду с ностальгией вспоминать наши отношения. Но в то время я была девочкой, а теперь я женщина и знаю, что мне нужен мужчина. И вы, сэ́р, тот единственный, кого я хочу.

Следующие несколько дней они провели в хозяйской спальне, в объятиях друг друга, забыв о внешнем мире. Они занимались любовью, спали, отдавали должное великолепной еде, которую приносили краснеющие служанки, разговаривали. И в эти дни они поняли, что достигли наконец мира и согласия.

Лежа на измятых простынях, Элино́р вздохнула от удовольствия. Потом, чтобы видеть, как спит ее любовь, слегка повернула голову и встретила его озорной взгляд.

— Очень хорошо. Ты проснулась. — Себастьян тут же завладел ее ртом.

Она поддалась его страстному приглашению и когда отстранилась, чтобы вздохнуть, услышала его шепот.

— Я люблю тебя, Элино́р.

— Скажи еще раз.

— Леди Тинсдейл, несмотря на ваш смешной новый титул... Кстати, мне не очень нравится наше новое имя. Я бы предпочел остаться Бентоном. Тем не менее я хотел сказать, что люблю вас. Обожаю. Ваш ум, бесподобное очарование, верное сердце, ваш благородный характер. Я люблю вас за редкое сокровище женственности. Если хотите услышать больше, я могу петь вам дифирамбы и говорить о своей любви, пока у меня не кончится дыхание.

— Полагаю, на сегодня достаточно, милорд. — Элино́р улыбнулась, зная, что она счастливейшая женщина в мире.

Себастьян опять поцеловал ее, и дела уже начали принимать интересный оборот, когда в дверь спальни громко постучали.

— Милорд, простите, что я вас беспокою.

— Тогда и не беспокой, — крикнул Себастьян дворецкому. — Уходи.

— Естественно, я сделаю, как вы приказываете, но сначала я должен узнать, что мне делать с посылкой из Лондона, которая только что прибыла.

Себастьян взглянул на Элино́р.

— Ты что-нибудь там заказывала?

Подумав, она покачала головой.

— Леди Тинсдейл ничего в Лондоне не заказывала. Что бы там ни было, отошли это назад.

Послышались шаги, затем под дверь был подсунут сложенный лист бумаги.

— Эта записка сопровождала посылку. И могу добавить, милорд, это прибыла очень большая повозка, а в ней очень, очень большой ящик.

Недовольно ворча, Себастьян встал с кровати.

— Почему я должен всем этим заниматься?

Элинор повернулась на бок, любуясь голым мужем, который сломал печать и читал послание.

— Это от Этвуда. Видимо, они с леди Доротеей прислали нам свадебный подарок.

— И потребовалась телега, чтобы его доставить? — удивленно спросила Элинор.

— Очень большая телега, если верить нашему дворецкому, — подтвердил Себастьян. —

Так что лучше посмотреть, иначе нас не оставят в покое.

— Я пойду с тобой. В конце концов, свадебный подарок для нас обоих.

Себастьян натянул брюки и рубашку, Элинор надела простое дневное платье. Он с готовностью помог застегнуть крючки на спине, делая перерывы, чтобы поцеловать ей шею и плечи.

Наконец в приличном виде они спустились по лестнице и вышли из дома. Идти далеко не пришлось. Их ожидал действительно огромный ящик, потребовалось пять человек, чтобы снять его с телеги и поставить на дорогу. Элинор с растущим любопытством смотрела, как отрывают доски и выкидывают солому, предохраняющую груз.

— Черт бы его побрал! — воскликнул Себастьян и захохотал.

Элинор подошла и, чтобы посмотреть, в чем дело, начала отбрасывать пучки соломы.

— Надеюсь, это не фонтан из сада лорда Этвуда?

— Он самый, — ответил Себастьян. — И даже более отвратительный, чем я помню.

Элинор склонила голову набок, пытаясь найти что-нибудь для похвалы. Но там было слишком много статуй для извержения воды, слишком много колонн, раковин и виноградных лоз, слишком много мрамора, слишком много всего, чтобы оценить искусство ваятеля.

— Я не представляла, что он такой...

— Уродливый? Безвкусный? Громадный? — Себастьян медленно обошел вокруг ящика. — Увидев его впервые, я уже тогда знал, что Этвуд найдет способ избавиться от этого чудовища. Но я представить не мог, как он это сделает. Он чертовски ловкий парень.

— Нам придется его принять. Этвуд один из твоих ближайших друзей. Наверняка они с леди Доротеей приедут сюда, и будет ужасно неудобно, если они не смогут найти свой свадебный подарок.

— Можно сказать, что он разбился по дороге, — предложил Себастьян, беря молоток у одного из слуг.

— Подожди! — закричала Элинор, когда он замахнулся. — Хотя я ценю твою наступившую зрелость и чувство ответственности, нельзя, чтобы все думали, что брак превратил тебя в скучного педанта. Я много раз слышала от твоих друзей, но пока еще не видела ни одного из твоих печально известных заплывов в фонтане.

— И не увидишь, по крайней мере до наступления теплой погоды. — Себастьян медленно опустил молоток. — И все же я боюсь, что твой хороший вкус серьезно пострадает, если мы выставим фонтан на всеобщее обозрение.

Элинор засмеялась:

— Это очень большое поместье. Наверняка, мы сможем найти где-нибудь подходящий уголок. И когда будет настроение... — Она вопросительно подняла бровь.

Себастьян улыбнулся и обнял ее за плечи.

— Если я поплыву, ты пойдешь вместе со мной, — прошептал он. — Без клочка одежды.

Элинор отодвинулась, чтобы посмотреть на мужа. Да, жизнь с ним могла быть какой угодно, только не скучной.

— Думаю, идея просто изумительная, милорд.

Мучительный крик пронзил дневную тишину. Себастьян вздрогнул, но, тяжело соглотнув, продолжал водить щеткой по крупу лошади. Стоявший у конюшни лорд Уэверли закусил нижнюю губу и возобновил хождение взад вперед.

Себастьян пытался не думать о том, что происходило в доме, в его собственной постели. Если б он представил себе мучения Элинора, то определенно сошел бы с ума. Двенадцать часов. Она уже полсуток прилагала все усилия, чтобы произвести на свет их ребенка, но пока безрезультатно.

— Я слышал, что на следующей сессии парламента тори собираются представить свой проект развития сельского хозяйства. Как думаешь, стоит ли его обсуждать? — спросил Уэверли.

В данный момент Себастьяна интересовало только состояние жены. Поэтому, даже цenia героические попытки Уэверли отвлечь его, он не потрудился ответить.

Тем не менее он был рад, что Уэверли с Бьянкой приехали к началу родов. Присутствие сестры благотворно влияло на Элинора, хотя сначала она возражала против ее приезда. Бьянка еще не стала матерью, и Элинора беспокоилась, не повредит ли ее чувствительной сестре знакомство с тайнами деторождения.

Лорд Уэверли тоже выразил беспокойство, особенно после того как они узнали, что Бьянка беременна. Но та настояла на своем. Очевидно, милая, робкая, уступчивая Бьянка стала вполне уверенной, решительной женщиной.

От нового крика, более громкого и продолжительного, у Себастьяна подкосились ноги. Все, хватит! Не заботясь о том, что его уже три раза выгоняли, он выскочил из конюшни. Неужели он не прорвется к постели жены, если даже руки акушерки сильны и мускулисты?

— Стой! — закричал Уэверли, оттаскивая его назад. — Я получил указание держать тебя подальше от спальни. Бьянка оторвет мне голову, если я не справлюсь с этой задачей.

— Черт возьми, а как бы ты вел себя, если бы рожала Бьянка?

Побледнев, Уэверли медленно ослабил хватку.

— Может, ты ей по крайней мере скажешь, что я пытался остановить тебя?

Впервые за двенадцать часов Себастьян улыбнулся.

— Я скажу, что ты едва не оторвал мне руку.

Уэверли кивнул.

— Желаю удачи.

Себастьян влетел в дом и понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки. По пути он миновал явно обеспокоенных слуг. «Они тоже любят ее», — подумал он, хотя в этом не было ничего удивительного. Элинора была доброй, справедливой хозяйкой и умела ценить их хорошую работу. Она превратила йоркширское поместье в дом, которым все они могли гордиться.

Когда он распахнул дверь спальни, Бьянка повернулась к нему со счастливой улыбкой.

— Себастьян! Мы как раз хотели послать за вами. Смотрите, у вас сын. Правда он красавец? — Она гордо протянула ему ребенка.

Но Себастьян, едва взглянув на новорожденного, уже торопливо шел к Элиноре, которая лежала на постели, бледная, неподвижная, до шеи укрытая простыней.

— Почему она совсем не двигается? — хрипло спросил он, становясь перед женой на

колени. Потом дрожащими пальцами взял ее руку и прижал к своей щеке.

— Она устала, милорд, — сказала акушерка. — Роды — это тяжелая работа.

— Она спит?

— Да, — ответила тетя Джейн. — Это было для нее очень долгое, тяжкое испытание.

Дайте Элинор отдохнуть.

Себастьян знал, что она права. Но знал также, что никакая сила не могла бы оторвать его от жены. Он прижал губы к ее запястью. Пульс ровный, и все же ему хотелось, чтобы Элинор взглянула на него.

Как будто в ответ на его желание, веки у нее дрогнули, и она медленно открыла глаза.

— Себастьян, где ребенок? Где наш сын?

Он сделал знак Бьянке. Та положила маленький сверток на сгиб локтя Элинор, и все женщины тихо покинули спальню, оставив родителей наедине.

Элинор смотрела на ребенка, а Себастьян глядел на ее бледное, почти пепельное лицо с темными кругами под глазами. Он проглотил комок в горле, сознавая, что мог потерять ее, и тогда жизнь не имела бы для него смысла.

— На голове пучочки темных волос, — благоговейно пробормотала Элинор. — Посмотри, у него темные брови и квадратный подбородок.

Себастьян посмотрел, заметив в лице ребенка нечто смутно знакомое, всколыхнувшее его память. Ребенок судорожно вздохнул и открыл глаза. Себастьян похолодел. Сходство было очевидным и не могло вызвать никаких сомнений.

— Господи! — воскликнула Элинор. — Он похож на...

— ...твоего отца, — закончил Себастьян с иронической усмешкой.

— Боже мой... — Она прижала ребенка к груди.

Себастьяна удивила настойчивость судьбы, которая испытывала его характер, не уставая назначать ему кару за прошлые грехи. Он не мог не ответить на мольбу в глазах Элинор, поэтому, решительно вздохнув, снова оглядел ребенка. Хотя крошка был еще не способен на чемлибо сосредоточиться, он уставился прямо на него. Первоначальный шок начал угасать, и Себастьян ощутил теплоту, которая смягчила его сердце. Ребенок был чудом, необыкновенным, драгоценным, кого предстояло воспитывать, нежно любить и защищать.

— Похоже, я только что второй раз в жизни влюбился, — прошептал Себастьян.

Он погладил указательным пальцем бровь Элинор, затем нежно коснулся щеки ребенка. Тот моргнул в ответ и замахал кулачками, едва не задев его подбородок.

— Манеры, молодой человек, — проворковала Элинор. — Ты должен уважать своего папу.

Папа. Себастьян закрыл глаза. Он стал отцом!

— Я люблю тебя всем сердцем, Элинор. Спасибо за сына.

— Он совершенство, разве нет? — Она шмыгнула носом, и единственная слеза побежала у нее по щеке.

— Совершенство... О, не надо плакать, дорогая.

— Я так счастлива, Себастьян. И наконец спокойна.

Последние несколько месяцев он тоже беспокоился, как воспримет рождение ребенка. Будет ли он способен бескорыстно полюбить младенца, в котором течет кровь графа?

— Не важно, что он похож на твоего отца, — спокойно произнес Себастьян. — Он может быть похож даже на моего чертова коня, все равно я буду любить его. Потому что ты его мать.

Элино́р улыбу́нулась скво́зь слезы́.

— Хотя я не в восторге от его сходства с графом, это все же немного лучше, чем походить на твоего коня. — Она поцеловала сына в макушку. — Тетя Джейн сказала, что дети очень меняются, пока растут. Возможно, сходство уменьшится.

— Возможно. Только это не имеет значения. Он наш, Элино́р. Твой и мой. Мы разделим с ним нашу любовь, научим его отличать хорошее от плохого, покажем ему, как быть сильным и уважаемым. Я не сомневаюсь, что его мать будет им гордиться.

— И его отец.

— Да. — Себастьян с широкой улыбкой скрепил это обещание поцелуем, вложив в него всю свою радость и любовь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net